

Александр Зорич

Сомнамбула²

Книга вторая

ДРУГАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

Автор идеи

Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

В ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЯХ «ЭТНОГЕНЕЗА»:

«Этногенез» — грандиозный литературный сериал, действие которого разворачивается на протяжении двухсот миллионов лет — в прошлом, настоящем и будущем. Его главные герои — магические артефакты, дарующие своим владельцам сверхъестественные способности.

Планируется, что «Этногенез» будет состоять из двенадцати серий по три книги в каждой. Уникальность проекта в том, что каждая книга - это отдельная история, каждая серия - самостоятельный сюжет; но при этом все они являются пазлами, из которых складывается неожиданная картина, которая может перевернуть представление читателя о мире «Этногенеза».

При этом совершенно не важно, с какой серии вы начинаете знакомство с «Этногенезом», поскольку проект имеет не линейную структуру. Поклонники современных детективов, научной фантастики, криптоистории и футурологии найдут в «Этногенезе» серию, наиболее близкую их интересам.

Литературный сериал «Этногенез» открылся в мае 2009 года книгой **«Маруся»**, рассказывающей о приключениях девочки, с которой постоянно что-то случается. Действие книги начинается в 2020 году на планете Земля. Четырнадцатилетняя дочь дипломата Андрея Гумилева попадает в стремительный водоворот невероятных событий. В своем рюкзаке она находит металлическую ящерицу, которая наделяет девочку даром бессмертия. Ведомая загадочной силой, Маруся оказывается в научном лагере «Зеленый город», где знакомится с профессором Буниным и консорцией охотников за аномальными артефактами.

Затем события «Этногенеза» переносятся в 1942 год, где разворачивается действие книги **«Блокада. Охота на монстра»**. Адольф Гитлер, получивший от своих наставников аномальный предмет «Орел», рвется к власти над миром. Перед могуществом Орла, наделяющего своего владельца безграничным даром убеждения, не может устоять даже Иосиф Сталин. Кто остановит кровавого тирана, безумного палача, за которого слепо идут на смерть миллионы людей? Судьба человечества зависит от узника Норильсклага Льва Гумилева, и только ему суждено остановить монстра.

«**Маруся 2. Таёжный квест**» забрасывает читателей в не далекое будущее, 2020 год, где Маруся Гумилева неожиданно попадает в глухую сибирскую тайгу. Девочка оказывается в мире, совсем непохожем на тот, в котором она жила до сих пор. Она должна выполнить задание, напоминающее компьютерный квест – за 72 часа преодолеть полный опасностей маршрут, пройти земли, населенные злобными дикарями-морлоками, выжить в зловещем Мертвом Лесу, уйти от погони клонов-наемников и, наконец, найти ответ на самый главный вопрос в своей жизни. Маруся идет вслед за своей мамой, Евой Гумилевой, таинственно исчезнувшей в этой тайге двенадцать лет назад.

Следующая книга - **«Революция. Японский городской»** - возвращает нас в конец XIX века. Все начинается с того, что японский полицейский Цуда Сандзо совершает покушение на цесаревича Николая Романова. Но неведомые силы помогают самураю избежать наказания и ставят перед японцем еще более страшное и сложное задание - изменить будущее России. Помочь ему в этом должен загадочный предмет «Сверчок», приносящий удачу в преступлениях и злых делах. В то же время, в руки поэта Николая Гумилева попадает другой предмет «Скорпион», предназначение которого - во всем помогать добрым и справедливым людям. Заговор еще не раскрыт, но революция уже началась!

Зато герои книги **«Миллиардер. Ледовая ловушка»** – наши современники. Действие начинается в Сингапуре в 2008 году, где уже полюбившейся читателям Марусе Гумилевой только-только исполнилось три годика, но в ее жизни уже происходят загадочные и трагические события. В Сингапуре неизвестные пытаются похитить Марусю и ее маму Еву. Похищение сорвано, но вскоре Ева Гумилева бесследно исчезает в глухой сибирской тайге. Вокруг главного героя книги, миллиардера Андрея Гумилева, плетется паутина интриг, обмана и предательства. Андрея вместе с Марусей и ее няней красавицей Марго заманивают в ледовую ловушку Арктической экспедиции. Там, на борту ледокола «Россия», спецслужбы ведут опасную игру, исход которой зависит от того, на чьей стороне окажется Андрей Гумилев.

Герой **«Чингисхана. Повелитель страха»** Артем Новиков живет в конце семидесятых годов прошлого века в Казани. Ему удастся спасти жизнь пятилетнему Андрею Гумилеву, которому в будущем суждено стать самым богатым человеком в России. А в то время Артем Новиков неожиданно получает в наследство от дальнего родственника - запертую шкатулку. Парень еще не догадывается, что судьба его отныне накрепко связана с Чингисханом. Серебристая фигурка, извлеченная из шкатулки, заставит Артема расстаться с близкими, изменит его характер, бросит в огненный ад Афганской войны и покажет, как нищий монгольский сирота, обреченный на смерть, стал Властелином Вселенной. Сила Чингисхана дремлет, но близится тот роковой день, когда она разорвет путы безжалостного времени и сможет вернуться в мир.

Сюжет еще одной книги под названием **«Сомнамбула. Звезда по имени Солнце»** – это наше далекое будущее, XXV век, где Вселенная изменена до неузнаваемости под влиянием разработок корпорации Андрея Гумилева и его наследников. Терраформированы Земля и Марс, идут грандиозные работы на Венере... Матвей Гумилев, выпускник престижной академии Космофлота, выбирает нелегкую службу в

«Беллоне» – особой бригаде, занятой борьбой с преступностью. На космических трассах неспокойно. Пираты грабят караваны и похищают людей. Война не прекращается ни на день. Сражаясь в одном строю с межпланетными асами, Матвей быстро добивается уважения коллег в качестве пилота корвета. А однажды, лейтенант Гумилев обнаруживает гибнущую яхту, с борта которой ему удастся спасти прекрасную девушку, Анну Петровскую. Матвей и Анна, кажется, созданы друг для друга... Но они не знают, что судьба готовит им неожиданные испытания.

А события «Блокады 2. Тень Зигфрида» вновь возвращают нас в годы Второй Мировой войны. Элитная команда диверсантов Третьего Рейха проникает в блокадный Ленинград, чтобы вывезти оттуда артефакты, найденные Львом Гумилевым в одной из Черных Башен. В это же время группа специального назначения, сформированная из обладающих сверхспособностями бойцов Красной Армии, готовится к дерзкой вылазке в ставку фюрера под Винницей, где хранится могущественный предмет «Орел». Бывший ЗК Лев Гумилев и капитан госбезопасности Александр Шибанов становятся непримиримыми соперниками в борьбе за любовь Кати Серебряковой. И наступает час, когда их соперничество ставит под удар тщательно разработанную операцию советской разведки...

Всего в рамках «Этногенеза» будет выпущено несколько десятков книг. Читатели узнают продолжение историй уже привычных и полюбившихся героев, а также познакомятся с новыми действующими лицами, предметами, историческими периодами и футурологическими прогнозами на будущее Земли, человечества и Вселенной.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
386

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Зорич, А.

386 Сомнамбула 2. Книга вторая. Другая сторона Луны. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 288 с.

Потерпев поражение в битве на Градусе Забвения, молодой офицер Матвей Гумилев стал звездным пиратом по имени Максим.

«Другая сторона Луны» рассказывает о том, как блестящий представитель элиты Космофлота превращается в неукротимого борца за свободу, встречает новую любовь, становится ближайшим помощником лидера пиратов товарища Альфы, а после его гибели возглавляет космическую Революцию!

С помощью серебряного Льва Максим одерживает победу за победой. В руках восставших оказываются Марс и Луна. Максим проходит через множество испытаний и битв, подвергая свою жизнь все новым испытаниям. Но сумеет ли он узнать главную тайну – тайну собственной личности?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
386

ISBN 978-5-904454-25-8

© Рыков К., 2010

© Зорич А., 2010

© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ЭПИЗОД 1

Явление черных исполинов

Группа астероидов Троянцы Юпитера, крейсер «Вольный», ноябрь 2468 года

– Твари! – с чувством выругался здоровяк Роберто Квалья и швырнул на стол гибкий инфомонитор с текстом. – Полюбуйтесь, товарищи, что пишут наши союзнички, тысяча протонных вихрей им в сопло!

Кто-то включил запись и в кают-компании зазвучал размеренный, лишенный эмоций голос:

«Возлюбленные братья и сестры!

Заблудшие овцы так называемого Объединенного Человечества!

Узники офисов, пленники «правительственных учреждений» и слепцы из «специальных служб»!

К вам обращаемся мы, братство «Танцоры вечности», преисполненные горячим желанием освободить вас от морального и физического гнета проклятой олигархии. Вчера, 28 октября 2468 года, в группе астероидов Троянцы Марса, также известной как Градус Забвения, состоялось сражение, в ходе которого были разгромлены крупные формирования пресловутой «Беллоны» – преступной правительственной организации, которая ставит своей целью истребление высоких истин – как духовных, так и космических.

В ходе сражения были уничтожены 2 крейсера первого ранга, 46 корветов, 31 десантный и вспомогательный корабль, 1610 офицеров «Беллоны», пилотов и десантников.

Потери «Танцоров вечности» следует назвать символическими.

Данное сражение на Градусе Забвения показало полное военное и идейное превосходство борцов за обновление жизни над косными правительственными организациями. Нет и не может быть никаких сомнений в том, что будущее – за «Танцорами вечности»!

Офицер! Прекращай служить преступной олигархии так называемого Объединенного Человечества! Бери свой корвет, лети к нам, становись на сторону истины!

Боец! Не слушай своих офицеров, захватывай транспорт, присоединяйся к нам!

Гражданин! Саботируй работу государственных учреждений, не верь пропаганде продажных телеканалов, приветствуй новую веру!»

– Ну, каково? – глаза Квальи горели праведным гневом. Первоклассный пилот, он имел крутой нрав и репутацию человека, который не раздумывая пускает в ход кулаки. Сейчас эти самые кулаки были сжаты так, что побелели костяшки. Собравшиеся в кают-компании флагмана космических сил «Армии пробуждения» – крейсера «Вольный» – ответили пилоту гулом возмущенных голосов.

– Типичный случай так называемой брехни! Да что там брехни! Это брехня в квадрате! В кубе! – потрянул седыми бакенбардами старший судовой врач Казимир Алексеевич.

– Но как это может быть? Ведь это мы, мы, «Армия пробуждения», провели бой на Градусе Забвения! Мы, а вовсе не они, не «танцоры»! – подал голос медлительный детина по фамилии Карпов, комендор кормовой башни главного калибра.

– Да, вот такую свинью подложили нам наши вроде бы союзники! – продолжил политинформацию Квалья. – Что же тогда говорить про врагов?!

В разговор вступила рыжеволосая красавица Соня ван Астен, инструктор штаба «Армии пробуждения»:

– А про врагов, товарищи, расскажу я! Послушайте-ка, что пишет по поводу боя на Градусе Забвения газета «Солнечный ветер».

В кают-компании вновь зазвучала запись:

«Дамы и господа!

Колонисты Марса!

Все люди доброй воли!

Командование аэрокосмической бригады особого назначения «Беллона» сообщает, что 28 октября 2468 года в Энском районе Солнечной системы прошел ряд ожесточенных боестолкновений с экстремистски-террористическими формированиями.

Боестолкновения продолжались в течение 14 часов и завершились убедительной победой вооруженных сил Объединенного Человечества.

В боях особо отличились экипажи крейсеров «Бородин» и «Римский-Корсаков», летный состав Второй Марсианской и Первой Венерианской флотий, Второго Отдельного патрульного дивизиона, бойцы и офицеры Пятого десантно-штурмового батальона.

Освобождены 47 граждан Объединенного Человечества, ранее захваченных и незаконно удерживавшихся экстремистами.

Уничтожена крупная военно-транспортная база противника, до 50 боевых и вспомогательных кораблей экстремистских формирований. Противник потерял убитыми и ранеными свыше тысячи боевиков.

Двадцать пять офицеров и бойцов «Беллоны» представлены к правительственным наградам.

Несмотря на победу, боестолкновения показали, что настало время тотальной мобилизации всех ресурсов Объединенного Человечества. На вопрос «Пушки или масло?» мы должны дать однозначный ответ: «Пушки!».

На 1 ноября назначено закрытое заседание Расширенной Ассамблеи Колоний, на котором будет рассмотрен комплекс экстренных мероприятий по противодействию экстремизму и терроризму в Солнечной системе».

– Погодите... «Солнечный ветер»... Это же официальный орган бригады «Беллона», ведь так? – осведомился Казимир Алексеевич.

– Все верно, – гневно сверкнув зелеными глазами, кивнула Соня ван Астен. – Боевой, так сказать, листок.

– Я же говорю – твари! – рявкнул Роберто Квалья, бросая неодушающий взгляд на инфомонитор со статьей из «Солнечного ветра». Казалось, одним этим взглядом он мог бы разнести безвинное полотнище на куски. А уж что сделал бы пилот с теми, кто эту статью написал!..

– «Боестолкновение завершилось убедительной победой вооруженных сил Объединенного Человечества!» – вы слышали? – раздался недовольный голос техника Конягина. – Хороша победа! Да они еле ноги унесли! Буду теперь знать, что драп на четырех костях называется на языке правительственных СМИ «убедительной победой»!

Максим и все прочие, кто находился в те минуты в кают-компании, засмеялись. Конечно, их союзники из организации «Танцоры вечности» – редкостные сволочи! А уж про «Белло-ну» и говорить нечего. Но каждый из присутствующих верил: придет время и они поквитаются со всеми, кто так нагло лжет трудящимся Солсиса¹.

Квалья предложил собравшимся снять стресс старым дедовским способом – с помощью кукурузного пива, благо на борту «Вольного» имелся изрядный запас этого пенного напитка. Сводки, обращения, плохие новости были тут же забыты. Зазвенели кружки, пилоты и техники оживились, послышался смех.

---

¹ Солсис – Солнечная система

Максим давно заметил, что где Квалья – там и пиво. Иначе не бывает. В этот раз пилот притащил из камбуза на своем могучем плече сразу целую кегу.

– Однако, у вас и масштабы. Вы, голубчик, никак утопить нас решили? – крикнул Казимир Алексеевич, когда кега грохнула днищем о стол.

– Не волнуйтесь, доктор, молодежь вам поможет, – Квалья подмигнул Максиму.

– Конечно, поможем, – усмехнулся он в ответ и подставил кружку под янтарную струю. – Алкоголь – зло, а звездные борцы всегда отважно борются со злом!

Шутка была немудреной, но кают-компания содрогнулась от хохота. После боя, после обидных и лживых статей и новостных сюжетов всем хотелось расслабиться.

Где-то через час, опустошив очередную кружку и допив вместе со всеми очередную песню, Максим проследовал в галльюн – оказалось то самое свойство пива, которое породило известную поговорку: «Пиво не водка, много не выпьешь».

Он вымыл руки, ополоснул лицо, смахнул полотенцем капли воды и посмотрел на свое отражение в зеркале. Оттуда на Максима глянул парень с волевым подбородком, сильной линией скул и густыми бровями.

Да, он, звездный борец Максим, был самым обычным молодым человеком, каких в Солнечной системе миллионы. Но девушки всегда награждали его самыми многообещающими улыбками...

На правом предплечье Максима красовалась нашивка с литерами «АП» – «Армия пробуждения». Правительственные СМИ – газеты, телеканалы, порталы – клеймили «Армию пробуждения» «экстремистской», «террористической», «пиратской»...

Но Максим твердо знал: эти эпитеты – не более чем пропагандистские клише. Клише, которыми продажные журналисты, прислужники олигархического капитала, пользуются, чтобы создавать у обывателей образ кровожадных злодеев-пиратов.

Разве он, Максим, похож на кровожадного пирата? Разве кто-либо из его товарищей похож? Все они борются за правое дело, а стало быть, не могут быть злодеями по определению.

И улыбнувшись отраженному в зеркале хорошему парню Максиму Верховцеву, оригинал поспешил в кают-компанию. Судя по доносящимся оттуда возгласам и хохоту, веселье набирало обороты и он имел все основания опасаться, что пива на его долю может уже и не хватить...

Троянцы Юпитера! Как много в этом звуке!

Сотни астероидов, больших и маленьких, знаменитых и безвестных, древних, как сама Солнечная система, и практически новорожденных...

Патрокл, Приам, Эней, Антиф, Троил... Имена античных героев стали именами исполинских бесформенных булыжников, чьи недра, как правило, заполнены банальнейшими окислами кремния и железа, но подчас хранят такие сокровища, по сравнению с которыми золото и платина кажутся малоценной ерундой.

Пять лет назад из-за участвовавших пиратских нападений крупнейшие добывающие компании Объединенного Человечества были вынуждены свернуть свою деятельность в Троянцах Юпитера. Уж очень дорого было охранять каждый комбайн, каждый модульный рабочий поселок, каждый челнок с рудой.

Само собой, «Армия пробуждения» расчищала это космическое эльдорадо под себя. Здесь артели космических старателей добывали для звездных борцов бериллид скандия, меркуриевый концентрат, желтую ртуть и сотни других ценнейших веществ.

Добыча шла хорошо. Тысячи тонн полезных ископаемых превращались в реальные деньги, чем помогали пиратскому (с точки зрения Объединенного Человечества) и освободительному (с точки зрения «Армии пробуждения») делу жить и побеждать.

Не говоря уже о том, что часть ископаемых отправлялась непосредственно в Оазис – святая святых, главную базу «Армии пробуждения». Там, на кораблестроительных верфях и фабриках, полезные ископаемые превращались в силовой набор и обшивку крейсеров, в корабельные двигатели, в оружие.

Товарищ Альфа, вождь и главнокомандующий «Армии пробуждения», относился к Троянцам Юпитера с повышенным вниманием. «Троянцы – наш волшебный огород», – любил повторять он.

После боя на Градусе Забвения эскадра «Армии пробуждения» разделилась на два отряда. Один из них – в составе крейсеров «Вольный» и «Честный» – специально сделал большой крюк и залетел в группу Троянцев Юпитера, чтобы проверить грядки этого огорода.

На грядках все было более-менее. На обзорном экране в кают-компании «Вольного» свободные от вахты члены экипажа наблюдали за медленно плывущими сквозь пространство титаническими каменными глыбами, подсвеченными сотней стационарных прожекторов. Вокруг одного из астероидов, похожего на высохшую брюкву, роились автоматические буры, горно-разведывательные роботы и вспомогательные платформы с оборудованием.

Артель под управлением однорукого ветерана-старателя по кличке Лещ была погружена в трудовые будни. Работники попивали безалкогольное пиво, раскорячившись в невесомости возле мониторов наблюдения. Повинуясь их приказам, то один, то другой бур устремлялся к поверхности астероида, чтобы вскоре исчезнуть из поля зрения в облачке черной пыли.

Группа подрывников из команды опытного старателя Глумова завершила подготовку шурфов, и облаченный в оранжевый скафандр Глумов знаками поинтересовался у «бугра» – как, мол, можно рвать? Лещ дал добро, и трехкилометровую суше-

ную брюкву прямо на глазах у Максима осторожно разобрало ползучими взрывами на куски.

Судя по переговорам в эфире, обнажившиеся богатства астероида очень обрадовали и подрывников Глумова, и артельщиков Леща. Старатели много и радостно шутили про премии, про отпуска и помощь родным...

В общем, первые десять часов в секторе Троянцев Юпитера прошли в штатном режиме. Небольшой – в сравнении с хищной громадой «Вольного» – крейсер «Честный» принял несколько тысяч тонн ценных руд, прихватил на стыковочные узлы десяток нуждающихся в ремонте посудин, взял на борт отработавших свою вахту старателей и отбыл из сектора.

«Вольный» по приказу товарища Альфы, который намеревался тщательно ознакомиться с перспективами рудоносности этого района Троянцев, остался еще на сутки. Нагнать в ближайшие дни «Честный» для новейшего крейсера «Армии пробуждения» не составляло труда.

Все шло, как и вчера, по графику: артель Леща ковырялась в остатках астероида-брюквы, глумовцы обследовали на предмет подрыва следующий кусок реликтовой межпланетной материи...

Появление незваных гостей нарушило эту производственную идиллию. Под аккомпанемент нервного радиообмена между дозорными авиетками, на траверз астероида Троил вышли два корабля странной конструкции. Каждый из них представлял собой стальной диск более километра в поперечнике и толщиной метров девяносто. Сверху и снизу к центральному несущему диску крепились еще два, меньшего диаметра. Эти меньшие диски были увенчаны чечевицеобразными башнями, ошетилившимися мощными лазерными орудиями.

Максим, коротавший часы до вахты в кают-компании, от удивления привстал со стула. Ему никогда раньше не доводи-

лось видеть что-либо подобное или хотя бы слышать о постройке столь странных кораблей!

На обзорный экран выводились данные сразу нескольких внутренних каналов корабля, в том числе тактическая обстановка и интегрированные видеопотоки из всех восьми октантов вокруг «Вольного», и экипажники, равно как и командование «Армии пробуждения», собравшиеся в кают-компаниях, могли во всех подробностях наблюдать за летающими машинами.

Из динамиков посыпались скороговорки радиообменов между старателями. Стало ясно, что появление исполинских дисколетов и для них явилось полной неожиданностью.

– Прекратить базар в эфир! – скомандовал наконец «бугор» Лещ и после паузы меланхолически добавил: – Надеюсь, это наши.

Его перебил дежурный диспетчер сектора Троянцев Юпитера, старшина Дань Лаожэнь:

– Внимание! Внимание! Оба неопознанных объекта не отвечают на запрос «свой-чужой»! Это не наши корабли! Повторяю: не наши корабли!

– Отставить панику! – начальник охраны сектора товарищ Омикрон положил конец всем разговорам. – Это «танцоры». Всем-всем-всем! Усилить бдительность. Боевые системы сектора переведены на режим усиленного контроля.

В этот момент с дисколетами начали происходить странные превращения. Из портов, открывшихся по периметру центральных несущих дисков, на стометровых штангах выдвинулись золотистые воронки. С быстротой, неподвластной глазу, они изрыгнули облака густой непроглядной взвеси – так каракатица опорожняет содержимое своих защитных мешков с маскировочной краской.

– Дейтерид лития им в ухо! Да объясните мне кто-нибудь, что за безобразие здесь творится?! – судя по всему, Роберто

Квалья встревожился не на шутку. Он застыл перед обзорным экраном, внимательно наблюдая за происходящим.

– Это правда «Танцоры вечности»? – поинтересовался Максим.

– К сожалению, – ответил Квалья. – А эта черная пыль, которой они, кажется, собрались завалить пол-космоса – маскировка! Одного в толк не возьму: зачем так расточительно? Ведь надолго ее все равно не хватит!

– Да и координаты свои они успели раскрыть, – отозвался из динамика голос Дань Лаожэня.

Эфир вновь взорвался встревоженными голосами старателей. Причины для этого очень даже были!

Бесформенные черные облака вместо того, чтобы быстро рассеяться в вакууме, вдруг по воле невидимого силового воздействия образовали вокруг обоих крейсеров плоские торы-бублики. Бублики пришли во вращательное движение вокруг центров кораблей с гигантской скоростью.

В итоге оба дисколета полностью исчезли за этими вращающимися ширмами. Произошло это весьма стремительно, в течение нескольких секунд.

– Это не маскировка, – напряженным голосом сказал художавый начальник Отдела Особых Действий товарищ Бета, предпочитавший, впрочем, чтобы к нему обращались просто «товарищ Дементьев». – Нет, не маскировка...

– Тогда что? Украшение? Какой-то ритуал? – быстро предположил товарищ Тэта, главный специалист «Армии пробуждения» по общественным связям и культурному досугу.

– Защитное поле, – глухо промолвил товарищ Дементьев. – Но не в чистом виде силовое, которое обеспечивается одним лишь высоким напряжением электромагнитного поля... Это особая сверхподвижная броня, состоящая из миллиардов распыленных стальных частиц!

– Мать моя черная дыра! – воскликнул пораженный Квалья. – Но откуда у них такая технология?

– Подозреваю, оттуда же, откуда у нас технология фотонного двигателя, – прозвучал за спинами собравшихся в кают-компании спокойный голос товарища Альфа. Но тогда Максим не придал его словам никакого значения.

Поначалу никто не почувствовал себя ни особенно встревоженным, ни обеспокоенным. Однако в следующую минуту начало происходить нечто такое, что даже обедавшие подвахтенные отодвинули тарелки прочь и как зачарованные принялись следить за событиями по ту сторону иллюминаторов.

– Ты глянь что! – воскликнул балагур Конягин, темпераментно ударяя себя по колену. – Глянь, что творят!

Максим поднял глаза на экран.

Один из дисколетов, заключенный теперь в непроглядный кокон вихревой защиты, вдруг запустил маршевые двигатели и резво двинулся к километровому астероиду, обставленному приметными габаритными вешками с желтыми огнями. Максим, проведенный полтора года на Гиперионе и немало общавшийся со старателями, знал, что такие вешки как бы говорят: «Внутри нашего астероида – очень ценные ресурсы! И стоим мы здесь не просто так! А чтобы ты имел это в виду и облетал нас десятой дорогой!»

Дисколет, нагло пренебрегая правилами космического кораблевождения, прошел в считанных десятках метров от платформ подрывников Глумова и, спустя пару секунд, смел передней кромкой вихревой защиты ближайшую вешку.

При этом железную вешку с квадратными ушами солнечных батарей буквально размолотило в пыль абразивным потоком таинственных частиц, несущихся с чудовищными скоростями.

Но это было только начало!

Дисколет-исполин переключил режим вихревого поля. Прежний «бублик», сотканный из черной пыли, преобразился в нечто вроде диска циркулярной пилы.

А затем...

Затем мерцающий в свете проблесковых маячков на вешках – они включились автоматически, предостерегая чужака от столкновения с астероидом – стально-пылевой диск врезался в бок каменной громадины.

В кают-компании ахнули.

– Да что они вытворяют?!

– Самоубийцы!

– Психи!

Но, похоже, командир дисколета был полностью психически здоров, пребывал в трезвом уме и здравой памяти.

Там, где вихревой диск соприкоснулся с реликтовыми базальтами, вспыхнул раскаленный рубец. Оранжевые искры снопами посыпались в ледяные пропасти космоса.

Но самым удивительным было то, что корабль «Танцоров вечности» метр за метром начал погружаться в недра астероида, входя в них, точно циркулярная пила в неподатливый древесный ствол.

Дисколет попросту распиливал астероид пополам!

ЭПИЗОД 2

Право сильного

Группа астероидов Троянцы Юпитера, крейсер «Вольный», ноябрь 2468 года

– Крученный бозон! – ахнул ошарашенный Квалья.

– Не нравится мне эта демонстрация, – мрачно произнес товарищ Альфа. На лбу у него блестели бисеринки пота. И лишь они выдавали беспокойство лидера «Армии пробуждения» – лицо же его было по-прежнему безмятежным.

– Не ожидал такой наглости от брата Молота, – сказал товарищ Дельта, скрещивая руки на груди.

– Чего они добиваются? – товарищ Эпсилон, обладательница высокой груди и роскошной гривы платиновых волос, не могла сдержать волнения.

– Я думаю, они преследуют две цели, – буркнул товарищ Дементьев. – Первая цель: политическая. Товарищ Альфа прав – это демонстрация силы. «Танцорам вечности» очень хочется убедить нас в своем военно-техническом превосходстве. Вторая цель: узко практическая. Если мне не изменяет память, астероид, который они сейчас потрошат, полон желтой ртути. Ее там больше, чем под материком Ксанаду на Титане! И не удивительно, что «Танцорам вечности» хочется завладеть всем этим богатством одним махом. Зачем разведывать, зачем брать сотни проб на десятках небесных тел, делать тысячи спектральных анализов, когда можно просто прилететь и отобрать то, что уже разведано и проанализировано другими...

– Как это, в сущности, подло! – товарищ Эпсилон даже побелела от злости.

– Да, – равнодушно согласился товарищ Дементьев, – это подло. Но они действуют по праву сильного. А это вещь, которая посильнее любой морали.

По выражениям лиц собравшихся в кают-компании было видно: правоту товарища Дементьева признавать не хочется никому. Не хочется, но приходится.

Тем более что дальнейшие события не заставили себя ждать.

Дисколет «Танцоров вечности», продолжая работать своей адской пилой, дорезал астероид и тот распался надвое, как разрубленный арбуз.

К большей половине выдвинулось щупальце внушительной трубы с паучьими лапками зацепов и незатейливым вакуум-агрегатом на конце. Агрегат живо внедрился в каверну на свежем срезе астероида. И даже без увеличения на обзорном экране в кают-компании было хорошо видно, как дрожащие холодцом комочки желтой ртути поползли по прозрачному туннелю трубы внутрь дисколета.

– Ворюги! – прошипел товарищ Тэта. – Они заплатят за это! Желтая ртуть наша! Она принадлежит нам!

– Почему бы тебе не сказать это им, ворюгам? – предложил невозмутимый товарищ Альфа.

– А и скажу! Скажу!

Товарищ Тэта поправил усик микрофона и произнес:

– Крейсер «Вольный» вызывает корабль «Танцоров вечности»! Крейсер «Вольный» вызывает...

Некоторое время в эфире царила напряженная тишина. Наконец сквозь шорохи помех послышался спокойный голос:

– На связи штурмовой крейсер братства «Танцоров вечности»... Кстати, мы называемся «Гималаи»... Здесь командор крейсера, брат Каменщик. Прошу сообщить ваше имя и должность.

– К черту имя! И какая разница, как вы называетесь, если вы крадете наши ресурсы?! И втройне никакой разницы, какая у меня должность!!!

– Ради Семи Сил, умерьте эмоции!.. Пожалуйста, представьтесь!

Но впечатлительного и темпераментного товарища Тэту было не остановить.

– Хотел бы я знать, что будет, если я представляюсь?! Вы что, вернете нам нашу желтую ртуть?!

– Нет, не вернем. Но насколько лучше, когда все делается вежливо! Ведь наши организации – не враги. Мы – союзники, друзья, – вкрадчивым голосом пояснил брат Каменщик, командор штурмового крейсера «Гималаи».

– Хороши друзья! Друзья не воруют!

– Вы даже определено правы! Но... Мы разве что-то у вас ворует?

– Да вы издеваетесь! – товарищ Тэта, казалось, вот-вот лопнет от злости. – Это был наш астероид! Наша желтая ртуть! Я требую вернуть все, что вы сейчас выкачали из астероида, и немедленно покинуть сектор Троянцев Юпитера! Который – напому! – является исконной территорией «Армии пробуждения»!

– «Исконной территорией»? Кто сказал, что это ваша «исконная территория»? Может быть, у вас есть какие-то письменно оформленные права на астероиды из группы Троянцев Юпитера? Очень интересно! Мы с удовольствием изучим эти документы... Так как? Они у вас есть?

Вопрос озадачил товарища Тэту. Он даже запнулся на несколько мгновений. Но темперамент и природная сообразительность быстро восполнили недостаток аргументов:

– Какая разница, брат Каменщик?! Какая разница?! Ведь у нас с вами одинаковая идеология! Любые документы, оформляющие права собственности на небесные тела, мы с вами счи-

таем инструментами проприетарного закабаления, направленными на реализацию диктата кучки заживевших олигархов!.. И именно по этой причине отказываемся признавать их правомочность, не так ли?! Так что в случае Троянцев Юпитера достаточно и того, что обе наши организации прекрасно знают о том, что это территория «Армии пробуждения»!

Брат Каменщик не задержался с ответом ни на секунду.

– Может быть, раньше кто-то в нашем братстве и знал об этом. Но теперь... вот ведь какая досада... Мы забыли! – и брат Каменщик рассыпался мелким смехом преуспевающего подлеца.

Товарищ Тэта взорвался:

– Вы ответите за это! Вы увидите, к чему приводит такое... такое поведение!

Но брат Каменщик лишь продолжал смеяться.

Прямая конфронтация с «Танцорами вечности» была невозможна – «Вольный» в сравнении с дисколетами смотрелся бледновато. Ведь если даже считать огневую мощь крейсера звездных борцов не уступающей двум относительно компактным кораблям потенциального противника, то удивительная вихревая защита последних, не имеющая аналогов во всей Солсисе, давала им гарантированное преимущество в огневом противоборстве.

Оставалось либо уходить из сектора Троянцев Юпитера, пошакальи поджав хвост, либо...

– А почему бы нам не забрать хоть часть из того, что принадлежит нам по праву? – вдруг предложил товарищ Альфа.

– Что вы имеете в виду, мой вождь? – спросила товарищ Эпсилон с угодливой улыбкой.

– А вот что...

С этими словами товарищ Альфа приблизил к губам тангенту внутрикорабельной трансляции и рявкнул густым басом:

– На крейсере «Вольный» по местам стоять! Слушать мою команду! Сохранять в отношении «Танцоров вечности» строгий нейтралитет! Это значит, что мы не открываем огонь по их летательным аппаратам, мы не наводим на них стволы орудий и даже не включаем боевые режимы радаров «захват» и «сопровождение». И вообще: никаких провокаций! В то же время приказываю поднять с борта крейсера «Вольный» все технически исправные аппараты, включая половину спасательных шлюпок...

«Спасательные шлюпки? Ничего себе! Если с корабля уходят на задание даже спасательные шлюпки, значит товарищ Альфа замыслил нечто совершенно экстраординарное! – подумал Максим. – Но что?! Импровизированный парад космического флота?!»

Ответ на свой вопрос он получил буквально через несколько минут.

Пилоты, сидевшие вместе с Максимом за большим столом, услышав слова товарища Альфа, вскочили со своих мест и бросились выполнять приказ лидера «Армии пробуждения». И только Максим с двумя своими новыми товарищами – Ириной Бекасовой и Анатолием Шагаевым, которые были, как и он, недавно ранены, а теперь реабилитировались после ранения, – остались сидеть.

Что им еще оставалось? Врачи пока не допускали их к вылетам, максимум, что разрешалось выздоравливающим – нести вахту на борту крейсера. Да и летательные аппараты им по штатному расписанию не полагались...

– Ну вот, опять на галерке скучать, – с грустным вздохом сказала, втыкая ложку в малиновое желе, Ирина. Не слишком привлекательная внешне, она все же была очень симпатична Максиму. Но не как женщина – как друг.

Максиму отчего-то казалось, что он знает резкую, мужиковатую Ирину целую вечность. Несмотря на то, что в реальной

жизни они были знакомы всего несколько недель... Впрочем, так ведь и бывает с настоящими друзьями?..

Максим тоже взялся было ковырять десерт: шоколадное мороженое со снежной шапкой из взбитых сливок. Как вдруг, грохоча по палубе магнитными ботинками летного скафандра, в трапезную ввалился запыхавшийся гигант Роберто Квалья.

– Верховцев, Бекасова! Чего расселись? Быстро за мной!

– А я? – с надеждой спросил, привставая, все понявший Шагаев.

– А ты сидишь пока. Позвоночник после всех твоих переломов таких перегрузок пока не снесет!

– Ты хочешь сказать, мы... нас допустят к пилотированию? – не веря своему счастью, переспросил Максим.

– И хочу, и скажу, – расхохотался Квалья. – Скорее! У нас из-за приказа о спасательных шлюпках комплект пилотов первой и высшей классности.

– Да здравствует комплект! – просияла белозубой улыбкой Ирина Бекасова.

– Да здравствуем мы, – подмигнул ей Максим.

Максим был почему-то уверен, что его посадят пилотом на спасательную шлюпку. Но туда определили самых малоопытных пилотов второго класса.

Ему достался маленький вспомогательный корвет, изготовленный умельцами звездных борцов в мастерских на борту крейсера «Заря Свободы» из двух орбитальных такси.

Получившаяся в итоге забавная конструкция с огромной решетчатой корзиной, врезанной между двумя стремительными крылатыми дельтами такси, носила имя «Верблюд».

Почему «Верблюд» – Максим понял не сразу. Поначалу он, наивный, думал: все из-за того, что в какой-то из проекций конструкция вышла двугорбая. Но после первых пяти минут за штурвалом импровизированного корвета стало ясно: ориента-

ционные движки у машины были хронически разрегулированы и плевались – плевались омерзительно и вызывающе – недожженными компонентами топлива.

Взлетев с «Вольного», Максим, Ирина и еще три пилота на авиетках поступили в распоряжение Квальи, которому, разумеется, достался самый внушительный борт – ракетная платформа «Василиск», дооснащенная пятисотметровыми лапами-захватами астероидного харвестера.

Таким образом этот нафаршированный корабль мог не только атаковать супостата плотными ракетными залпами, но при необходимости и участвовать в добыче полезных ископаемых.

– Ну что, пристроились за мной и погнали, неудачнички, – скомандовал Квалья своим звучным голосом.

Подопечные отвечали ему нервными, но все же радостно-нервными голосами:

– Уже летим, командир!

– А можно вопрос?

– Можно Машку... Отставить! Что за вопрос?

– Что мы будем делать? Какие наши задачи?

– Если совсем просто, мы должны схватить кусок во-он того астероида, да кусок покрупнее, и притащить его на «Вольный»!

– Ну, хорошо. Положим, ясно, что хватать будешь ты, – рассудительно заметил кто-то из пилотов. – У твоего «Василиска» манипуляторы вон какие! А у нас даже хоботов нет! А если и есть, то только богоданные. Ими астероид не прихватишь...

Эфир огласился озорным смехом. Среди прочих совой ухала Ирина Бекасова.

– Вот именно что манипуляторы! – посмеиваясь, ответил Квалья. – Под них и движки должны быть от настоящего харвестера – десять «Циклонов-500» и ни одним меньше. А у меня проржавелое старье, снятое с межпланетного госпиталя про-

шлого века постройки... Поэтому придется вам меня толкать! И вообще – разберемся на месте. Тишина в эфире!

На месте оказалось, что все не так просто.

Для начала выяснилось, что намеченный к похищению обломок астероида, наспигованный волей межпланетных сил бериллидом скандия под самую завязку, вращается вокруг своей оси с изрядной скоростью. И если его просто обхватить манипуляторами «Василиска», то манипуляторам можно будет сказать сердечное итальянское «чао». Чтобы захватить астероид, его вращение следовало притормозить.

Для этого, в свою очередь, надлежало посадить на астероид как можно больше летательных аппаратов, заякорить их, а затем при помощи тяги двигателей погасить часть вращения.

Эту блестящую концепцию спасения материальных ценностей из загребущих лап «Танцоров вечности» Квалья и изложил вверенным ему пилотам.

Новости были приняты без восторга.

– А получится? – с сомнением спросила Ирина Бекасова. – Что-то больно сложно.

– Да нам может элементарно топлива не хватить! Это же какой импульс надо развить! – высказался пилот, имя и фамилию которого Максим узнал значительно позже – его звали Феодосий Мажаров.

– Точных данных о массе астероида у меня нет, – ответил Квалья. – Поэтому гарантий никаких быть не может! Кому это не нравится, пусть убирается назад, в мир гарантий, ипотек, займов, прогнозов и прочего проприетаризма!

Делать было нечего – оставалось выполнять.

Первой на астероид села бесстрашная Ирина. И мало того, что бесстрашная! Как великолепно она владела своей машиной! Как тонко чувствовала крен и тангаж! Каким совершенным был ее глазомер!

Когда ее восьмисоттонный орбитальный буксир по имени «Буян» устроил свой массивный зад на астероиде и выбросил якоря на длинных коленчатых лапах, Максим не удержался от вопля восхищения в эфире:

– Ирка! Ты лучшая! Завидую!

– «Завидую» в карман не положишь, и глотку им не промочишь, – ответила Ирина. – С тебя дюжина красного пива!

– Железно!

Теперь настал черед Мажарова.

Он выполнил маневр значительно грязнее Ирины. И вдобавок потратил на него втрое больше времени. Но осуждать его, конечно, никто не решился. Нечестно осуждать кого-то за то, что он – не ас!

Двое других членов группы после череды мучительных маневров присоединились к Мажарову и Ирине на поверхности астероида.

– Ну что, Макс, теперь твоя очередь, – это был Квалья. – Смею заметить, твоя задача – самая легкая. У тебя есть возможность учесть опыт других...

Однако Максиму задача вовсе не казалась легкой.

Вращение астероида подавляло. Гипнотизировало. Вводило в какой-то противоестественный, жутковатый ступор. Максим приблизился к объекту на минимально безопасное расстояние и впился глазами в приборы.

Поскольку астероид и близко не являлся по форме шаром, в ходе его вращения дистанция от «Верблюда» Максима до поверхности гуляла в очень широком диапазоне – от ста до девятисот метров. Когда под «Верблюдом» проносилась компактная горная цепь, высота падала. А когда пустошь, усеянная ударными кратерами – возрастала.

Посадить корабль требовалось отнюдь не в кратеры, а у подножья горной цепи. Причем не где-нибудь, а перед самой кромкой, носом к каменным громадам. И самое важное – «Верблюд»

должен был припланетиться таким образом, чтобы реактивные струи маршевых двигателей ударили строго по вектору тангенциальной скорости поверхности небесного тела. Именно так удалось сесть ловкой Ирине и всем трем пилотам авиеток...

– Ты чего повис, как груша, Максим?! – нетерпеливо промолвил Квалья. – Тебя уже все заждались!

– Давай к нам, не бойся! – подбодрила его Ирина.

– Не так страшен черт, как его малютки! – пошутил Мажаров.

Но Максима словно бы кто-то заморозил. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Да чего там – даже заставить себя моргнуть ему было не под силу.

– Макс, ты что, боишься? – недоуменно спросила Ирина. Максим слышал ее слова точно сквозь слой ваты.

Он долго не отвечал – минуты полторы или больше.

Лоб покрылся противным липким потом. Спина – тоже. В зрачках, кажется, мог поместиться кратер Гершель, что на Мимасе.

Наконец он разлепил потрескавшиеся губы и голосом тяжелобольного произнес:

– Извините меня... Не могу... Не могу.

Максим был ошарашен собственным малодушием настолько, что потерял счет времени. Его товарищам все-таки удалось замедлить вращение астероида – даже и без его помощи. Они также сумели спасти бериллид скандия от разграбления «Танцорами вечности» и благополучно доставили свою добычу на «Вольный».

Затем, покинув пилотские ложементы своих машин, все собрались в кают-компанию и шумной гурьбой толпились у экрана, наблюдая за разворачивающимися событиями.

А событий было немало.

Вначале – долгие, на повышенных тонах переговоры с «Танцорами вечности». Их вел товарищ Альфа. Но даже его немалых дипломатических талантов не хватило на то, чтобы спасти права «Армии пробуждения» на богатые уголья Троянцев Юпитера.

Дело в том, что «Танцоры вечности» грозились применить силу и выказывали в этом завидную решимость. По итогам переговоров второй крейсер-дисколет, именуемый «Пилигримом», демонстративно развернул орудия главного калибра в сторону крейсера «Вольный» и подорвал лазерными залпами несколько сравнительно небольших астероидных обломков. Мол, мотайте на ус, союзнички!

В общем, сошлись на том, что «Армия пробуждения» эвакуирует всех своих старателей из данного сектора. На это «Танцоры вечности» отвели двенадцать часов.

Так что всем, не исключая и Максима, пришлось в поте лица трудиться, совершая вылет за вылетом. Артельщиков было много, оставлять нахалам оборудование никто не собирался (все, что не удалось утащить на борт «Вольного» – взорвали), а места добычи были разбросаны на сотни тысяч и миллионы километров друг от друга.

Когда «Вольный», загруженный сверх всякой разумной меры, покидал сектор Троянцев Юпитера, на душе у Максима было препаскудно. Утешало одно: настроение было плохим у всех, включая попугайчиков в госпитальном отсеке – в суете эвакуации птичек забыли покормить.

ЭПИЗОД 3

По направлению к дому

Район Урана, крейсер «Вольный», декабрь 2468 года

Три недели крейсер «Вольный» неся в неизвестном направлении. Все обзорные экраны были обесточены по приказу из ходовой рубки. Так что ни один рядовой боец или даже пилот не мог полюбоваться чернильной мглой космоса, а заодно сориентироваться по звездам, попытавшись вычислить курс межпланетного исполина.

Чувствовалось, что товарищу Альфе и прочим ответственным товарищам не до шуток. Если даже сам пункт назначения держится в тайне, значит теперь уж точно весь мир ополчился против «Армии пробуждения». Даже недавние союзники, «Танцоры вечности», фактически предали звездных борцов и теперь от братства можно каждую минуту ожидать удара в спину.

«Вольный» шел туда, где с нетерпением ждали каждый грамм полезных ископаемых, спасенных из сектора Троянцев Юпитера. Туда, где люди получают полноценный отдых, а техника – профилактику и необходимый ремонт.

«Вольный» шел на главную базу «Армии пробуждения», которая располагалась в одном из самых неприятных и невероятных мест во всей Солнечной системе. Если бы Максиму сказали – где именно – он бы попросту не поверил.

Кстати, за свою полуторалетнюю вахту на Гиперионе он пытался несколько раз выпросить у пилотов, с которыми успел подружиться, насчет расположения главной базы. Большинство из них охотно, и, пожалуй, даже искренне врало, что база,

дескать, укрыта в какой-то из малодоступных групп астероидов. То ли в Греках Юпитера, то ли в Троянцах Нептуна. Судя по этим фантазиям, никто из них никогда даже рядом с настоящей базой не бывал.

Уже после отлета крейсера «Вольный» из сектора Троянцев Юпитера Максим вновь попытался что-то выпросить у завсегдатаев кают-компаний. Но и на этот раз большинство из них отделалось теми же общими фразами про малодоступную группу астероидов за орбитой Сатурна.

И только Роберто Квалья отмалчивался с самым загадочным видом, попыхивая трубкой. Похоже, ему-то правда была известна, но ни сообщать ее Максиму раньше времени, ни вдохновенно врать ему не хотелось.

Утром двадцать второго дня полета, когда пилоты допивали в трапезной традиционный утренний чай со сгущенным молоком и свежайшими булочками из корабельной пекарни, по кораблю разлились трели предупредительного зуммера. Все обзорные экраны вспыхнули разом.

На них появилось изображение планетного диска изумительного, интенсивного кобальтово-синего света. Неведомая красавица, казалось, была вся покрыта бескрайним океаном. Вокруг расстился мрак космоса, в двух местах перечеркнутый какими-то голубоватыми полосами. Если бы Максим был художником, он непременно запечатлел бы на полотне этот созданный самой природой шедевр.

В первую секунду, увидев красавицу-планету, он подумал, что перед ним – Венера.

«Так вот она какая после первых этапов терраформирования! Даже цвет поменяла! Интересно... Пройдохи из правительства так засекретили все работы по Венере, что даже пары фотографий в открытом доступе не найдешь... А сами тем временем уже и гидросферу на Венере сформировали!»

Все эти мысли пронесли в его голове еще до того, как он, обильно сдабривая теплый пахучий хлеб трофейной космофлотовской сгущенкой, соизволил повернуть голову к экрану и присмотреться.

Не только Максим в ту секунду заблуждался.

Кто-то из его соседей по столу, не разобравшись, выкрикнул:

– Глядите! Эти ублюдки затопили всю Землю!

Пилот Феодосий Мажаров был еще оригинальнее:

– Я давно слышал, что они полностью перестроили Энцелад! И теперь вижу, что нам не врал!

Среди взрыва всеобщего возбуждения лишь Роберто Квалья сохранял олимпийское спокойствие и озирает коллег с иронической ухмылкой.

Наконец он, выстучав пепел из погасшей трубки, спросил:

– Неужели никто не узнал красавца в иллюминаторе? Ну же, мужики! Каждый из вас наверняка неоднократно видел его на фотографиях!

– Погодите-ка... – подал голос доселе молчавший Шагаев. – Погодите! Кольца... Это же кольца?! Значит... Сатурн?

Любопытный Максим к тому времени уже успел разглядеть, что за иллюминатором никакая не Венера и что видит он вовсе не бескрайний океан, как ему показалось поначалу, а сплошной облачный покров... Если бы только правильный ответ не казался ему невероятным, он бы уже дал его!

– Но ведь у Сатурна... у Сатурна совершенно не такой облачный рисунок, – уверенно сказал Максим. – И кольца совсем другие...

– Верно, с облаками и кольцами на Сатурне дела обстоят по-другому! – приободрил его Квалья. – Так что же это за планета, а, коллеги?

Все дни, прошедшие после его конфуза с посадкой на астероид в Троянцах Юпитера, Максим провел в смятенном состо-

янии духа. Что-то у него внутри не срасталось после ранения, что-то работало совсем не так, как нужно!

И теперь ему очень, ну просто исключительно не хотелось вновь выставить себя на посмешище перед соратниками по борьбе!

Однако и промолчать было нельзя!

Он уже набрал воздух в легкие, чтобы дать Квалье ответ, как с другого конца стола прозвучал низкий, с озорной хрипотцой женский голос.

– Если это не Уран – поставлю всем по паре красного пива.

Голос принадлежал Ирине Бекасовой.

Квалья помедлил...

– Ира, я уже всерьез подумываю о том, чтобы в вас влюбиться, – сказал наконец он.

Итак, главная база «Армии пробуждения» располагалась... на Уране!

Точнее: в гляциосфере Урана. А еще точнее – на поверхности ледового панциря, покрывающего бескрайний этаново-метановый океан планеты. На дне этого газового океана сила тяжести неминуемо раздавила бы человека даже в самом надежном скафандре, ведь масса Урана в четырнадцать с половиной раз превышает земную. Но на поверхности глубочайшего океана сила тяжести была сопоставима с земной и трудности здесь испытывали только коренные луняне и космачи², родившиеся в условиях пониженной гравитации.

«Вольный» снижался.

Надо сказать, само по себе уверенное движение огромного крейсера в протяженной и бурной атмосфере Урана было чудом. Максима всегда учили, что большие корабли неспособны к подобным маневрам. И что длительные полеты в атмосфе-

---

² Космачи – слэнговое наименование людей, родившихся на орбитальных базах и космических кораблях

рах планет-гигантов по силам либо аэростатическим платформам (крупнейшей из таких платформ считался летающий город Хэйхэ на Юпитере), либо специально спроектированным крылатым авиеткам, без которых были бы невозможны сношения летающих городов с орбитой.

Но чтобы громада длиной в полтора километра и массой под миллион тонн была в состоянии виток за витком ввинчиваться в мутные облачные глубины, не теряя устойчивости, не сгорая от трения, не растрескиваясь от зубодробительных вибраций и не испытывая убивающих экипаж длительных отрицательных перегрузок?!

Происходящее казалось волшебством.

В известном смысле волшебством оно и являлось – высокотехнологичным волшебством, опирающимся на знания, пришедшие извне Солнечной системы.

Крейсер «Вольный», используя свое протяженное гладкое днище сложного профиля как монокрыло, а хитроумную систему рулевых сопел в качестве продольных и поперечных стабилизаторов, преодолел тысячи километров верхних, разреженных слоев огромной атмосферы Урана.

К тому времени уже полчаса за жаропрочной броней «Вольного» клубилась лишь ледяная тьма, озаряемая отблесками стабилизирующих крейсер двигателей и мощными посадочными прожекторами.

Но вдруг прожектора погасли.

И все, кто бросал тревожные взгляды на обзорные экраны, увидели... ровное мягкое сияние, поднимающееся откуда-то снизу!

Света здесь было куда больше, чем можно было ожидать, учитывая, что облачный слоеный пирог облаков в атмосфере Урана поглощал львиную долю солнечных лучей, доходящих сюда через миллиарды километров пустоты.

Они приближались к Оазису – главной базе «Армии пробуждения».

Оазис с высоты километров в десять выглядел темной кляксой на светлом фоне бескрайних водно-метановых льдов.

Когда «Вольный» снизился до семи километров и, казалось, почти перестал двигаться, зависнув на месте, Оазис распался на несколько отдельных овальных пятен километра два в поперечнике каждое.

Максим пересчитал их. Пятен было семь. Шесть окружали самое большое, центральное.

Что это? Острова? Или полыньи? Полыньи, вырубленные во льду здешнего океана? Между пятнами тянулись тонкие ниточки каких-то неопознаваемых с такой высоты коммуникаций.

Когда они спустились еще ниже, Максим разглядел дополнительные подробности. В каждой полынье плавало массивное, продолговатое сооружение. Он практически угадал, причем оба раза – пятна оказались искусственными островами, плавающими в полыньях.

– Это что, острова? – на всякий случай спросил Максим у Роберто Квальи.

– Можно и так сказать, – ответил тот. – Но мы называем их понтонами.

– То есть самостоятельно перемещаться они не могут?

– Могут. Вообще-то весь смысл именно в том, что могут. Но мы говорим – понтоны.

«Вольный» снизился еще на пару километров и Максим заметил, что над центральным понтоном поднимается некое высокое сооружение. Высокое – но очень изящное, ажурное, можно сказать, невесомое. Так что при взгляде с борта «Вольного», который находился почти строго в зените над этим сооружением, оно до недавнего времени полностью сливалось с понтоном.

– На центральном понтоне... Что-то вроде мачты с аппаратурой связи? – спросил Максим.

– Нет. Это не мачта связи... – раскуривая очередную трубку, произнес Роберто. – Придет время – ты получишь ответы на все вопросы.

– Но хотя бы один ответ! Мы собираемся совершить посадку на понтон?

– Ответ положительный. А теперь давай помолчим. Тут может так потряхnutь, что откусишь язык – сам не поймешь как! Наши эскулапы его, конечно, пришьют, но, поверь, сделают они это без всякого удовольствия!

Еще десять минут осторожного снижения и «Вольный» мягко опустился на посадочную площадку. Такие площадки – учитывая огромные размеры, их правильнее было бы называть космодромами – были оборудованы на большинстве понтонов.

«Вольный» выбрал ту, которая была мечена буквой «В».

Сразу после посадки Роберто Квалья приказал всем пилотам собраться на ангарной палубе. Там их и застало обращение лидера «Армии пробуждения».

– Слушать в отсеках! – это заработала внутрикорабельная трансляция, разнося по всем палубам «Вольного» уверенный голос товарища Альфы. – Флагман нашего флота совершил посадку в Оазисе, главной базе «Армии пробуждения». А это значит: добро пожаловать на Уран, товарищи! И – аплодисменты нашим непревзойденным пилотам Павлу Гнедых и Стефану Лидо!

Эти слова вождя «Армии пробуждения» были восприняты с неподдельным энтузиазмом. Экипаж крейсера ответил товарищу Альфа троекратным «Ура!», пилоты и эвакуированные старатели поддержали своих товарищей.

– Пока обшивка корабля остывает, а над понтоном восстанавливается защитный купол, – продолжил тот, выдержав паузу, – я могу сказать вам пару слов. Уверен, что все помнят, как месяц назад на Градусе Забвения мы нанесли ненавистой «Беллоне»

самое тяжелое поражение в ее истории. Мы впервые в открытую померились силами с лучшими крейсерами врага, с его лучшими флотилиями – и победили. Что бы ни врал по этому поводу вражеская пропаганда. Что бы ни фантазировали гнусные болтуны «Танцоров вечности», которые тщатся присвоить себе нашу победу.

Товарищ Альфа глотнул воды и продолжил:

– Да, «Танцоров вечности»... В ходе операции на Градусе Забвения мы до последней секунды ждали, что их крейсера выйдут на позиции в тылу кораблей «Беллоны»! Этим ожиданием мы подвергли смертельной опасности все наши крейсера, замаскированные под мобильный форт «Мститель»! В руки врага едва не попало наше главное секретное оружие! Кто знает, возможно, десантникам «Беллоны» на борту ложного «Мстителя» не хватило считанных мгновений, чтобы найти уязвимые места в обшивке наших крейсеров! И все это мы терпели потому, что верили: «танцоры» – наши соратники, «танцоры» – наши братья, они выполняют условия достигнутого ранее соглашения и ударят «Беллоне» в спину! Увы, этого мы так и не дождались. И хотя «Беллона» понесла тяжелейшие потери, разгромить ее наголову, добить ее крейсера мы не смогли. В чем же причина столь неблагоприятного поведения «Танцоров вечности»?

– В том, что «танцоры» имеют нетрадиционную ориентацию, – вполголоса, но так, что слышали все, сказал пилот Мажаров.
– И нашим, и вашим.

По ангарной палубе пробежали смешки. Товарищ Альфа тем временем ответил на свой вопрос не столь афористично, как Мажаров, зато точно и по существу:

– Я думаю, причина – в гордыне. «Танцоры вечности» почему-то решили, что не нуждаются более в нашей поддержке. Этим господам кажется, что они смогут самостоятельно свергнуть владычество проприетарного капитала и подарить людям радость освобожденного труда... Что ж, все мы видели их новые

крейсера и давайте признаем: эти летающие блины производят впечатление! Но я обещаю вам, мои друзья и соратники: у нас найдется чем ответить. Здесь, в Оазисе, уже полгода строится корабль, которому нет равных во всей Солнечной системе. Корабль, который перевернет все представления человечества о межпланетных перелетах! И очень скоро мы выйдем из своего убежища в новый поход. Последний освободительный поход, который – клянусь Космосом! – не только закроет все скобки в наших отношениях с «Танцорами вечности», но и низвергнет лунно-марсианскую олигархию. Наше дело правое, товарищи. Враг будет разбит, победа будет за нами!

Воодушевленные речью товарища Альфы пилоты потянулись было к раздвижным дверям воздушного шлюза. Однако стоявшая там охрана с жетонами ООД – Отдела Особых Действий – их не пустила.

– Наберитесь терпения, товарищи, – сказал начальник наряда. – Вы должны пройти инструктаж.

– Ну, так инструктируйте! – раздраженно выкрикнула Ирина Бекасова, прижимая к груди свой талисман, плюшевого медведя.

– Я, к сожалению, не уполномочен, – развел руками начальник охраны и попытался добродушно улыбнуться.

Учитывая, что его лицо от левой брови до правой скулы было располосовано четырьмя шрамами, улыбка вышла слегка саблезубой.

– Так и будем здесь стоять до вечера? – обратился к Квалье пилот Дубов.

Но даже опытный Роберто Квалья, всегда все знающий лучше других, выглядел растерянным.

Вдруг двери шлюзовой камеры разъехались в стороны и, облитая мерцанием проблесковых маячков, оттуда выступила могучая фигура в оранжевом скафандре. По скафандру сбегав-

ли серебристые струи дезактивационной жидкости. На правом боку визитера висела черная кобура с мощным газодинамическим бластером. На левом – кобура поменьше, с обычным пистолетом.

Он сделал несколько шагов вперед, а следом за ним на палубу выкатились две автоматические тележки, доверху набитые экипировкой и плоскими контейнерами с плохо затертой маркировкой Космофлота Объединенного Человечества. Человек отщелкнул герметизирующую скобу, снял шлем, перчатки, провел ладонью по сияющей лысине. Обвел присутствующих тяжелым взглядом.

– Всех с прибытием. Мое имя Иван Льдов, но чаще меня называют Мамонтом. Я главный инженер Оазиса. Сейчас я должен находиться на верфях. Меня оторвали от работы и я очень зол. Но кому-то нужно объяснить вам, куда вы попали. Оказалось, что все мои помощники монтируют агрегаты на новейшем крейсере «Справедливый». А помощники помощников в круглосуточном аврале латают металлолом, который притащил сюда крейсер «Честный». А господин... простите, това-арищ Дементьев, видите ли, уже с головой ушел в расследование ЧП на борту крейсера «Заря Свободы»!

– Не знаю, какой из него мамонт, но поговорить он любит, – прошептала Ирина Бекасова, наклонившись к уху Максима. – А вот товарища Дементьева, наоборот, не любит.

– Ладно, ну их всех к монахам, – махнул рукой Мамонт. – Итак, вы на Уране. Если кто-то забыл, что это такое, пусть обратится к справочнику. Напомню лишь, что на планете действуют три фактора, которые убивают мгновенно. Первый: давление. Пятьдесят атмосфер. Незащищенного человека превращает в натуральную котлету на косточке переломанного позвоночника. Второй: температура. Минус сто восемьдесят по Цельсию. Человек получает тяжелые ожоги, затем в течение нескольких минут наступает смерть. Третий: отсутствие кислорода, при-

сутствие ядовитых газов. Атмосфера состоит из смеси водорода, метана и аммиака. Проще говоря: человеку тут дышать нечем. Один вдох в такой атмосфере – и вас больше нет. Прибавьте к этому ураганы, снежные бури, грозы, извержения подводных вулканов и особые виды сейсмической активности, которые мы называем моретрясениями.

– Мне здесь нравится все больше и больше, – широко улыбнулась Бекасова.

– Согласен с тобой, – поддакнул Мажаров, стоявший у них с Максимом за спиной. – На Уране настолько отвратительно, что правительственным ищейкам в голову не придет нас здесь искать!

– Мы живем и работаем в похожих на подводные лодки помещениях, – продолжал Мамонт, – каждое из которых способно самостоятельно противостоять агрессивной внешней среде планеты. Но чтобы можно было строить и обслуживать космические корабли, всего этого мало. Поэтому над полыннями возведены купола из прозрачной пластической массы. Этот материал называется полираном. Полирановые купола обслуживаются колониями специальных наноботов... Впрочем, это уже детали. Для вас главное вот что: хотя под нашими куполами суровые условия Урана значительно смягчены, находиться вне помещений можно только в армирующих комбинезонах, теплой одежде, перчатках, очках и кислородных масках. Только так можно избежать обморожений и отравлений. Но главное, запомните: если купол треснет, у вас будет только полторы минуты, чтобы добежать до ближайшего входа в герметичное укрытие. Полторы минуты. Девяносто секунд.

– Разрешите вопрос? – выбросила вверх руку Ирина Бекасова.

– Только один.

– Правильно ли я понимаю, что за полторы минуты давление в потерявшем герметичность куполе достигнет пятидесяти атмосфер?

– Почти так. Если быть точным, за указанное время давление достигнет значения от тридцати двух до тридцати пяти атмосфер. За восемьдесят семь секунд до этого датчики вашего армирующего комбинезона диагностируют катастрофический рост давления. Сработает пневмосистема. Полости комбинезона заполнятся газом под высоким давлением. Биопластиковые мышцы создадут плотный корсет от шеи до пяток. Ваши уши будут герметично закрыты обжавшимся капюшоном. Глаза – защищены очками. Органы дыхания – маской. Благодаря этому вы не будете раздавлены давлением в десять, двадцать и даже тридцать атмосфер. Хотя очки врежутся вам в лицо с такой силой, что, скорее всего, рассекут кожу до кости. Но вы все еще будете живы. Однако на девяностой секунде давление превысит тридцать две атмосферы. И вот тогда у вас лопнет свод черепа. А это уже несовместимо с жизнью.

– Какая поэзия... – пробормотал пилот Мажаров.

ЭПИЗОД 4

Оазис среди ледяной пустыни

Гляциосфера Урана, база организации «Армия пробуждения» Оазис, декабрь 2468 года

Хотя температура за окном приближалась к минус ста восьмидесяти градусам по Цельсию, в душе Максима пылал июль. Еще бы! Только что его поцеловала Соня ван Астен, самая красивая девушка Вселенной!

Все произошло неожиданно. В обеденный перерыв она пришла навестить Максима в кафетерий при верфях. Когда были съедены и крем-суп с цуккини, и тальятелли с куриным филе, и даже трюфели «Виваче», сидящая напротив Максима Соня как-то странно зарделась и тихо спросила:

– У тебя сырный соус на щеке, можно я вытру?

– Конечно, вытри, – удивился Максим.

Соня встала, наклонилась к нему, но вместо того, чтобы вытереть щеку Максима салфеткой, поцеловала его в губы. Как бы случайно, но в то же время достаточно настойчиво.

– Ничего себе! – только и промолвил не успевший освоиться со своим счастьем Максим, когда рыжая красавица уселась на свое место напротив.

Кроме них в кафетерии было еще человек десять. Однако никто, казалось, не смотрел в сторону обедающей парочки. А, может, и смотрел. Но – украдкой.

– Я не слишком тебя шокировала? – спросила Соня.

– Н-нет, – рассеянно сказал Максим.

Он буквально не мог прийти в себя от радости.

Конечно, чего-то такого он ожидал. Ведь они с Соней встречались уже две недели! И все же... Перед мысленным взором

Максима пронеслась вся их недолгая, но такая нежная любовная история.

Он познакомился с Соней еще на крейсере «Вольный», куда попал после ранения. Максим никогда не интересовался медициной и не мог бы точно сказать, какой именно диагноз был записан в его медицинской карте. Он знал лишь одно: у него что-то очень серьезное с головой.

Соня помогала ему восстановиться. Они вместе тренировали память, выполняли стимулирующие упражнения. Она была оператором многочисленных умных приборов, которые возвращали Максима в ряды звездных борцов. Это благодаря ей, Соне, Максим стал таким же здоровым и веселым, как раньше – когда он был рядовым пилотом, сражающимся против сил правительственной олигархии в составе небольшой партизанской группировки «Новый мир».

Хотя раненому Максиму очень нравилась рыжеволосая умница Соня, он не решался ухаживать за ней, откладывая решительные действия до момента своего выздоровления. Но и в тот день, когда врач Казимир Алексеевич разрешил ему уйти из госпиталя, он вновь не решился сказать Соне о своих чувствах. Зачем такой дивной красоте простой парень Максим? Да и вообще, их недолгое пребывание в секторе Троянцев Юпитера, а затем перелет к далекому Урану совсем не располагали к романам – все было так нервно, так рвано, так давило на психику, что...

К счастью, Соня сама нашла его. Уже на Уране, где командование определило Максима на работу. Пока шли процессы физической реабилитации после ранения, ему было приказано исполнять обязанности оператора одного из многочисленных роев наноботов. Конкретно его рой занимался нанесением бериллиевого напыления на одну из камер сгорания маневровых двигателей находящегося в постройке крейсера «Справедливый».

В качестве главной силовой установки этот уникальный корабль должен был получить фотонный двигатель, который позволял бы ему разгоняться до гигантских скоростей – многие тысячи километров в секунду! Ни один корабль Солнечной системы и близко не подходил к рубежу пятьсот километров в секунду... А тут – тысячи!

Но наноботы Максима занимались вовсе не главной силовой установкой, а как раз вспомогательной. Помимо фотонного привода «Справедливый» располагал тремя мощными термоядерными двигателями и сотней маленьких реактивных маневрушек. Один из них наноботы Максима и доводили до ума. Специального образования для этого не требовалось.

Орды наноботов, собравшись в макросистемы, называемые «жуками», вообще-то все делали сами.

Сами транспортировали крупницы необходимых материалов.

Сами доводили их до нужной температуры.

Сами, подключаясь при необходимости к внешним источникам электропитания и линиям подачи материалов, выплевывали струи напыляемых металлов и сами шлифовали двигатель крохотными металлическими щетками.

Максим же, оснащенный магнитными кошками, реактивным ранцем и прибором, который в кругу операторов все называли «шваброй», должен был присматривать за этим хлопотливым наномуравейником и бороться с «замыканиями».

«Замыканиями» операторы именовали своеобразный резонансный сбой в цепях коммуникации между отдельными особями наноботов. Этот сбой приводил к тому, что жуки собирались в уродливые асимметричные снежинки, которые, разрастаясь, могли захватить сотни и даже тысячи наноботов. После чего через сформированную таким образом жучиную сеть проходил деструктивный электрический импульс... И трудолюбивые наноботы спекались в душно воняющий металлический оmlет!

Чтобы этого не происходило, нужно было вовремя заметить формирование первичной снежинки из нескольких десятков наноботов и как следует двинуть по ней «шваброй» – она била по жукам комбинированным электротепловым импульсом.

Максиму очень нравилась его работа.

Все снежинки были разными. Казалось, каждая из них имеет свой характер – эта вредная, та подлая, а вон та – и вовсе аморально буржуазная!

Уничтожая очередную снежинку, Максим был точно уверен: одним квантом зла в мире становится меньше. А значит, количество добра возрастает, с каждой минутой возрастает!

Узоры, которые оставляли наноботы на стенках камеры сгорания, тоже по-своему завораживали. Следить за упоительным роением умных микромеханизмов Максим мог часами.

Именно поэтому он никогда не спешил на обеденный перерыв. Пока однажды, отойдя от буфетной стойки с подносом, уставленным блюдами итальянской кухни (в «Армии пробуждения», к слову сказать, было немало сознательных итальянцев и других пост-европейцев с Земли), он заметил... да-да, Соню ван Астен – девушку, с которой он так ни на что и не решился на борту «Вольного».

Соня приветливо махала ему рукой из-за дальнего столика. Перед ней стояла высокая чашка с латте.

– Что ты делаешь здесь, среди простых рабочих? – удивился Максим, не без гордости наблюдая за выражением лиц своих коллег, которые, переглядываясь, уже начали вполголоса обсуждать «новую подружку Максима».

– Я пришла провести тебя. Соскучилась.

– Ты?! Соскучилась по мне?! – Максим не верил своим ушам.

– Да. Сейчас у меня совсем мало пациентов... Казимир Алексеевич называет это затишьем перед бурей.

– Но откуда ты узнала, что я работаю здесь?

– Мне брат сказал... Впрочем, какая разница?

Максим улыбнулся. Он был так счастлив, что не стал спрашивать, откуда брат Сони знает, где работает какой-то малозначительный молодой человек, которому в Троянцах Юпитера даже не хватило духу сесть на вращающийся астероид!

– Может, вечером сходим куда-нибудь? – продолжала наступление отважная Соня.

– Сходим! Конечно, сходим! Только, – Максим замялся, – я здесь, в Оазисе, совсем недавно. Не знаю, что тут вообще есть. Кино? Рестораны? Или, может, какие-то музеи?

Соня ласково улыбнулась.

– Музеев точно нет. Музеи – олигархический пережиток! – отчеканила она. – Зато у нас есть танцевальный клуб. И дискуссионный клуб тоже. Туда обычно все и ходят.

– Гм... Нелегкий выбор, – Максим заерзал на своем стуле. – Танцевать я не умею, звездную джигу от сатурночки не отличаю... Да и в дискуссиях не силен! Я даже не знаю, что значит слово «проприетарный», которое все вы употребляете по десять раз на дню!

Соня улыбнулась, заглянула в глаза Максиму своими огромными зелеными глазищами так, словно хотела разглядеть что-то в душе пилота.

– «Проприетарный» означает... ну что-то вроде «связанный с извлечением прибыли» и «зацикленный на частной собственности»... В плохом смысле. А танцевать не обязательно. Да и дискутировать тоже! Возьмем себе ананасового пива, посидим, расслабимся... Как ты насчет завтра – не занят?

– Завтра? Да!

– Да – в смысле занят? – Соня опять улыбнулась.

Максим проклял себя за тупость.

– Нет, что ты. Завтра я совершенно свободен.

– Вот и чудненько!

Прозвенел звонок. Соня ушла, соблазнительно покачивая бедрами.

А Максим встал из-за стола, на котором тосковала тарелка с нетронутыми спагетти «карбонара», розовел лосось под сливочно-шафранным соусом и оплывало ванильное мороженое. Ни к одному из этих блюд он так и не притронулся – за все сорок минут, проведенных в кафетерии. Какие могут быть лососи, когда такие девушки приглашают на свидание? Скорей бы уже оно наступило – это завтра!

В танцевальный клуб Соня с Максимом не пошли.

В дискуссионный, впрочем, тоже.

Свое первое свидание они провели... гуляя по Оазису!

К слову, на базе «Армии пробуждения» было где погулять! Если, конечно, не бояться случайного разрушения полиранового купола и связанных с ним ужасов про «пятьдесят атмосфер» и «девятьюстами секунд», которые так впечатляюще расписал для новоприбывших инженер Мамонт.

Поскольку Соня с Максимом были экипированы по всем местным нормам безопасности, ничего подобного они не боялись. Весело похрюкивая респираторами, они начали свой путь от dormitorio, где, вместе с другими работниками верфей, поселили Максима.

Обошли грозную и вместе с тем феерически красивую башню строящегося крейсера «Справедливый», освещенную сотнями прожекторов. Выпили кофе в заведении, которому посчастливилось носить ко многому обязывающее название «Навсегда». Затем переместились в сквер Павших Героев, где находилось мемориальное кладбище звездных борцов.

Сквер представлял собой несколько аллей, обсаженных самыми настоящими туями и самшитом! Точнее сказать, созданными при помощи генной инженерии растениями, которые именовались лунной туей и экстрасамшитом. На взгляд неспециалиста они были почти неотличимы от земных растений. Но на самом деле – а как раз это знали только специали-

сты – были в состоянии переносить широкий спектр неблагоприятных условий, в том числе удары высокого давления, кратковременные падения температуры на двести градусов и отравления аммиаком. Таким образом, генная инженерия подарила чудесным растениям способность сохраняться во время плановых раскрытий купола для приема и выпуска крупных кораблей.

Через полтора часа романтических шатаний, во время которых Максим так и не отважился взять Соню за руку, красавица вдруг захотела показать ему свой дом. В этом доме она, согласно ее уверениям, жила с братом по имени Людвиг. Располагался он не на том понтоне, где находились центральные верфи и где возвышался «Справедливый», а на соседнем, именуемом «Западный».

Как и прочие периферийные понтоны, «Западный» был соединен с «Центральным» крытой галереей с прозрачным сводом. На «Западном» Максим еще никогда раньше не бывал, да и вообще был уверен, что там ничего интересного нет – так же как и на «Северном», и на «Восточном», где базировался крейсер «Вольный».

Переход по галерее оказался весьма волнующим. На выложенной обрезиненными плитами дороге – никого. Ни одной машины. Ни одного скутериста. Ни одного пешехода – в экзоскелете или без.

Только он – и Соня. Вдвоем в гулкой пустоте. А над головой – иссиня-зеленая, беззвездная бездна.

– Интересно... А почему мы, я имею в виду «Армию пробуждения», – поинтересовался Максим, – забрались так далеко? Ну, то есть я понимаю, что для лунников и марсиан мы – пираты, нас все ищут, нас все ненавидят. И тем не менее... Неужели для нас не нашлось местечка, скажем, на Сатурне?

– Мой брат говорил мне, что это не наше решение. Это решение тех сил, которые нас поддерживают. Именно они пола-

гают, что наша база должна размещаться на Уране, – сказала Соня довольно твердо.

– Силы? Которые нас поддерживают?

– А ты думаешь, кто нам помог построить все это? – Соня обвела руками панораму Оазиса – ажурные конструкции верфей, хищные силуэты кораблей, подсвеченные дежурным освещением. – Ведь это же стоит кучу денег! Даже объединенная промышленность лунно-марсианской олигархии не смогла построить базу на Уране. А мы – мы смогли! Ведь не на пожертвования же рядовых борцов все это отгрохано! А «Справедливый»? Ты представляешь, хотя бы примерно, сколько он должен стоять?! Или сколько, например, стоят заводы по добыче и обработке полезных ископаемых, которые наша группировка имеет здесь, на Уране?

– Не представляю, – ответил Максим с честной улыбкой простака. – Но тем интереснее знать, что это за силы такие! Какие-то банкиры? Бизнесмены?

– Понятия не имею, – вздохнула Соня.

– А твой брат? Он знает?

– Может быть, знает... А может, и нет... Я уверена в одном: даже если и знает, мне он ничегошеньки не скажет! Потому что конспирация – основа революционной борьбы! – и, сверкнув бездонными глазами, в которых отражалось зеленое небо Урана, Соня назидательно подняла палец.

На «Западном» не было заводов и верфей. Понтон был полностью занят городской инфраструктурой «Армии пробуждения». Здесь находились жилые дома, больницы, префектуры, штаб-квартира флотского командования, управление Отдела Особых Действий.

Большинство домов представляло собой стандартные колонизационные контейнеры двухвековой давности – в таких жили первые поколения покорителей Марса, когда атмосферу

красной планеты еще только предстояло создать. Под продуктовый магазин или офис использовался сдвоенный контейнер, а под больницу – счетверенный.

Лишь изредка попадались более выразительные архитектурные решения. Скажем, флотское командование в лице грозного адмирала Баренца (для него, единственного во всей «Армии пробуждения», было сделано исключение: он носил воинское звание и знаки различия, у всех прочих были только должности) и его подчиненных располагало внушительной трехъярусной башней-цитаделью, сваренной из корабельной брони и вооруженной батареями лазерных пушек на кольцевых балконах.

Дом Сони тоже заметно выделялся на общем фоне типовых колонизационных контейнеров. Он понравился Максиму с первого взгляда. Да что там «понравился»! Дом привел его в настоящий восторг!

Высокий железный забор. Повсюду – датчики движения. Изпод ската веселенькой зеленой крыши торчат стволы дистанционно управляемых пулеметов. Окна второго этажа забраны разноцветными броневитражами. У ворот – будка охраны с танковыми перископами вместо окошек.

– Ну что, зайдешь на чай? – приветливо спросила Соня. – С братом тебя познакомлю...

При этих словах Максиму вдруг стало до обморока неловко.

Знакомство с братом – это же все равно что знакомство с родителями. А знакомство с родителями – ко многому обязывающая процедура. Чтобы решиться на нее, нужно быть уверенным: уверенным в себе, в отношениях, в совместном будущем...

Уверен ли он? Достоин ли этой прекрасной девушки с чувственными губами и глазами-омутами?

Точных ответов Максим не знал. Поэтому он, чувствуя себя рефлектирующим интелом, отрицательно помотал головой и деревянным голосом проговорил:

– В следующий раз зайду, если ты не против. А сейчас мне пора возвращаться в dormitorio. Завтра утром на смену...

– Что ж, как хочешь, – пожала плечами Соня.

Было видно, что она замерзла и устала: прогулка оказалась гораздо более продолжительной, чем они оба рассчитывали.

В тот вечер Максим не решился поцеловать Соню.

И на следующий тоже не решился...

Впрочем, все у них шло замечательно. Они не ссорились, им всегда было о чем поговорить. Они были полностью солидарны по всем важным идеологическим вопросам. И в дискуссионном клубе, куда они все-таки забрели через два дня, Максим и Соня выступали на одной стороне! Оба считали, что в будущем проприетаризм должен быть уничтожен полностью, не должно сохраниться даже само слово «проприетарный»!

Поэтому когда над тарелкой с трюфелями «Виваче» Соня сама, первая поцеловала Максима, тот воспринял это с одной стороны как подарок судьбы, а с другой – как очередное, вполне логичное звено в цепи развития их отношений...

Загадочный брат постоянно всплывал не только в разговорах Максима и Сони. О нем упоминали и другие.

– Не боишься за ней ухаживать? – спросил как-то Верховцева Артем Свешников, такой же пастух наноботовых стад, как и сам Максим.

– А почему я должен бояться?

– Ну как почему... Все-таки ее брат...

– А что брат?

– Ну... Я бы опасался... Мало ли.

Но Максим был настолько поглощен своими чувствами, что не придавал этому значения.

– Сегодня мы не сможем встретиться, я должна вернуться домой пораньше, – сказала как-то за обедом Соня. – Брату нужна моя помощь!

– Помощь? Он что, заболел?

– Нет. А что, по-твоему, помощь нужна только больным?

«Да что же там за брат такой?!» – наконец задал себе вопрос Максим. Но дальше невысказанных вопросов дело не пошло.

Так могло бы продолжаться и месяц, и два, и год. Максим был пассивен, Соня – молчалива, а брат все время находился где-то рядом, но как бы в стороне. Этакий призрак из старинного фильма ужасов.

Однажды, когда они целовались на диване в комнате Максима, у Сони в сумочке вдруг зазвонил телефон. Она вмиг стряхнула с лица страстное выражение, выскользнула из горячих объятий Максима и метнулась к сумочке с такой прытью, что можно было подумать: от этого звонка зависит ее жизнь.

– Кто это? – спросил Максим с тяжелым вздохом.

– Да психиатр один, с крейсера «Заря Свободы», – разочаровано ответила Соня, глядя на экранчик. – Его Винченцо зовут... Брать трубку не буду... Сдался мне этот Винченцо? Тем более, сегодня выходной. Перетопчется.

– Но зачем ты тогда вообще бежала к телефону? Пусть бы себе звонил!

– Вдруг это не идиотик Винченцо, а Людвиг?

– Людвиг?

– Ну, мой брат.

Максим не смог сдержать гримасу тягостного недоумения.

– Чувствую, купим скоро трехспальную кровать модели «Людвиг с нами».

Соня сделала вид, что шутку не расслышала. И они вернулись к поцелуям.

После этого эпизода прошла ровно неделя, когда Максим наконец-то познакомился с легендарным Людвигом. Он как раз провожал Соню домой. Они шли по галерее в направлении «Западного», когда рядом с ними притормозил новенький миникар-трицикл, весь обвешенный шарами антигравов.

Лицо Сони засияло. Она откинула со лба рыжую челку и улыбнулась, как улыбаются маленькие девочки при виде папы с новой куклой в руках. С миникара, откинув фонарь обтекателя, спрыгнул высокий, длиннорукий, нескладный мужчина лет тридцати пяти с длинными вьющимися волосами.

Помимо стандартных защитных очков и респиратора, одет он был достаточно легко и небрежно, в десантный камуфляж без знаков различия. На шее – броский платок алого цвета. В общем, комендант базы пришел бы в ярость, узрев столь вызывающие нарушения техники безопасности и формы одежды.

– Людо! Людо! – вскричала Соня и бросилась незнакомцу на шею.

– Сонька... Девочка моя! – мужчина тепло обнял возлюбленную Максима.

Их объятие длилось почти минуту. И лишь к исходу этой минуты Максим сообразил, что перед ним – да-да, тот самый Людвиг ван Астен!

А еще через минуту он сообразил, что лицо Людвига ван Астена ему очень даже знакомо. И что это лицо... Это лицо самого товарища Альфы! Грозного, сурового и справедливого вождя звездных борцов!

Ноги Максима стали ватными, лицо вытянулось, язык одеревенел.

– Извините, что нарушаю ваш тет-а-тет, – обаятельно улыбнулся Людвиг, почесывая небритую щеку. – Но мне нужно срочно сообщить Соне одну новость.

– Новость? – брови Сони вопросительно взлетели.

– На Обероне у нас с тобой родилась племянница.

– Амалия?! Родила?! Какая умница! – Соня восторженно хлопала в ладоши.

Максим уже знал, что Амалия – младшая сестра Людвига и Сони. И ему хотелось думать, что сестра эта такая же обворо-

жительная как Соня. Поэтому он нашел силы тоже улыбнуться, как говорить, за компанию.

– Теперь мы с тобой дядя и тетя, – Людвиг вздохнул и развел руками: дескать, «годы идут, а старость – не радость». – Ты, конечно, спросишь, отчего я не сообщил тебе эту благую весть по телефону вместо того, чтобы вторгаться в твой интим? А я отвечу, что по непонятной мне причине твой телефон уже три часа как выключен! Поэтому я приглашаю тебя... и твоего кавалера, конечно!.. к нам домой. Следует отметить пополнение в семействе ван Астенов парой-тройкой рюмочек настоящего марсианского кальвадоса!

Максим по-прежнему пребывал где-то между сном и явью. Мыслимое ли дело?! Перед ним – лидер «Армии пробуждения». Генералиссимус. Стратег, тактик, вдохновитель и организатор побед звездных борцов. Живая легенда. Первый среди равных – товарищ Альфа. Самый Главный Вождь!

И выходит, что у него, у Максима Верховцева, роман с сестрой вождя!

Отказаться от приглашения он, конечно, не посмел...

В доме у Сони и Людвига – а точнее, у товарища Альфы и Сони – Максиму понравилось. Обстановка там была именно такой, какая и должна быть у харизматической личности, коей являлся Людвиг – в меру скромно, в меру шикарно.

На стене в гостиной висела карта Солнечной системы. Поначалу Максиму показалось, что карта нарисована, но нарисована не обычными красками, а какими-то особенными, дающими удивительную глубину и переливчатость цвета. Но, присмотревшись, он обнаружил, что карта, размерами два на полтора метра, представляет собой гигантскую вышивку! И вышита она отнюдь не нитками, а голографическим бисером! Вышита вручную!

– Ого!.. Наверное, год вышивали, да? – уважительно поглаживая янтарно-желтую Йо, отозвался о диковине Максим.

– Может, год, а может, и два! У гарнизона на Обероне времени много... И рукастых женщин там тоже немало, – усмехнулся товарищ Альфа. Точнее, Людвиг – именно так попросил называть его вождь звездных борцов.

– Наверное, это подарок? – предположил Максим.

– Так точно, подарок. Мне, на тридцатилетие.

Пока Соня суетилась, сервируя стол в гостиной, хозяин пригласил Верховцева на экскурсию по дому. После гостиной Максим был приглашен в кабинет Людвига, который по совместительству служил... библиотекой!

Библиотекой!

Столько бумажных книг в одном месте Максим не видел никогда в жизни. Он, как замороженный, ходил вдоль полок, вглядываясь в чарующую стену потертых переплетов. Некоторые фамилии что-то говорили Максиму: Ленин, Маркс, Че Гевара. Остальные казались совсем незнакомыми: Каутский, Плеханов, Кропоткин, Мао, Дебор...

– А о чем они все пишут? То есть я хотел сказать, писали, – не удержался от вопроса Максим.

– Смотря кто.

– Да вот к примеру этот... Маркс?

– Ну как о чем? – в глазах Людвига ван Астена блеснула хитринка. – О том, что капитализм – порабощает. А коммунизм – освобождает. Частная собственность – плохо. Общественная – хорошо.

– Ну это-то все знают... Совершенно очевидные вещи!

– Это у нас в «Армии пробуждения» очевидные... А вот, к примеру, на Луне людей, кому это очевидно, едва ли наберется две сотни человек. Да и те, в основном, наши «кроты». То есть я хотел сказать, «верные».

– Неужели все так плохо?! – спросил Максим встревожено.

– Все еще хуже... Но сегодня мне не хотелось бы говорить об этом. Сегодня у нас праздник, не так ли?

Из соседней комнаты слышался голос Сони. Она сообщила, что филе окуня в кисло-сладком соусе «Палермо» с долька-ми апельсина уже подогрелось, а вот кальвадос – тот как раз успел охладиться.

Они расселись вокруг низкого журнального столика и Людвиг раскупорил первую бутылку – дымчато-зеленого стекла, старинную и вместительную.

Первый тост подняли за малышку Синтию и ее маму Амалию.

Второй – за пробуждение людей Марса, Луны и Земли.

А вот третий...

– Я поднимаю этот бокал за вас с Соней, – сказал Людвиг, в упор глядя на Максима. – Я думаю, сейчас вы находитесь в начале пути. И я желаю вам, чтобы этот путь был долгим и счастливым.

Максим и Соня переглянулись. В тот миг им обоим очень хотелось, чтобы пожелание Людвига сбылось...

Та вечеринка на троих была долгой. Ближе к концу первой бутылки они принялись смотреть лунно-марсианские новостные каналы. Поскольку сюжеты шли с задержкой – сказывалось расстояние между Ураном и трансляционными станциями колоний – Людвигу, Соне и Максиму хватало время на комментарии. Ох, и смешно же было разоблачать лицемерные уловки капиталистического правительства!

К середине второй бутылки новости надоели и все по очереди принялись рассказывать анекдоты. Анекдоты были, чего уж там, откровенно бородатými, но веселья это нисколько не портило – хмель компенсировал все.

Когда вторая бутылка подходила к концу, когда Соня уже задремала, свернувшись калачиком на диване, когда Максим уже принялся с ужасом думать о том, как пошкандыбает в родной дормиторий по неудобной, бесконечной галерее, Людвиг подсел к нему, и по родственному приобняв за плечи, сказал:

– Ты славный парень, Макс... Сообразительный... Верный нашему делу... Таким, как ты, нечего делать в простых операторах наноконплексов... В общем, у меня есть для тебя работа поинтереснее.

– Но я всего лишь пилот, Людвиг! Ничему другому не обучен!

– Главное, Макс, это чистые помыслы, горячее сердце и всесокрушающее намерение победить. А обучить можно кого угодно и чему угодно. Когда я был маленький, мой отец работал зоопсихологом в океанариуме. Так он за полгода обучил еврокракена таблице умножения!

– Еврокракена? – недоверчиво переспросил Максим.

Ему показалось, он ослышался. Из школьного курса биологии он смутно припоминал, что еврокракен считается самым тупым среди гигантских беспозвоночных Солсиса.

– Его, голубчика, – заверил Людвиг.

– А что за работа?

– Хорошая. Творческая. И очень нужная нашему делу.

– Но Людвиг...

– Кстати, на ней тебе придется называть меня не Людвиг, а товарищ Альфа.

– Слушаюсь. А еще?

– Мне нужен личный пилот-телохранитель.

– Телохранитель? Вы думаете, среди нас есть предатели? – Максим сам ужаснулся сказанному.

– К сожалению, такую возможность мы исключить не можем, – и лицо товарища Альфы стало печальным и суровым.

ЭПИЗОД 5

Личный пилот товарища Альфы

Гляциосфера Урана, база организации «Армия пробуждения» Оазис, декабрь 2468 года

– Здравствуйте, Людвиг... То есть, я хотел сказать, товарищ Альфа, – тщательно скрывая трепетное волнение, произнес Максим, вступая в рабочий кабинет душегуба и кровопийцы, Суперпирата, Врага Человечества Номер Один, а по совместительству – вождя «Армии пробуждения» и любимого брата его девушки Сони. Кабинет находился на борту недостроенного флагмана космического флота звездных борцов крейсера «Справедливый».

Товарищ Альфа свернул в трубку и отложил гибкий электронный планшет, привстал с кресла и протянул Максиму ладонь для рукопожатия.

Ладонь вождя была сильной, крепкой и сухой.

– Как обстановка на строительстве «Справедливого»? Уволился из бригады?

– Да. Как вы и велели. Готов приступить к своим обязанностям прямо сейчас! – Максим очень хотел, чтобы эта фраза прозвучала молодежато.

Однако товарищ Альфа не принял боевого тона своего нового пилота.

Нахмутив брови, он некоторое время молчал. А затем спросил Максима, будто бы невпопад:

– Пишут... струсил там?

– Кто?

– Да ты.

– Где?

– На Троянцах Юпитера. Когда нас «Танцоры вечности» грабили.

Краска бросилась в лицо Максиму.

«Он знает... Знает! Следил за операцией?!.. Впрочем, многие ведь и видели... Квалья, Ирина, еще три пилота... Кто-то мог написать рапорт».

Максиму сделалось мучительно стыдно и скрыть своего смущения он не смог. Вопреки его ожиданиям, товарищ Альфа не стал ни ругать, ни стыдить его.

– Понимаю тебя. Слишком хорошо понимаю! Я вот, например, так и не научился толком пилотировать. Не мое это... Что же до тебя, то я, кажется, знаю, чем тебе помочь.

Максим промолчал.

– Есть одна вещь... Она поможет.

С этими словами товарищ Альфа извлек из бронированного сейфа небольшую, обтянутую изумрудным плюшем шкатулку.

– Возьми. Он теперь твой, – лидер «Армии пробуждения» протянул шкатулку Максиму.

Тот хотел было открыть ее. Ведь было же интересно, кто это – он?! В то время как «шкатулка» или там «коробка» на худой конец – определено «она»!

Что за «он»? Небось, суперсовременный самонаводящийся пистолет? Какой-нибудь «Тарантул» или «Фаланга»?

Но товарищ Альфа жестом остановил его.

– погоди. Откроешь, только когда поймешь: пришло время.

– Но что это значит: «пришло время»?

– Возможно, сегодня, а возможно, через неделю или через месяц из глубин твоей души всплывет нестигаемая уверенность, что пора открывать шкатулку. Сейчас бесполезно описывать, как распознать это чувство. Но, уверяю тебя, спутать его с чем-либо посторонним невозможно. Это как с любовью. Можно хоть сутки напролет объяснять, а пока не полюбишь, не поймешь.

Максим смешался и опустил глаза в пол, а точнее – в палубу.

Сказанное товарищем Альфой предстояло как следует обдумать. Но это потом, потом. А пока...

– Так вы... не отменяете своего решения относительно меня? Насчет того, что я должен быть вашим пилотом?.. И телохранителем?

– Из-за того, что ты струсил при посадке на астероид в Троянцах Юпитера? – с мягкой иронией поинтересовался товарищ Альфа.

– Ну да.

– Нет. Есть вещи поважнее каких-то отчетов.

– Например, какие?

– Например – моя интуиция.

Летательный аппарат товарища Альфа, который предстояло пилотировать Максиму, относился к классу авиеток. Модель была Верховцеву незнакома – никогда раньше видеть такую красоту ему не доводилось.

Он сразу влюбился в свой новый корабль. Это было само совершенство. Обводы корпуса, покрытого жаропрочным радиопоглощающим материалом, напоминали тело морского ската – широкое и приплюснутое. Пилотская кабина находилась внутри хитроумного карданного подвеса. Такое решение позволяло минимизировать при энергичных маневрах особо опасные поперечные и отрицательные перегрузки, а заодно, в случае необходимости – переворачивать пилота на сто восемьдесят градусов относительно строительной плоскости корабля. Благодаря последнему трюку низ авиетки при необходимости превращался в верх. И наоборот, что было чрезвычайно удобно во время орбитальных полетов.

Пассажирский салон авиетки, расположенный в бронекапсуле и рассчитанный на комфортабельное пребывание четырех персон, тоже оказался непрост, ох непрост!

Во-первых, карданные подвесы, аналогичные тем, что были применены в пилотской кабине, спасали пассажиров от перегрузок.

Во-вторых, многослойное бронирование обеспечивало им защиту, не худшую, чем, например, полицейский VIP-трагер.

И, в-третьих, в случае смертельной угрозы капсулу-салон можно было катапультировать, после чего тот самостоятельно доставлял пассажиров к поверхности ближайшего небесного тела или стыковочному узлу дружественного корабля целыми и невредимыми.

Наконец, авиетка располагала еще и транспортным отсеком, способным вместить до восьмидесяти тонн грузов. При условии, конечно, их относительной компактности, поскольку объемы отсека все же были отнюдь не безграничны.

Вся эта красота звалась «Колибри».

Чьи верфи произвели эту райскую птицу, Максим гадал все те дни, которые были отпущены ему на освоение машины, ведь осваивать ее пришлось без каких-либо инструкций. Он, конечно, разобрался, что к чему. Разобрался при помощи старого как мир «метода научного тыка». Но недоумение затаил: местами за тривиальными решениями стояла нетривиальная, нечеловеческая логика...

Если бы Максим верил в инопланетян (а он в них не верил), он бы предположил, что «Колибри» произведена на какой-нибудь Тау Кита цивилизацией разумных аргондышащих морских котиков.

На вопрос «кто же пилотировал «Колибри» до меня?» ответа он так и не добился.

Соня, его возлюбленная Соня, лишь неопределенно пожимала плечами, ускользая от прямого ответа. А товарищ Альфа высказался в том духе, что искусственный интеллект еще никто не отменял, и что меньше знаешь – крепче спишь.

Максим все же освоил «Колибри», оказавшуюся довольно строптивой птичкой, и тем произвел большое впечатление на Ирину Бекасову, которую, казалось, впечатлить невозможно в принципе.

– Да это не авиетка, а ковер-самолет! Поглядеть только на летные характеристики! – воскликнула она. – Зависает на месте и пятится как коптер, боком летает, на пяточке разворачивается... Я бы на такой полетала! А может и не смогла бы... Уж больно хитро там все в кабине... Ну, а я девушка простая, понимаю только «газ», «тормоз» и «огонь».

Максим улыбнулся. Ничто так не поднимало ему настроение, как добродушное ворчание его боевой подруги.

Свой первый серьезный полет в качестве пилота-телохранителя Максим совершил за три дня до Нового года.

Они взлетали стандартно – с космодрома за полирановым куполом Западного понтона. И буквально до самого старта Максим не знал, какова их цель.

– Мы летим в Стеклянную долину, что возле края Капицы, – сказал товарищ Альфа заговорщическим шепотом. – Это достаточно близко по местным меркам, полторы тысячи километров на восток.

– Действительно, близко, – согласился Максим, рассматривая карту. Он уже привык, что Уран это тебе не Марс и тем более не Гиперион, здесь все привычные масштабы надо домножать на тридцать, а то и на сто. – И что там? Еще одна наша база?

– Если бы, – товарищ Альфа мечтательно закатил глаза.

– Тогда что?

– Будем с тобой гулять. По просторам Урана.

– По просторам? – Максиму показалось, что вождь шутит. – В смысле, по поверхности? По льду и снегу?

– Именно так. Я и скафандры специальные взял.

«Колибри» летала очень шустро. Над кряжем Капицы они оказались через сорок минут.

И это с учетом того, что на двух участках маршрута бушевали метановые снегопады, из-за которых Максиму пришлось проходить сквозь непроницаемый желтый кисель буквально ползком, на высоте полторы сотни метров. Что, разумеется, было бы невозможно без развернутых вертикально конверт-двигателей.

К счастью, на месте погода была что надо.

– Где сажать? – спросил Максим, когда Стеклянная долина открылась им во всем своем переливчатом жемчужном великолепии.

– Сейчас увидишь, – сказал товарищ Альфа, извлекая из нагрудного кармана устройство, напоминающее пульт дистанционного управления.

Одно нажатие – и прямо по курсу вырос яркий малиновый столб шириной в тридцать метров.

– Прямо в маркер и сажай – я его специально для этого ставил.

Облачившись во всепогодные механизированные скафандры-экзоскелеты, призванные сутками, а если потребуются, то и неделями противостоять чудовищному давлению атмосферы планеты-гиганта, Максим с товарищем Альфой ступили на местную твердь. Которая, как и вся доступная поверхность Урана, являла собой отзывчиво-гулкий и прочный, точно сталь, низкотемпературный лед.

– Мы топчем как два слона, слышишь? – усмехнулся вождь «Армии пробуждения».

– А то! Полторы тонны каждый скафандр! – ответил его ново-явленный личный пилот и тоже жизнерадостно улыбнулся.

Никогда раньше Максим в такой штуке не разгуливал. Он чувствовал себя доисторическим ящером – могучим, неповоротливым и тупым.

Втайне его мучил вопрос: что они здесь делают? Почему-то ему казалось, сейчас будет какое-то испытание. Что-то вроде его инициации – в роли пилота и телохранителя.

Может, раз пришлось пилотировать, придется и, так сказать, телохранить? А значит, сейчас кто-то будет на товарища Альфу нападать?

Однако никакие враждебные вихри так и не начали веять над главой «Армии пробуждения». И засады «Беллоны» в окрестностях тоже не обнаружилось...

Вообще в этих самых окрестностях злоумышленникам спрятаться было бы сложно. Гладкий, как зеркало, лед расстился во все стороны на многие и многие километры. С трех сторон Стекланную долину окружали зазубренные вершины ледяных гор. Зеленоватое небо Урана колыхалось над головой.

Максим чуточку приуныл. Пейзаж был величественным, но очень уж минималистским, словно мать-Природа пожалела фантазии и красок, создавая этот уголок Солсиса.

Товарищ Альфа многозначительно молчал, меряя шагами ледяную пустыню, Максим двигался следом с оружием наизготовку. Они шли ко входу в гигантскую пещеру, расположенную в одном из отрогов кряжа Капицы. «Кряж» по сути являлся исполинским ледяным торосом. Настоящие горы, из скальных пород, и даже настоящие действующие вулканы на Уране имелись. Но все они без исключения находились на дне метанэтанового океана, многими километрами ниже ледяного панциря.

О том, что увидит Максим в пещере, оставалось только гадать. Секретный пост управления? Не менее секретный бункер? Замаскированный информационно-наблюдательный центр?

Стоило им войти, как пещера вспыхнула сотнями разноцветных огоньков – автономные источники света были прилеплены к потолку, к стенам и даже просто валялись на полу.

– Вот, погляди-ка... – товарищ Альфа прошел вглубь сверкающей пещеры и активировал мощный прожектор. – Хороша девчонка, а?

Максим, вертящий головой в поисках угрозы для жизни вождя, не сразу проследил за направлением прожекторного луча. А когда проследил, когда увидел, что за девчонка имелась в виду – непроизвольно ахнул.

Она была метров десяти в высоту. Она сидела на троне. В руках у нее были книга и гигантский меч, вонзенный в землю. Просторные одеяния сидящей будто бы развевались на сильном ветру.

Лицо у «девчонки», а точнее, у зрелой, полной сил женщины, было бесстрастным, холодным и умиротворяюще-спокойным. А более всего впечатляло то, что гигантская женская фигура была высечена из местного, с изумрудно-зеленым отливом, льда!

– Волшебнo, – только и смог вымолвить Максим.

– Нравится? Ты бы с такой на танцы пошел?

– На танцы? Не-ет, – честно признался Максим. – С такой не на танцы, а в смертельно-опасную атаку ходить надо. Или на похороны врага, я не знаю...

– Поразительно верное замечание! – согласился товарищ Альфа. – Угадай, как эту даму зовут?

– Ну... Я бы назвал ее Темпера́нс... Или Персефона... Должно быть какое-то суровое и внушительное имя.

– Ее зовут Справедливость, Макс. В ее правой руке меч. А в левой – книга Закона. Того Закона, который выше законов человеческих. Того Закона, в глазах которого мы с тобой никакие не террористы, не экстремисты, а люди, несущие благо другим людям.

– Но как эта... богиня здесь оказалась?! Кто ее создал? Неужели... чужие? – пораженно спросил Максим.

Он видел, что скульптура сделана из цельной ледяной глыбы. И понимал, что втащить такую громаду через узкий вход в пе-

щеру просто невозможно. Да и кому придет в голову создавать такую красоту в забытой всеми пещере на забытой всеми планете? На это были способны только мифические чужие, как называли между собой пилоты так никем никогда и не виденных инопланетян.

– Здесь находился гигантский ледяной сталагмит. Миллионы лет он рос, пока не сомкнулся со свисающим с потолка сталактитом. А потом пришел я. На моей спине был реактивный ранец. А в руках – инструменты, при помощи которых я и сотворил эту красотку.

– Вы? Но ведь это... это профессиональная работа! – Максим по кругу обошел вокруг ледяного изваяния.

– Я и есть профессионал. В прошлой, гражданской жизни я девять лет учился в академии искусств... Мои скульптуры разбросаны по всей Европе... Я бы и жил скучной жизнью голландского грантососа, если бы в мои сны не начала приходить вот она, – ван Астен показал рукой на скульптуру, – моя Справедливость... Мечты о встрече с ней сожгли мою прошлую, бессмысленную жизнь... Впрочем, там не о чем было жалеть... Ведь мечтать о Справедливости и значит жить полной жизнью...

В голосе товарища Альфы звучала такая искренность, что Максим почувствовал себя загипнотизированным. Он не мог отвести взгляда от ног исполинской женщины, обутых в сандалии. Но главное: он будто бы сам стал скульптором и понял вдруг тот порыв, который выдернул Людвига ван Астена из рядов заурядных членов общества потребления, швырнув в ледяные пустоши Урана. Ему вдруг захотелось, чтобы и другие бойцы «Армии пробуждения» почувствовали и поняли то же, что он.

– Но неужели эта красота так и останется стоять здесь? Это как-то неправильно! Наши ребята тоже заслужили посмотреть в ее суровые глаза! – воскликнул Максим с жаром.

– Поэтому я и привез тебя сюда. Хотел посоветоваться. Как бы нам получше и побыстрее оттранспортировать мою фрой-

лайн в Оазис? Можно было бы установить ее на площади возле космодрома... Или в сквере Павших Героев.

Максим задумался. Но совсем ненадолго.

– Для начала статую надо достать из пещеры. Но вход в пещеру значительно меньше ее габаритов... Поэтому первым делом вход придется взорвать. Но так, аккуратненько взорвать, чтобы осколками не повредило наш шедевр... Ага, а для этого мы закутаем ее в несколько слоев синтонового изолятора! Затем надо доставить сюда платформу с антигравитами и два робота-погрузчика с верфey. Укутанную в синтон статую уложим на бок, на платформу. И, как следует зафиксировав, подвесим платформу под брюхом нашего «Колибри». После чего полетим домой. Разумеется, небыстро. Как грузовой коптер.

– Ты говоришь словно заправский инженер... Откуда такие познания?

– Я полтора года провел на Гиперионе. Жил в одном подземном модуле с артельщиками... Они смекалистые ребята... Такое вытворяли! Из трех поломанных авиеток собирали полноценный корвет! Старые корабельные испарители перепайвали в сауну! А уж буровые установки под брюхами авиеток таскали чуть ли не каждый день... Ну, и... – Максим лукаво улыбнулся, – я все-таки профессиональный пилот, а стало быть, имею высшее инженерное образование.

– А что, потянет «Колибри» мою Справедливость? Не надорвется?

– Должна потянуть. Если бы в транспортном отсеке, то вообще без проблем. Конечно, внешняя подвеска создает трудности. То есть лететь домой мы будем очень медленно и низко. Вероятно, это займет часов пять, но... если вождь сказал надо, «Армия пробуждения» ответила – есть!

Лицо товарища Альфы просияло. Было видно, что он втайне ожидал совсем другого ответа и даже морально приготовился к нему.

– Ты не представляешь себе, как я рад это слышать! Я уже Соньке все уши прожужжал рассказами об «одной женщине», с которой ей «следует познакомиться»!

Максим улыбнулся.

Мысль о том, что Соня тоже обрадуется, согрела его не хуже, чем стакан глинтвейна после смены. И все грядущие технические трудности показались сущей ерундой в сравнении с ликующим удивлением жителей Оазиса.

Через день после того, как трон Справедливости занял место на высоком постаменте ровно в центре сквера Павших Героев, Максим и товарищ Альфа совершили еще одну далекую вылазку.

На сей раз их целью стал так называемый Дальний Прииск.

Располагался он в двух тысячах километрах от Оазиса и по неписаному кодексу чести, который регулировал отношения между бойцами «Армии пробуждения», туда «на перековку» посылали тех, кто совершил серьезные проступки. О Прииске ходили мрачные легенды, одна другой страшнее. Возвращались оттуда немногие. Иногда, под пиво, развлекали они товарищей рассказами о жутковатой жизни в этой «урановой заднице».

Максим посадил «Колибри» на почерневшей от метановой ржавчины кормовой площадке одинокого понтона, давно вмерзшего в затянувшуюся полынью. В отличие от технологически совершенного Оазиса, здесь не было защитного купола, так что ветер валил с ног, а сыплющая из иссиня-черных облаков формальдегидная пороша с противным абразивным звуком терла обшивку «Колибри».

К ним подъехал роботизированный автокар, который мелодичным женским голосом пригласил «дорогого и любимого товарища Альфу» на «свой гостеприимный борт».

Максим был неприятно удивлен. Неужели не нашлось ни одной живой души встретить «дорогого и любимого»? Значит,

не такой дорогой? И не такой любимый? Нет ли в этом признаков измены делу звездных борцов? Не свил ли на Прииске гнездо коварный внутренний враг? На всякий случай Максим приказал себе быть наготове, но вслух ничего говорить не стал, тем более что его пассажир вовсе не придавал данному обстоятельству никакого значения.

Ларчик открывался просто.

– Тут у них каждые рабочие руки на счету, – пояснил товарищ Альфа. – А я даже толком не сказал, во сколько мы прилетим... Да и ни к чему этот буржуазный официоз.

Опасения Максима развеялись, едва они спустились через воздушный шлюз на главную палубу понтона и прошли внутрь обставленного кадками с лимонными деревцами жилого контура. Здесь их встретил товарищ Каппа и они с товарищем Альфой обнялись, как старые друзья.

Товарищ Каппа был старше Людвиг ван Астена лет на тридцать. Да и вообще, пожалуй, он был самым старым бойцом «Армии пробуждения» из всех, кого видел Максим.

Длинные усы и борода товарища Каппы были абсолютно седыми, а кожу его лица покрывали коричневые старческие пятна. Говорил товарищ Каппа тоже по-стариковски, неторопливо и путано.

– А тут же вот это у нас... как его... авария была.

– Авария? – вкрадчиво осведомился помрачневший товарищ Альфа.

– Да мелочь... Батискаф оторвался... Свалился прямо в ниобиевую жилу... А там же эти... как их... каналы...

– Черные курильщики? – подсказал товарищ Альфа.

– Они, болезные! – обрадовано подтвердил товарищ Каппа. – А у них же температура... итить ее по кругу! Тысяча градусов! И метан же! Кипит! Едкий, как дьявол! При давлении-то! Сталь прогорает, как эта... как ее?..

– И что?

– Да ничего! Вытащили! – как-то очень легко свернул апокалиптическую картинку товарищ Каппа. – Какими судьбами-то здесь?

– Новые замеры планирую сделать. Как в том сентябре, помнишь?

– Да что ж тебе... послать некого вместо себя... на замеры-то?

Товарищ Альфа улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, положил руку на бугристое от подагры плечо товарища Каппы и ответил:

– У наших орлов дела поважнее каких-то замеров... Только у меня в мирной жизни работы по сути нет... Вот и нагружаю себя ерундой как могу.

– Ну, дело твое, Людо... А, кстати, мы же это... как его... нибобия натаскали – сверх всяких планов... Да тербиевых чушек полтонны...

Глаза товарища Альфы обрадовано сверкнули.

– Тербиевых? – перепросил он. – Полтонны?

– Ну... Килограмм четыреста будет, пожалуй, – поразмыслив, кивнул товарищ Каппа. – Так вот: вы на Оазис все это дело случаем не прихватите? В «Колибри»-то вашей места много!

– Прихватим, обязательно прихватим, – рассмеялся товарищ Альфа и добавил с шутовской картавинкой: – Тегбий, для дела геволуции, батенька – вещица агхиважная!

– Сейчас я зайду за эту дверь и меня не будет минут двадцать-двадцать пять, – пояснил товарищ Альфа.

Крохотные лампочки дежурного освещения заливали коридор восково-желтым светом. От этого света лицо вождя «Армии пробуждения» напоминало похоронную маску.

– А что там, за дверью? – набравшись смелости, спросил Максим.

– Измерительная аппаратура. Хочу знать, куда дрейфует этот понтон вместе с локальным потоком гляциосферы. Ну и сейсмографическую историю района просмотреть.

– А что, могут быть проблемы?

– Могут. Перспективы в плане разработок тут отличные. И уходить отсюда нам никак нельзя. Поэтому надо бы уточнить, куда смещается Прииск и не взорвется ли местная система донных вулканов... Которые принято называть черными курильщиками, к слову. В общем, нужен мониторинг. И вот еще что, – совсем другим голосом добавил товарищ Альфа. – Видишь эту красную линию?

Максим опустил глаза.

Да, красная линия пересекала коридор в трех метрах от него. И, соответственно, в пяти метрах от двери, ведущей в рубку с аппаратурой.

– Если кто-нибудь, ну кто угодно, даже некто, как две капли воды похожий на... скажем, на Соню ван Астен, под каким бы то ни было, даже самым благовидным предлогом попытается пересечь эту линию, ты, Максим, обязан – подчеркиваю, обязан! – открыть огонь на поражение. Вне зависимости от того, какими сказочками этот некто будет тебя увещевать.

– На Соню? Я должен стрелять в Соню?

– Сони здесь нет. И быть не может. Равно как и других знакомых тебе людей. Все, кто трудятся на платформе, прекрасно знают, что за эту красную линию заходить нельзя. Поэтому – огонь на поражение. Ясно? Это приказ.

Максим кивнул. Что такое приказ товарища Альфы, он знал хорошо. Как и то, чем карается его невыполнение.

Дверь за вождем закрылась, сразу вслед за тем раздались несколько громких пневматических хлопков – видимо, сработала какая-то нестандартная система герметизации или шумопоглощения.

Максим отстегнул от поясного крепления скафандра газодинамический бластер «Вихрь». Угловатый, мощный и надеж-

ный, он насквозь прошивал даже усиленные бронепластинами штурмовые скафандры правительственного спецназа. С такой машинкой в руках ему были не страшны любые злоумышленники.

Время шло медленно.

Секунды не бежали и даже не шли, как обычно, а буквально ползли по-пластунски. Говорят, хуже нет ждать и догонять. Неся караул у красной линии, Максим прочувствовал эту истину по полной программе.

Конечно, Максиму было очень интересно, зачем нужна эта красная линия, неряшливо напыленная нанокраской на металлопластиковом полу, и отчего покусившиеся на эту символическую преграду должны наказываться смертью. Но Максим почему-то был полностью уверен: задай он этот вопрос товарищу Альфе, правдивого ответа не получит...

Максим в очередной раз посмотрел на часы.

Прошло десять минут пятьдесят девять секунд... Одиннадцать минут... Одиннадцать минут шесть секунд...

В наушниках пискнул сигнал встроенного в скафандр радара ближнего оповещения, позволяющий избегать столкновений с любыми преградами в условиях плохой видимости. Максим вздрогнул, как бы через силу оторвал взгляд от красной линии и поднял голову.

Поднял – и окаменел от ужаса. В двух метрах от него – и от роковой красной черты – стояла массивная мужская фигура в тяжелом рабочем скафандре.

Сердце ударило набатом, во рту пересохло, ладони под перчатками в момент сделались влажными.

– Стой, стрелять буду! – прохрипел Максим.

Человек в скафандре сделал еще один шаг.

– Я стреляю! – Максим вскинул «Вихрь», снял его с предохранителя. Тихо взвыли под кожухом бластера энергоаккумуляторы, боевой индикатор налился алым цветом.

Незнакомец остановился.

– Назовите себя! Здесь запретная зона. По приказу товарища Альфы!

По спине Максима скользнула струйка пота. Волосы прилипли к вискам.

Все так же молча человек в скафандре развел руками – дескать, ну что тут поделаешь, раз приказ? – повернулся и скрылся за одной из дверей в дальней части коридора.

Максим опустил бластер. Инцидент рассосался сам собой. Что может быть лучше?

Медсистемы скафандра Максима, выждав положенные тридцать секунд, занялись приведением в норму его организма. Морщась от покалываний инъекторов, он почувствовал, как нервное напряжение спадает, отступает адреналиновая паника. В памяти вдруг всплыла странная фраза, сказанная знакомым и в то же время чужим голосом: «Адреналиновые атаки – наше родовое проклятие, сынок. Слава богу, в наше время медицина давно научилась бороться с этим злом, и они не помешают тебе стать тем, кем ты захочешь».

«Что за чушь? – удивился Максим. – Никаких атак у меня сроду не было... Просто я перенервничал с непривычки. Но приказ выполнил!»

И привалившись плечом к переборке, он начал строить версии произошедшего.

«Наверное, кто-то из отправленных на перековку... Усталый был после смены... Забрел не в тот коридор... А почему не отвечал? А потому что немой от рождения... Или потому что с Земли, из какой-нибудь самой глухой провинции, Калифорнии там или Коннектикута... На языке Пушкина и Достоевского не изъясняется... А электронный переводчик... в жилом блоке забыл!»

Дверь в измерительную рубку распахнулась и на пороге возник товарищ Альфа.

Если до входа в рубку лицо его напоминало похоронную маску, то теперь оно было... маской посмертной!

Или лицом человека, перестоявшего на ногах инфаркт. Или лицом пилота, сутки не встававшего из-за штурвала. Круги под глазами, бледность, фиолетовые губы...

– Что случилось? – встревожился Максим. – Вам плохо? Вызвать помощь?

– Нет-нет, просто... Просто... Измерение выдалось тяжелым! – товарищ Альфа все же нашел в себе силы улыбнуться. – Идем отсюда. Скорее.

И товарищ Альфа поковылял по коридору, бессильно опершись о локоть Максима, точно за эти двадцать минут он постарел на двадцать лет.

К счастью, после посещения приисковой столовой, где Максим и товарищ Альфа подкрепились горячей соляночкой и сотней граммов «Шустовского», надежда всех прогрессивных звездных борцов Солнечной системы перестал походить на живого мертвеца.

Более того, на скулах товарища Альфа заиграл коньячный румянец и он выразил желание помочь работягам в погрузке добытых ископаемых на «Колибри».

– Тут, на Прииске, все вопросы решаются по-братски. Все равны, все трудятся одинаково... Значит, и мне никаких послаблений быть не должно! Опять же какой пример для тех, кто еще не перековался! – заявил товарищ Альфа.

– А мне? – с надеждой спросил Максим в предвкушении здоровой физической нагрузки.

– И тебе. Конечно же и тебе! Но твое дело – охранять меня. Поэтому пока я буду таскать ванадий с тербием, ты будешь расхаживать вокруг и смотреть, не пикирует ли на меня с небес вооруженный осколочной гранатой еврокракен...

Максим разочаровано кивнул. Слово вождя – закон.

Основная часть ценных и ценнейших грузов, предназначенных для «Колибри», отнюдь не была упакована в какие-либо стандартные контейнеры и своим живописнейшим видом наводила на мысли о пиратских сокровищах и изобильном золотоискательском счастье. Многие суперминералы и редкие металлы собирались прямо из россыпей на дне метанового океана в виде природных слитков и именно так были представлены на палубе возле посадочной площадки.

Самородки тербия напоминали крупную зеленовато-серую гальку с морского пляжа, увеличенную до размеров дыни. Сгущения ниобия походили на обгоревшие в костре двухметровые головни. Ванадий здесь принимал форму блестящих серебряных оладьев, или даже монет, таких великанских копеечек. Наконец, пентаоксид ванадия, имеющий веселенький оранжевый цвет, шел в основном забавными грушевидными чушками, такими массивными каплями весом до центнера.

Работяги Прииска носили все это вручную в брюхо «Колибри» – благо, умеренная на поверхности океана сила тяжести и усилительные сервоприводы скафандров позволяли брать за одну ходку до ста пятидесяти килограммов груза.

Руки товарища Альфы оказались совсем не лишними. Кроме него на погрузке трудилось еще человек пять. А столь необходимое для всесистемной революции сырье громоздилось настоящими полутораметровыми терриконами. Работы, что называется, непочатый край.

Максим с тоской смотрел на молодцеватые маневры грузчиков. Сняв с предохранителя «Вихрь», он нарезал круги по посадочной площадке, зорко поглядывая по сторонам и утешая себя тем, что тоже работает.

Хотя Дальний Прииск, как и Оазис, находился сейчас в зоне сорокадвухлетнего полярного дня, за бортами понтона клубилась непроглядная мгла. Виной тому были метановые испарения, вырывающиеся из трещин во льду. А над слоем метано-

вого тумана висели водно-формальдегидовые облака, красивые какой-то особой, мрачно-торжественной, готической красотой. Холодные цвета и мягкость оттенков синего и зеленого придавали им мистический, жутковатый вид.

Максим, наблюдая за облаками, вдруг поймал себя на мысли, что, как и накануне в коридоре, отвлекся от главного – от выполнения приказа товарища Альфы.

И тут палуба понтона под ногами дрогнула. Максим обернулся, пытаясь определить источник вибраций и с ужасом увидел, как металл вспух горбом. Палубу вскрыли, как консервную банку! Стальной диск диаметром под два метра, кувыркаясь, улетел к готическим облакам. А из открывшейся черноты пролома на ревущих реактивных столбах пропульсоров взмыл... некто в боевом экзоскелете «Триумф»!

Пришелец взмахнул полутораметровым плазменным ножом, который продолжал его правую руку, и жужжащая ослепительная молния обрушилась на застывшего в оцепенении товарища Альфу!

К счастью, в последний миг тот успел среагировать и закрылся массивным тербиевым слитком, который держал в руках!

Плазменная пила врезалась в него с истеричным воем. И мгновенно перегрызла слиток пополам! Но импульс удара был уже не тот. Это спасло жизнь Людвигу ван Астену.

А во второй раз жизнь товарища Альфы спас уже Максим.

Он не ведал отчего, но из глубины его мозга в сознание всплыла команда: «Стрелять в горло. Это самое уязвимое место скафандра «Триумф»».

И он выстрелил. Три раза.

Первый луч – в молоко.

Второй – в плечо нападавшего, защищенное монолитным бронешитком.

И только третий – в горло!

Интуиция не подвела Максима. Нападающий упал на спину и, несколько раз слабо взбрыкнув неподъемными ногоступами, затих.

Максим подбежал к товарищу Альфе.

– Вы целы?! С вами все в порядке?! – закричал он.

– Хм... Э-э-э... – судя по трансляции с маленькой камеры, которая позволяла видеть лицо товарища Альфы вопреки защищенному золотистым напылением стеклу скафандра, тот был еще бледнее, чем давеча возле измерительной рубки. – Конечно, к таким сюрпризам не привыкнешь... Но я понемногу начинаю! Все же пятое покушение, как никак.

Тем временем растерявшиеся грузчики пришли в себя, подхватили убитого и поволокли к шлюзу, ведущему на главную палубу Приисков. Ремонтный робот выполз из ангара и принялся заделывать дыру, из которой с шипением била струя воздуха.

Товарищ Альфа с Максимом двинулись к шлюзу. Внутри их уже ждал товарищ Каппа – как оказалось, он видел произошедшее на одном из экранов своей диспетчерской.

Глаза у бравого старика были как два кофейных блюда.

– Вскрывайте! Вскрывайте скафандр! – потребовал он.

В руках у начальника Дальнего Прииска тоже был «Вихрь». Как видно, товарищ Каппа не очень-то верил, что Максим сразил нападавшего насмерть.

Один из грузчиков отстегнул кольцевые захваты шлема несостоявшегося убийцы. Все подались вперед, стремясь увидеть лицо этого человека. Увы, их взорам открылось лишь месиво из обломков раздробленных костей. Судя по всему, чудовищное давление атмосферы Урана поработало на ниве обезображивания незадачливого убийцы почище бластерного заряда.

– Кто это? – спросил товарищ Альфа, отворачиваясь. – Как его зовут?

– Сейчас узнаем, – товарищ Каппа выпростал правую руку убитого из скафандра. – На нем должен быть... итить его налево... идентификационный браслет. У нас тут все такие носят... Мало ли что... Но браслета... браслета-то нет!

– Это что, чужак? – удивился товарищ Альфа.

– Сейчас посмотрим точнее, – товарищ Каппа вынул из нагрудного кармана свой электронный планшет и заглянул в него. – Мои, гм, гм... подопечные все на контроле. Согласно датчикам, они живы и находятся на своих местах.

– А если кто-то из живых надел два идентификационных браслета?

– Это совершенно исключено. Браслеты настроены на ДНК конкретного человека.

Максим был до крайней степени деморализован, хотя старался не подавать виду. Он смотрел на лежащего человека и был совершенно уверен в том, что перед ним – да-да, тот самый незнакомец, который два часа тому назад едва не заступил за красную линию, но потом, одумавшись, ретировался. Правда, тогда на нем не было «Триумфа».

Откуда у него такая уверенность? Чем она питается? Ответить на эти вопросы Максим не мог.

Весь обратный путь до Оазиса он молчал. Уж очень много загадок. Уж очень нервно все. Но, с другой стороны, разве не за этим ощущением постоянной опасности он шел в «Армию пробуждения»?

И лишь когда Соня обвила его шею своими тонкими руками, на душе у Максима полегчало.

Какая разница кто? Путь будут прокляты все загадки!

Он любит и любим. Это – главное.

ЭПИЗОД 6

Умбриэль

Спутник Урана Умбриэль, авиетка «Колибри», январь 2469 года

– Переходи на низкую орбиту! – скомандовал товарищ Альфа, когда они подошли к Умбриэлю, третьему крупному спутнику Урана после Миранды и Ариэля.

Умбриэль был похож на изображение в астрономическом атласе: такой же каменистый, неброский, пустынный. Разве что маленькая сахарно-белая полярная шапочка – напоминающая нимб из-за отсутствующей «макушки» – оживляла портрет этого космического отшельника.

Впрочем, когда «Колибри» обосновалась на низкой орбите, выяснилось, что все не так уныло. От многих ударных кратеров расходились в стороны длинные лучи выброшенной породы и каких-то перемолотых в пыль минералов. То здесь, то там вокруг кратеров вспыхивали переливы самых неожиданных цветов – от густо-пурпурного до канареечно-желтого, – вносявшие дух волшебства в этот невыносимо скучный пейзаж.

Выполняя рутинные орбитальные маневры, Максим укорял себя за то, что так и не решился спросить, какова конкретно цель их полета.

А не решился он по одной простой причине. Каждый раз, когда в ходе подготовки к полету товарищ Альфа произносил название спутника – Умбриэль – он делал такое исполненное тайны и значительности лицо, что Максим понимал: ни одной крупинки информации не выудить ему из лидера звездных борцов раньше, чем придет срок.

И Максим оказался прав. После того, как они заняли низкую орбиту, которая, как и у многих легких спутников, лишенных атмосферы, была на Умбриэле по-настоящему низкой – сорок семь километров – товарищ Альфа сказал:

– Мы почти у цели, друг мой... Через несколько минут справа покажется кратер с зазубренными краями. Он носит название Черная Корона.

– Похож на корону?

– Еще как! Сейчас сам увидишь.

– И что, в кратере садимся?

– Не совсем... С помощью вот этой штуки, – товарищ Альфа достал пульт дистанционного управления, который Максим уже видел во время визита в Стекланную долину, – кратер откроется, как чудесная пещера Сезам из сказок про Али-Бабу. И мы влетим в туннель, который сам приведет нас к цели.

– Магнитный поводырь?

– Вроде того.

– А что в тоннеле? Ценные ископаемые?

– Ценные... да, но не ископаемые, а... технологии, Максим. То, без чего бериллид скандия и прочие сокровища – всего лишь бесполезная мишура. И все, довольно вопросов. Вон уже и Черная корона.

«Колибри» неслась по туннелю, открывшемуся в жерле кратера Черная Корона, с такой скоростью, что Максиму оставалось лишь следить за показателями приборов. Казалось, невидимый пылесос буквально всасывает их птичку в недра спутника.

До того, как включился «пылесос» или, как называли его пилоты, «магнитный поводырь», вести машину по извилистому тоннелю было очень нелегко. Максим даже начал дрейфить: а вдруг не справится? Ведь держать высочайший уровень внимания и очень опытные пилоты больше десяти-пятнадцати минут не могут просто физически.

Но когда их начало «всасывать», Максим почувствовал облегчение. Поводырь знал оптимальную траекторию движения и вел «Колибри» наилучшим образом.

В туннеле было совершенно темно. Вот тут-то и пригодилась батарея взлетно-посадочных фар в носовой части «Колибри». Раньше они казались Максиму чем-то вроде шутки конструктора – зачем их столько? Но в туннеле ни одна из фар не была лишней, настолько густым был тамошний мрак.

Максим сильно нервничал. А вот товарищ Альфа являл полный контраст и казался совершенно беспечным.

– Вы бывали здесь раньше, да? – спросил Максим, чтобы не молчать.

– И не раз!

– А можно узнать... кто пилотировал?

Товарищ Альфа ответил не сразу – как видно, что-то про себя решал.

– Его звали Еремей... Хороший был парень, – в голосе товарища Альфы слышалась печаль.

– И что с ним... случилось? – сглотнув ледяной ком, поинтересовался Максим.

– Он предал наше дело. Искал контактов с «Беллоной». Задумал побег.

– И? – прожекторы выхватывали из сумрака все новые и новые участки каменной кишки. Казалось, это никогда не кончится.

– Мы были вынуждены ликвидировать его, – с тяжелым вздохом сказал товарищ Альфа. – Предупреждая твой вопрос, сообщу: ликвидацию произвел я. Сам. Лично.

Максим промолчал. И в самом деле, что тут скажешь? «Круто, вождь»? Или, может, «Собаке – собачья смерть»?

К счастью, впереди показалась посадочная площадка, тоже неосвещенная.

Дальше лететь было некуда.

Конечная станция.

Тупик.

– Умбриэль – очень особенное место. Настолько особенное, что погибнуть здесь – как чихнуть. Поэтому ты должен соблюдать несколько правил. Первое правило: когда я выйду, ты погасишь все осветительные приборы. Свет в кабине. Наплечные фары скафандра. Полная темнота. Усвоил? Повтори.

– Свет не включать. Сидеть в темноте.

– Второе правило: не покидать кабину. Что бы ни случилось, ты должен оставаться здесь. Это тоже очень важно. Ну и третье правило: никому никогда не рассказывать о том, что ты был здесь. И особенно о том, что ты здесь видел. Хотя, – тут товарищ Альфа как-то странно запнулся и хохотнул, – я искренне надеюсь, что ты не увидишь ничего.

– Я понял... Понял, – торопливо заверил вождя Максим. – Сейчас сидеть в кабине. А потом никому ничего не рассказывать.

– Меня не будет где-то полчаса. Это совсем недолго по нашим обычным меркам. Но так как ты будешь сидеть в темноте и тишине, эти полчаса, возможно, покажутся тебе очень длинными... Так вот: у тебя в бардачке лежит паек с обедом. Там грибной суп с кнелями, карпаччо с лососем и яблочный штрудель. Поэтому приятного тебе аппетита. Не успеешь ты всем этим полакомиться, а я уже и вернусь!

– Спасибо! Обед будет очень кстати! – соврал Максим. По непонятной причине аппетита у него не было совершенно.

– И вот еще что: открой-ка грузовую аппарель.

От вопроса «зачем?», сто второго за этот день, Максим благо-разумно воздержался.

Товарищ Альфа покинул свое место в пассажирском салоне – а на «Колибри» пассажирский салон был полностью изолирован от других отсеков, так что с Максимом они общались по внутренней видеосвязи – и ушел куда-то за корму корабля. Куда

именно – Максим разглядеть не успел, поскольку был вынужден последовать правилу номер один и выключить все освещение.

Поначалу в темноте было даже лучше. Максим закрыл глаза и это было очень приятно после того напряжения в туннеле. Вспомнилось детство... Вот он, четырехлетний малыш, бежит через затканый цветами луг с воздушным шариком, а сзади слышится ласково-тревожный голос матери. Максиму даже показалось, что он вот-вот заснет, столько солнца и неги было в том воспоминании.

И он наверняка заснул бы, если б над левым ухом он не услышал отчетливый звук: словно кто-то невидимый сломал тонкую сухую ветку.

Максим оглянулся. Разумеется, за его ложементом не было ничего кроме непрозрачной переборки пилотской кабины. По совести говоря, он не увидел даже переборки, поскольку и на посадочной площадке, и в кабине было абсолютно темно. Ни один квант света не нарушал абсолютного владычества тьмы, которую тут хотелось даже именовать с большой буквы.

Максим потер глаза костяшками пальцев и вновь устроил голову на подголовнике пилотского кресла. Того усаженного ромашками и люпинами луга он больше не видел. Зато ему вспомнился школьный спортзал. Вот он, двенадцатилетний, прыгает на батуте, широко раскидывая руки, а тренер, с обязательным секундомером на шее, внимательно следит за его движениями и время от времени говорит что-то нейтрально-поощрительное. Вроде «повеселее» или «держи спину, вот так, молодец». Воспоминание было таким отчетливым, что Максим невольно улыбнулся и напряг спину, как просил тренер.

А вот его новая боевая подруга, Ирина Бекасова. Стоит возле своего корабля. Корабль, правда, вовсе не буксир «Буян». Похоже, военный корвет! По крайней мере, у него есть орудия, а на борту белеет ненавистная Максиму эмблема «Белло-

ны» в виде двуострой секиры... Да и комбинезон на Бекасовой, если вдуматься, тоже форменный, правительственный – ведь у пиратов, то есть у звездных борцов, нет офицерских званий и нет знаков различия, которые этим званиям соответствовали бы. А на комбинезоне Бекасовой они есть! И еще на комбинезоне есть нашивка, а на нашивке надпись: «СТ ЛТ ИРАИДА БЕК».

«Ст лт» – старший лейтенант. Но что значит «Ираида Бек»?! Какая еще Ираида Бек, если перед ним – Ирина Бекасова?!

Откуда у него это воспоминание?!

Да это же не воспоминание, а просто сон! Бред! Но он ведь не спит?

И вдруг прямо ему в лицо подул ветер. Настоящий ветер! Максим вспотел всем телом сразу. Галлюцинации. Это они. Иначе откуда ветер в герметичной кабине?

Умиротворяющие воспоминания исчезли, точно их и не было. На смену ветру пришло явственно слышимое журчание невидимого ручья. Точнее, этот звук Максим назвал «журчанием» за неимением другого слова. То, что он на самом деле слышал, было неописуемо и, похоже, не имело к воде никакого отношения.

Зубы Максима – независимо от его желания и воли – начали отбивать барабанную дробь. Адреналин зашкалил. «Родовой проклятие». Чьи это слова? Деда? Отца? Дяди? Глаза залило липким холодным потом. Максим с трудом поднял тяжеленную, словно налитую свинцом, руку и ткнул в сенсор активации медкомплекса. Зажужжал диагност, кресло-ложемент дрогнуло и приняло более горизонтальное положение. Вскоре он почувствовал, как тончайшие иглы инъекторов входят под кожу, впрыскивая успокаивающие препараты.

Пульс вошел в норму, дрожь исчезла. Максим успокоился. Теперь он был готов «к борьбе и труду».

И тут в стекло пилотской кабины постучали. Снаружи.

«Товарищ Альфа!» – пронеслось в сознании у Максима. Припадок начался по новой. Он попробовал взять себя в руки. До крови закусил нижнюю губу. Дважды грубо выругался. «Там товарищ Альфа! Ему срочно нужна помощь!», – билась в голове одна-единственная мысль.

Почему-то в ту секунду он совершенно не думал над тем, что его кабина находится на высоте восьми метров от поверхности. И чтобы постучать в нее товарищу Альфе требовалось подняться над землей на реактивном ранце, которого при нем не было. И что для того, чтобы в кабине «Колибри» был слышен стук, в прочнейшее бронестекло надо бить крепостным тараном.

«Он заблудился. Попал в беду. Надо включить свет. Свет, свет!», – и полностью позабыв о правиле номер один, Максим щелкнул тумблером посадочных фар.

Гроздь сверхмощных прожекторов вспыхнули на крыльях и морде «Колибри». Разорванная в клочья тьма упала на землю. Максим инстинктивно заслонился рукой – глазам с непривычки стало больно.

Однако он все же успел заметить, как метнулись в стороны длинные изломанные тени – словно зловещие солнечные зайчики, отлитые из колдовского дымчатого стекла. «Что это, черт возьми?! Опять галлюцинации?! Да нет же, просто на сетчатке что-то... бывает, говорят... от усталости».

Но сколько ни уговаривал себя Максим, некто осторожный внутри него отказывался верить в то, что тени эти – всего лишь иллюзия, порожденная утомленным мозгом.

Но кто же стучал в стекло кабины?! Собрав в кулак остатки своего благоразумия, Максим попробовал связаться с начальством:

– Первый! Первый! Вызывает «Колибри»!.. Беспокоюсь о вас!.. Все ли у вас в норме? Первый, отзовитесь! Отзовитесь, ради всего святого!

Последние слова Максим, считай, прокричал. Благоразумия и успокаивающих препаратов надолго не хватило. Выброс адреналина толкал его к действиям. Ноги Максима больше не хотели покоиться на специальной площадке над педалями управления, предназначенной для отдыха. Его руки больше не желали быть скрещенными на груди. В его животе будто бы поселился вредоносный осьминог и этот осьминог желал куда-то плыть... Да он уже плыл! И каждый его толчок отзывался рвотным позывом.

Максим вскочил с места настолько энергично, что даже стукнулся теменем о нависающую сверху дополнительную информационную панель.

Это очень вовремя напомнило, что он без шлема. Максим на ходу надел его.

В следующую секунду он уже вытаскивал из оружейного слота верный бластер «Вихрь» и привычным жестом загонял в рукоять свежий блок аккумуляторов.

Так страшно ему не было никогда в жизни. Даже там, над астероидом, в секторе Троянцев Юпитера.

– Товарищ Альфа! Товарищ Альфа! Где вы?! Отзовитесь! Вызывает «Колибри»! – как заведенный повторял Максим в микрофон скафандра, нетерпеливо перетаптываясь в шлюзовом отсеке.

– Товарищ Альфа! Иду на помощь!.. Я слышал, как вы стучали! Я сразу понял! Это вы просите, чтобы я пришел!.. Мне же доверили... А я... не оправдал... Товарищ Альфа! Потерпите еще секундочку! Без меня вам никак!.. Как же вы без меня-то?!

Максим бормотал все быстрее и быстрее. Это была настоящая паника. Буквально вывалившись через внешний люк, он, пренебрегая ступеньками, прыгнул на каменный пол пещеры и бросился вдоль борта к корме корабля.

Там, у кормы, властвовала тревожная полутьма. Словно бы какие-то полупрозрачные занавеси преграждали ему путь.

«Какой-то атмосферный эффект... Только откуда здесь атмосфера?!»

Внезапно наплечные фары скафандра выхватили из мглы огромную снежно-белую улитку, застывшую прямо на грузовой аппарели. Или, по крайней мере, нечто, на огромную улитку похожее. Улитка медленно вползала внутрь «Колибри».

Эффект неожиданности ошпарил мозг Максима. «Нападение! Эта тварь убила товарища Альфу и теперь пытается захватить корабль!». Вскинув бластер, он не раздумывая больше не секунды, нажал на спуск. Огненная змея, вырвавшись из ствола, устремилась к незваному нарушителю и...

Время остановилось.

Максим отчетливо видел каждую газовую нить, каждую молекулу плазменного луча, который, не достигнув улитки, замер без движения. Ему хотелось кричать. Но он не мог пошевелить даже пальцем. Его мышцы отказались выполнять команды. Даже язык не мог дотронуться до передних зубов.

«Неужели это и есть смерть?» – успел подумать Максим и провалился в спасительное забытие...

Он пришел в себя в пилотском кресле.

В ложементе второго пилота сидел товарищ Альфа. Его крупной лепки лицо выражало явную досаду.

– Ну что, герой Галактики, оклемался? – спросил он, криво улыбаясь. – Я тебя едва в кабину затащил, между прочим...

– Я... Мне... Кому?.. – язык едва слушался Максима.

– Только я тебя умоляю, не спрашивай «что это было?», «кто это был?», «сколько времени прошло?» Меня тошнит от всего этого. Мой тебе совет: просто забудь и никогда не вспоминай. Не смог следовать правилам один и два, руководствуйся хотя бы правилом номер три! Через минуту начнет действовать нейростимулятор из моей личной аптечки. Придешь в норму. Мы полетим назад, на Уран. И все будет как раньше. Понял?

– Я... Понял.

– Превосходно. Я лично сейчас буду обедать своей уткой под вишневым соусом. Потому что устал, как автопогрузчик... А ты можешь просто наслаждаться теплом и покоем... И мой тебе совет: включи какую-нибудь музыку поэнергичнее.

Товарищ Альфа, как видно, имел немалый опыт в таких делах.

Препарат из личной аптечки товарища Альфы сотворил настоящее чудо. Прошло минут двадцать, и Максим почувствовал себя вполне пригодным к пилотированию. Пожалуй, даже бодрым. Разве что на донце души лежал толстым слоем какой-то ядовитый, злокачественный иней. Но если к нему не присматриваться, то слова «все в порядке, товарищ Альфа» можно было говорить очень даже уверенным тоном.

Магнитный поводырь, который засосал «Колибри» в глубины Умбриэля, теперь, так сказать, сработал на реверс. Он осторожно вытолкнул их корабль по туннелю прочь из жерла кратера Черная Корона.

Не прошло и двух часов, а перед ними уже разбегался в обе стороны бесконечности синий горизонт Урана. Максим привычно сверился с навигационными и метеорологическими данными. До него не сразу дошел смысл увиденного: их расчетная посадочная траектория была перекрыта аномально мощным грозовым фронтом.

Максим посмотрел на товарища Альфу – не нервничает ли тот. И с удивлением обнаружил, что его босс... заснул в своем кресле, как переутомившийся в парке развлечений ребенок.

«В бодром теле здоровый дух, однако, – переиначил Максим древнюю поговорку. – Что ж, значит все важные решения мне придется принять в одиночку...»

И тотчас же на Максима нахлынули нелегкие думы.

Приняв в недрах Умбриэля загадочный груз, вверенный ему корабль ощутимо потяжелел. Если быть точным, на восемьдесят тонн! Белая улитка оказалась ох какой плотной!

А это, в свою очередь, означало, что маневренность корабля в атмосфере резко снизилась, а валкость – напротив, возросла самым роковым образом. «Колибри» теперь была вовсе не юркой птичкой, невесомо парящей над цветущим садом, а объевшимся рыбы грузным пеликаном, цепляющим хвостом мутную волну.

Входить на таком перегруженном корабле в турбулентности грозового фронта – подобно самоубийству.

Что же делать? Изменить траекторию, обойти грозу? Не получится. Не хватает топлива.

Стать на низкую орбиту? Тем более не хватает топлива.

Сесть где-то в районе двадцатого градуса северной широты, чтобы переждать грозу на земле? Теоретически возможно. Но опять же топливо! Из-за лишних расходов на взлет и посадку можно не дотянуть до Оазиса. А если не дотянул, тогда что? Уран – планета особенная, классическая загоризонтная радиосвязь через слой Хевисайда здесь невозможна...

Их с товарищем Альфой, конечно, будут искать. Но почти наверняка не найдут, учитывая традиционно плохую на Уране видимость и гигантские территории. И тогда Соня за один раз лишится и возлюбленного, и брата... Максим нахмурился. Среди его собратьев по пилотскому ремеслу такое положение называлось «полный пэ».

Он бросил еще один взгляд на товарища Альфу. Вот бы тот проснулся и развеял его сомнения! А с другой стороны, разве он, Максим, вправе забывать первый параграф любого летного устава?

«С момента начала руления, в ходе всего полета и вплоть до посадки с окончанием руления воздушно-космического судна, командир воздушно-космического судна является старшим

начальником на борту с правом внесудебной расправы и принятия любых решений вплоть до самоуничтожения воздушно-космического судна. Таким образом, в указанный период власть командира воздушно-космического судна на борту является абсолютной, превосходящей полномочия любых представителей законодательной, исполнительной или судебной власти».

Проще говоря, он, Максим, сейчас на «Колибри» – царь и бог. Он не имеет права делегировать свои полномочия пассажиру. Пусть даже этот пассажир сам товарищ Альфа!

Как ни странно, эти соображения придали Максиму уверенности.

Он смело поглядел вперед.

Грозовой фронт приближался. Он завораживал. Подавлял своей мощью. Не оставлял шансов. Тысячекилометровым синим чудовищным, многоглавым драконом полз он навстречу, выбрасывая во все стороны лапы-вихри, озаряясь изнутри сполохами титанических грозowych разрядов, клубясь бескрайними крыльями, затмевающими уже не половину, а все небо.

Максим глубоко вдохнул. Что, опять адреналин? Как тогда в Троянцах Юпитера, как на Дальнем Прииске, как на Умбриэле? Что делать? Что?!

Ответ пришел будто бы сам собой. Перед его мысленным взором встал товарищ Альфа и та обитая изумрудным бархатом коробочка.

«Откроешь ее, когда придет время», – сказал тогда товарищ Альфа. «Разве оно не пришло, это время? – спросил себя Максим. Ответ был прост: – Конечно же, пришло!»

По совету вождя Максим всегда носил плоскую коробочку с собой, в поясном личном контейнере. Достать ее оттуда было делом пары секунд. Максим на ощупь, не отрывая глаз от приборов, откинул крышку. И, выкроив-таки секунду, все же бросил взгляд на серебристую фигурку, лежащую на атласной подушечке.

Лев. Горделивый, суровый хищник.

Он был прекрасен и могуч. Он был исполнен силы. Той особенной, трудно определимой словами силы, которая зовет на подвиг и двигает армии навстречу победе.

Как зачарованный, забыв о приборах, Максим смотрел на Льва. А Лев – он смотрел на него. Причем не глазами, а, казалось, всей блестящей поверхностью своего совершенного тела.

Внутри Максима точно вспыхнула сверхновая. Стало горячо. Сердце перестало частить и забилося ровно и мощно. Душа личного пилота товарища Альфы запылала настоящей отвагой. Зазвенела храбростью. Запела уверенностью в том, что для него, для Максима, нет ничего невозможного и никакое зло над ним отныне не властно.

– Грозовой фронт? А подать-ка его сюда! – с веселой ухмылкой сказал Максим и надавил на педаль газа.

Он чувствовал, что непобедим.

ЭПИЗОД 7

Ледяные кошки, железные мышки

Район Сатурна, крейсер «Справедливый», февраль 2469 года

В следующие две недели они летали на Умбриэль еще трижды.

И все три раза «Колибри» покидала туннель в кратере Черная Корона с полным транспортным отсеком.

Что они возят, Максим так и не выяснил, поскольку научился выполнять все правила посещения таинственной пещеры в недрах Умбриэля. Больше он из своей кабины не выскакивал и процесса погрузки не видел.

Но поскольку человеку даны глаза, чтобы видеть, а уши – чтобы слышать, Максим кое-что понял. Например, он понял, для чего нужна та восьмидесятитонная белая улитка. Уже на следующий день после их первого визита на Умбриэль в главном машинном отсеке «Справедливого» начался ее монтаж. Собственно, улитку видели все работники верфи – в силу специфической конструкции новейшего крейсера в его машинном отсеке имелись два обширных технологических проема, так что один из боков улитки ослепительно бликовал над центральным понтоном на высоте в сто пятьдесят метров всю середину января.

Далее, после их следующего рейса, число наноботов, занятых на строительстве «Справедливого», как минимум удвоилось. И, возможно, это были какие-то новые наноботы, качественно улучшенные. По крайней мере, ряд монтажных этапов – которые, казалось Максиму, будут тянуться еще месяцы – начали вдруг завершаться один за другим с пугающей бодро-

стью. Так что первый в Солнечной системе фотонный крейсер обещали сдать уже к 24 января!

Третий полет на Умбриэль оказался самым секретным. «Колибри» доставила в Оазис рекордный вес: восемьдесят шесть тонн! И вскоре в сравнительно небольшом эллинге началась интенсивная возня вокруг корабля по имени «Наутилус». Что значит это слово, Максим не знал, но ему чудилось в нем что-то зловещее. И, соответственно, мысли о «Наутилусе» заставляли Максима зловеще улыбаться. Не приходилось сомневаться, что восемьдесят шесть тонн неведомой пагубы, монтируемой на его борту, со временем обойдутся врагам очень дорого!

Ну, а из четвертого рейса «Колибри» вернулась потяжелевшей на пятнадцать тонн. Оказалось, что это, строго говоря, не груз, а дополнительное оборудование для самой «Колибри».

В данном случае Максим, как бессменный пилот корабля, вроде бы имел право знать – что за оборудование? Но к его огромному разочарованию молчаливые бойцы Отдела Особых Действий перевели «Колибри» в закрытый элинг и запретили к ней всякий доступ.

– Не расстраивайся, мой друг, – утешил его товарищ Альфа. – Ты показал себя преданным товарищем и отличным пилотом. Скоро тебя ждет настоящая боевая работа на более подходящем для войны корабле.

– А «Колибри»? – спросил Максим.

Он уже успел привыкнуть к этой маневренной и мощной машине. Мысль о расставании с нею – Максим сам не ожидал от себя такого! – больно ранила его.

– «Колибри» меняет профессию. Из моего личного лимузина она становится диверсантом-невидимкой. Это значит, что кататься на ней будут теперь люди товарища Дементьева. Кстати, Мамонт просил передать тебе, чтобы ты составил краткое, но внятное пособие по пилотированию «Колибри».

– Прямо сейчас?

– Прямо позавчера... Да не смотри ты на меня так! На следующей неделе открывается оптимальное окно для перелетов к Сатурну. Я тебе грубо намекну: это значит, что мы начинаем войну. Поэтому все ближайшие дни работать придется по двадцать пять часов в сутки. И ты, считай, еще хорошо устроился: набросаешь три странички таблиц для «Колибри», а потом до отлета из Оазиса будешь не спеша изучать «Барракуду», свою новую матчасть. А вот мы, простые звездные борцы, будем в спешке готовить «Справедливый» к первому боевому походу. Боевые системы дооборудовать, припасы грузить...

– И вы тоже?

– Ты лично меня имеешь в виду?

– Да.

– И я тоже. И Сонька твоя. И, кстати, хватить «выкать», товарищ Максим. На «ты», договорились?

– Договорились... товарищ Альфа, ты.

В боевой рубке «Справедливого» – к неудовольствию командира эскадры адмирала Баренца и капитана крейсера Цинь Ша, – было многолюдно. Вокруг овального стола для оперативных совещаний собрались лучшие кадры «Армии пробуждения»: пилоты-асы и несколько бойцов ООД – строго засекреченного Отдела Особых Действий.

Были там и Максим, и с некоторых пор «официальная» девушка Максима Соня ван Астен, и его коллега Ирина Бекасова, и старшина пилотов Роберто Квалья, и товарищ Дементьев – не слишком симпатичный Максиму, но все же весьма уважаемый, высокопрофессиональный звездный борец, а заодно начальник все сильного Отдела Особых Действий.

Никто не знал, зачем их собрали. Точнее, товарищ Дементьев наверняка был в курсе, однако он с отсутствующим видом помалкивал. Поэтому когда в боевую рубку вошел товарищ Аль-

фа, как всегда бодрый и улыбчивый, в него разом впились три дюжины глаз.

– Соратники! – начал товарищ Альфа. – Не стану скрывать: положение наше крайне тяжелое. Наша вражда с «Танцорами вечности», увы, перестала быть досадным эпизодом. Эта вражда стала огорчительной реальностью, конца которой я не вижу. Иными словами, это больше не вражда, это война. И мы с вами воюем за окончательную победу, воюем на уничтожение. «Танцоры вечности» уверены в неуязвимости своей базы. Именно этим обусловлено их высокомерие и нежелание идти на какие-либо переговоры. А почему они уверены в неуязвимости своей базы? Потому что мы не знаем – где именно находится этот самый мифический Аэрополис. Как это возможно? Почему мы не можем установить координаты Аэрополиса? Спросим об этом у товарища Дементьева.

Тот поднялся с места. На узком, крысином лице начальника ООД не отражалась ни одна эмоция. Сутулая фигура, узкие ладони с тонкими пальцами пианиста – товарищ Дементьев напоминал не отважного и заслуженного звездного борца, а скорее офисного клерка, экономиста или даже логистика.

«Есть ли у него душа?» – каждый раз спрашивал себя Максим. И каждый раз отвечая себе «Похоже, нет», испытывал чувство смущения. Нельзя вот так, ни за что, плохо думать о хорошем человеке, а главное – соратнике по борьбе!

Товарищ Дементьев прокашлялся и начал сухим, бесцветным голосом:

– Возможно, кто-то из вас уже слышал, что конструктивно Аэрополис являет собой развитие идей, заложенных в летающий город Хэйхэ. Он состоит из пяти многокилометровых аэростатических баллонов, под которыми подвешена связка из трех огромных гондол, нанизанных на общий вертикальный ствол. Одна гондола – жилая, это почти точная копия собственно города Хэйхэ. Вторая – отвечает за снабжение.

Там, например, разводят рыбу и моллюсков, наработывают дейтерий-тритиевое топливо, выращивают овощи. Ну а третья гондола – прекрасно оборудованный завод, где осуществляется постройка крейсеров-дисколетов... И не спрашивайте, как эта информация добыта. Скажу лишь, что ее достоверность подтверждается гибелью нескольких наших лучших агентов.

– Вопрос о том, – продолжал товарищ Дементьев, – кто пожертвовал «Танцорам вечности» миллиарды, необходимые для постройки Аэрополиса, сейчас оставим за скобками. Перед нами факт: летающая база врага существует и оснащена по последнему слову техники. Исходя из того военно-технического потенциала, который демонстрируют наши враги, их летающий город примерно втрое больше, чем знаменитый Хэйхэ на Юпитере. Элементарные расчеты показывают, что, в отличие от Хэйхэ, объект с параметрами Аэрополиса в атмосфере Юпитера длительное время находиться не сможет. То же касается и атмосферы Нептуна. Остаются два кандидата: всем нам хорошо известный ледяной гигант Уран, – при словах «хорошо известный» лица присутствующих расцвели понимающими ухмылками, ведь их родная база, Оазис, находилась именно на Уране, – и, конечно же, водородно-гелиевый гигант Сатурн. Ясное дело, Уран мы отмечаем. Соответственно, поиски Аэрополиса должны проводиться только на Сатурне. Опуская долгие научные выкладки, довожу до сведения собравшихся: Аэрополис нужно искать в относительно узких полосах на краях экваториальных зон. Северную полосу мы условно назвали тропиком Рака, южную – тропиком Козерога. Назвали, повторюсь, условно, потому что в случае Сатурна мы имеем дело всего лишь с четвертыми градусами северной и южной широты.

– Сразу вопрос, – прервал сухие выкладки товарища Дементьева пилот Квалья. – Если все это понимаешь ты, почему это

не понимают в «Беллоне»? Ведь тамошние аналитики явно не хуже наших, и правительственные войска давно уже сумели бы найти базу «танцоров».

– Как? Как найти? – с хитрым прищуром ответил вопросом на вопрос товарищ Дементьев.

– Ну, как-как... – Квалья огляделся по сторонам, ища поддержки у других пилотов. – Развесить несколько десятков спутников, выпустить сотни авиеток, хорошенько прочесать экваториальную область Сатурна...

– Никакие сотни и даже тысячи авиеток, дорогой Роберто, не гарантируют тебе обнаружения хоть чего-то в этом адском вавре аммиачных и метановых облаков. Прими также во внимание чудовищные размеры области поиска: триста восемьдесят тысяч километров в длину, пятнадцать тысяч – в ширину. Также имей в виду, что иное облако на Сатурне имеет размеры с пол-Луны. И эти огромные облака, как правило, непрозрачны для радаров из-за бешеной грозовой активности. Любое подобное облако может жить годы и даже десятки лет! Перемещаясь вместе с атмосферными потоками, такое облако способно эффективно укрывать дрейфующий под ним Аэрополис от всех средств орбитального наблюдения! Прибавь ко всему этому тот факт, что в атмосфере Сатурна нет никакой физической возможности вести поисковые мероприятия при помощи аэрокосмических аппаратов! И ты поймешь, что все традиционные подходы «Беллоны» к поискам объектов вражеской инфраструктуры в случае с Аэрополисом не могут дать ровным счетом ничего!

– Но если это не по силам «Беллоне», как же с этим справимся мы? – растерянно спросил Квалья.

– Все дело в том, товарищ Квалья, что в отличие от «Беллоны» мы не связаны по рукам и ногам космическим природоохранным кодексом, более известным как Книга Тысячи Запретов! Мы можем запросто позволить себе подорвать в нижнем коль-

це Сатурна множество чистых термоядерных зарядов, не выпрашивая разрешения у ста сорока пяти бюрократов и не извиняясь в прямом эфире перед двумя сотнями телеканалов. Мы, мол, не хотели! Но обстоятельства нас вынудили! Мы все компенсируем! Посадим два миллиона березок на Равнине Бессмысленности!

– Это хорошо, что Книга Тысячи Запретов нам не указ, – Квалья улыбнулся. – Впрочем, не вижу пока никакой связи между ядерными взрывами в кольцах Сатурна, и обнаружением Аэрополиса.

– А связь есть! – торжественно провозгласил товарищ Дементьев и даже как-то от этой торжественности чуточку распрямился. – Взрывы вырвут из нижней кромки кольца D десятки тысяч обломков. Часть из них сойдет с низких орбит и почти одновременно обрушится на экватор Сатурна по всей его длине. Обломки эти из-за трения о верхние слои атмосферы разгорятся ослепительным пламенем. Метеоры и болиды осветят экваториальную область на сотни, на тысячи километров вглубь и вширь. А главное – ударные волны пробьют огромные бреши в облачном щите Сатурна! И наша задача будет состоять в том, чтобы успеть повнимательнее заглянуть в приоткрывшиеся сокровенные глубины атмосферы и разыскать в них Аэрополис!

– А если мы не успеем? – нахмурившись, спросил товарищ Альфа.

– Тогда придется начинать все сначала, – развел руками товарищ Дементьев.

«И это в лучшем случае «начинать все сначала», – мрачно подумал Максим. – Ведь этот скучный товарищ Дементьев ни словом не обмолвился о возможном ответе «Танцоров вечности»! Не говоря уже о реакции «Беллоны»! А ведь на спутниках Сатурна расположены минимум две правительственные базы!»

Словно прочтя его мысли, вопрос о «Беллоне» тут же задал пилот Дубов, вопреки фамилии, щуплый, невысокий человек с дьявольской реакцией. Бледное лицо и длинная шея выдавали в нем уроженца одной из орбитальных станций, иначе говоря, настоящего космача. Дубов имел на боевом счету сорок шесть сбитых вражеских кораблей и считался одним из лучших пилотов звездных борцов. Лицо его то и дело искривлялось мучительной гримасой, будто он силился что-то припомнить, но никак не мог. Максим знал, что это последствия трех ранений, с которыми не смогли справиться даже суперсовременные медицинские комбайны главного госпиталя Оазиса.

– Да, мы оцениваем риск обнаружения нас «Беллоной» как крайне высокий, – ответил Дубову товарищ Альфа. – Поэтому, не полагаясь на судьбу, мы атакуем правительственные базы на Титане и Мимасе. Это произойдет ровно через пятнадцать минут после подрыва чистых бомб... Да, мы будем драться на два фронта. Вполне возможно, это будет стоить нам потери двух крейсеров – по кораблю на каждую базу. Но, увы, у нас просто нет других вариантов. Ни-ка-ких.

– Это оз-значает, что в операции б-будут задействованы буквально в-все наши силы и Оазис останется б-без п-прикрытия? – слегка заикаясь, уточнил Дубов.

– Все наши силы, – задумчивым эхом откликнулся товарищ Альфа. – Да, это означает именно это...

Максим вел «Барракуду» впритирку к кольцам Сатурна. Корабль, полученный им взамен «Колибри», представлял собой странный гибрид корвета с транспортником. В его чреве на специальных противоперегрузочных стеллажах покоились восемьдесят зеленых цилиндров орбитальных термоядерных мин, каждая в два человеческих роста длинной.

Орбитальные мины были мощным и эффективным оружием, придуманным еще во времена Третьей системной войны. Тогда с их помощью колонии успешно отбивались от флотов метрополии. Теперь мины предназначались совсем для других целей.

Минерами в экипаж к Максиму зачислили двух неофитов «Армии пробуждения», бойких и сообразительных парней. Худощавый Лайонел, отзывавшийся на прозвище «Степ», был сыном бедного фермера с Южного полюса Марса. Розовощекий Шляпкин, понятное дело, именовавшийся Шляпой, имел мутную биографию и считал себя анархистом, «временно примкнувшим к звездным борцам в общей борьбе с олигархами и цензорами».

К счастью, над обоими юнгами был поставлен надежный боцман – Прокопыч, личность в «Армии пробуждения» легендарная. В отличие от большинства звездных борцов, был он человеком немолодым, ему давно перевалило за шестьдесят. Свой богатый жизненный опыт Прокопыч без стеснения распылял вокруг себя в виде прибауток, поговорок, анекдотов и прочих «вот был у нас один случай»...

Сейчас Прокопыч сидел в посадочном блистере под брюхом «Барракуды».

Это яйцо из бронестекла вообще-то служило для визуального контроля посадки на особо заковыристые площадки. Но сейчас прильнувший к окулярам дальномера Прокопыч монотонным голосом регулярно информировал пилотирующего корабль Максима о «попынях» и «расселинах» в снежно-голубоватой равнине кольца D.

Дело в том, что кольца Сатурна кажутся монолитными объектами лишь с огромного расстояния. В действительности они представляют собой несущееся по орбите месиво из разнокалиберных валунов и ледышек.

Эти валуны с ледяными глыбами где-то собираются в сгустки и скопления причудливых форм, а где-то образуют обшир-

ные прогалины, подчас достаточно большие, чтобы пропустить авиетку, а то и целый корвет. Именно эту особенность колец Сатурна собирались использовать все без исключения малые корабли «Армии пробуждения», вышедшие в тот судьбоносный рейд.

Их было двадцать девять. Большинство бортов несли чистые бомбы, ряд других – прикрывал и подстраховывал эти «бомбардировщики» от возможных нападений. Но все без исключения корабли, вне зависимости от своих тактических ролей, были готовы в любую секунду сманеврировать, поднырнуть под защиту ближайших сегментов кольца, крутиться и юлить, сбивая с толку возможных преследователей.

Вот почему за штурвалами всех кораблей сидели только самые лучшие, самые опытные пилоты – именно те, кого собирал товарищ Альфа на совет в боевой рубке «Справедливого».

– Высота двести восемьдесят... – бубнил Прокопыч. – Нет зазора... Нет зазора... Сплошное покрытие, мать его... Ни просвета, ни привета... Высота двести пять... Высота сто восемьдесят... Проходим крутой гребень... Хороший такой гребешок проходим... Высота девяносто...

– Девяносто? – переспросил Максим.

– Было девяносто. Уже семьдесят, ядрена гипертяга! – в голосе Прокопыча зазвучали зловещие нотки.

– А по данным лидара – сто двадцать! Откуда расхождение? Кому верить?

Сейчас их «Барракуда» проползала над снежно-белым ледяным спутником-кошкой, гордо шествующим по кольцу D в окружении мелких камней и льдинок. «Кошками» назывались особенно большие сгустки вещества, составляющего кольца Сатурна. Они достигали в длину сотен метров и даже километров. А потому, с астрономической точки зрения, могли уже считаться самостоятельными спутниками планеты-гиганта. Хотя и встроенными непосредственно в плоскость ее колец.

Сходство с кошкой у многих таких спутников усиливалось миллионами белых снежных «шерстинок», которые топорщились на их боках. От точного определения дистанции до этих огромных ледяных кристаллов, покрывающих кошку, зависело, должен ли Максим подать импульс на маневровые двигатели, избегая столкновения, или продолжить следовать прежним курсом. А от этого, в свою очередь, зависело, обнаружат ли их вражеские искусственные спутники-шпионы. Их, к слову, в кольцах Сатурна было как фрикаделек в супе.

– Да твоим лидаром только орехи колоть! У меня в голове свой лидар имеется. А заодно и радар тоже! Если я говорю пятьдесят, значит пятьдесят! – безапелляционно заявил Прокопыч.

Поколебавшись пару секунд, Максим все же решился довериться Прокопычу. И, избегая возможного столкновения с колючей шерсткой космической кошки, он дал трехсекундный импульс. Двигатели под корпусом корабля выплюнули из сопел короткие язычки голубого пламени и «Барракуда» сразу же пошла вверх, удаляясь от плоскости кольца. Несколько ближайших ледяных глыб брызнули облаками искрящейся пыли, выбитой реактивными струями.

– Ярковат фейерверк... Как бы не клюнул нас теперь жареный петушок в самые десять «же»!

– Отставить панические настроения! – браво скомандовал Максим.

– Ох ты, начальник, етить твою в корень! – с плохо скрытой иронией пробормотал Прокопыч, но настроения «отставил».

К сожалению, опытный боцман оказался прав. Совсем скоро сенсоры «Барракуды» доложили об облучении корабля радаром с неспецифической сигнатурой. Ясное дело, он мог принадлежать только противнику. Какому именно противнику – «Беллоне» или «Танцорам вечности» – сказать с ходу

было нельзя. Но в любом случае требовалось реагировать на угрозу.

– Прокопыч! Какая-то тварь нас радаром пощекотала! Срочно найди нам полынью покрупнее! Будем нырять!

– Да вот тебе и полынья! – Прокопыч словно бы только и ждал запроса от Максима. – Азимут сорок влево. Дистанция – полтора.

– Размеры?

– Хорошая, крупная! Четыреста на сто пятьдесят. С вазелином должны пролезть!

По мнению Максима, найденная Прокопычем полынья никак не подходила под определение «крупной». И даже под определение «средней». Да что там говорить, она была возмутительно мала!

– Не хлюзди, – подбодрил Максима Прокопыч. – У нас на Фобосе как-то случай был... Один ас наш, Чебаков была его фамилия, царствие ему небесное, на своей авиетке в старую дюзу от крейсера пролетел. Там запас по габаритам был – хорошо если метр. А у тебя в этой полынье – метров сто лишних!

– Ну, устыдил, устыдил, сдаюсь, – вздохнул Максим.

И все-таки, что бы там ни говорил боцман, задача оставалась невероятно сложной. В первую очередь потому, что он, Максим, не хотел давать ни одного тормозного импульса, чтобы не поднимать лишних облаков пыли, роковым образом демаскирующих их и без того достаточно приметную «Барракуду».

– Ну, держитесь, – процедил он, поудобнее устраивая чуткие ладони на штурвале корабля.

Повинуясь его выверенным движениям, «Барракуда» дала крен и таким вот скособоченным макаром двинулась четко к центру полыньи. Буквально в ту же секунду зуммер сообщил о захвате «Барракуды» неприятельской системой наведения.

– Боевая тревога! – гаркнул Максим. – Всем членам экипажа занять места в огневых точках!

– Уже поковылял, мать их за ногу, – проворчал Прокопыч. – И не стыдно им старого больного человека от работы отрывать?

Видавшего виды боцмана, героя множества сражений, боевая суета раздражала, а вот Шляпа и Лайонел проявили неподдельный энтузиазм.

– Вдарим по сусалам! – запальчиво воскликнул Лайонел. – За товарища Альфу и всеобщую справедливость!

А Шляпа развязано поинтересовался:

– Кэп, а кто нападает – ублюдки или уроды?

Под первыми он имел в виду «Танцоров вечности», под вторыми – «Белонну».

– А это вы мне рассказать должны, – спокойно ответил Максим. – У вас, в отличие от меня, будет возможность посмотреть на них вблизи.

Нос «Барракуды» поравнялся с краем полыньи, когда неопознанный противник открыл огонь из главного калибра. К счастью, то ли стрелок был недостаточно опытен, то ли техники регулировали нежную лазерную технику спустя рукава, но очередь из пяти импульсов прошла мимо.

Жертвой боевого лазера стала внушительная ледяная глыба почти строго по курсу «Барракуды». Пять зеленоватых вспышек разнесли ее вдребезги. Яркое сияние вызвало срабатывание светофильтров шлемофона Максима.

Это был, конечно же, корвет типа «Скорпион». Среди всех кораблей, которые применяются правительством для патрулирования орбит газовых гигантов, только на «Скорпионах», причем только на производственных сериях с восьмой по двенадцатую, установлены лазерные пушки «Люй Хо», имеющие режим стрельбы очередями с пониженной мощностью, зато впечатляющей скорострельностью: пять импульсов за две секунды.

– Против нас работает «Скорпион», – сообщил Максим экипажу. – А это значит, нас атакует «Беллона».

– А-а, буржуи. Копеечники, рог им в рот, – проворчал Прокопыч. – Били мы ту «Белонну». Помню, в сорок втором году на единице брали транспортник... Как его бишь? «Мадлен Олбрайт» вроде. Люстра такая, семь рожков. И тут «Белонна» подскочила... Девять корветов. А у нас три борта, мать его... Да-а, жаркое было дельце. Когда у них два корвета на ходу осталось, эти клоуны предложили взять их в плен! С последующим выкупом, ясное дело.

– Ур-роды! – с чувством произнес Шляпа.

– И что, взяли? – поинтересовался Степ.

– Ну, щас! – расхохотался боцман. – Сожгли к солнечной матери. С врагами трудового народа у нас разговор короткий.

Как только «Барракуда» прошла полынью, Максим сразу же дал импульс маршевыми. Да, он выбил из кольца огромное облако ледяной пыли и камней – но теперь это полностью соответствовало его планам. Тем самым он как бы запечатал «полыню», ослепив радары преследователя.

Разумеется, азартные Шляпа и Степ все равно открыли ураганный огонь из гибридных плазменно-кинетических пушек «Королевская жаба». Наугад, сквозь искристое ледяное облако.

– Отставить палёбу! – рявкнул Максим. – Стрелять только по ясно различимой цели!

– Так точно, – неохотно откликнулся Шляпа.

– Прокопыч, срочно в блистер! Продолжаем сев. И поглядывай, не вынырнет ли из очередной полыни наш клиент!

Клиент не вынырнул. Судя по всему, он сбился со следа и теперь рыскал где-то в каменно-ледяных 3D-лабиринтах кольца. Что же до Максима, на десятой минуте молчания зуммеров

тревоги он аккуратно, что называется одним пальцем, развернул свою машину и повел ее к сумрачной, зловещей стене, заполнявшей сейчас полмира – газовому гиганту Сатурн.

Степ и Шляпа орали неофициальный гимн «Армии пробуждения» – Максим услышал это по внутренней трансляции.

*И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева,
А снится нам трава, трава у дома –
Зеленая, зеленая трава!*

«В «Беллоне» они бы хрен попели... Хоть гимн, хоть что... Потому что у этих в «Беллоне» дисциплина... Правила всякие... А у нас все можно – хоть пой, хоть танцуй», – подумал Максим.

Он сам не мог объяснить себе, откуда знает про дисциплину в «Беллоне», откуда в нем такая уверенность, что петь там, в кабинах «Скорпионов» и «Крабов», при исполнении боевых заданий, категорически нельзя.

Подумав об этом, Максим испытал странное, уже хорошо знакомое ему ощущение какой-то темной тайны, лежащей на самом дне его души.

«Не до ощущений сейчас... Надо выполнить задание».

Они минировали кольцо уже второй час.

Выглядело это так: «Барракуда» зависала на месте и юнги через открытый грузовой люк выталкивали наружу зеленый цилиндр. Едва мина оказывалась за бортом, как срабатывала автоматика и из сопел маскировочной системы в пространство выплевывалось облако стелс-пыли, окутывавшее мину непрозрачным для всякого излучения коконом.

Прокопыч вел отсчет километров от каждой установленной мины. Всякий раз, когда он доходил до ста, они вместе с Максимом начинали искать очередное местечко поукромнее. Выше всего в рейтинге укромности котиrowались спутники-кошки,

а ниже всего – полыньи среди скучного, равномерно перемолотого в мелкую гальку ледового материала.

Естественно, спутники-кошки имели наибольшую ценность потому, что Максиму и его боевым товарищам хотелось породить как можно более крупные болиды, освещающие атмосферу Сатурна на тысячи километров вглубь. А мелкая ледяная крошка сулила лишь красивые, но быстрые и почти бесполезные высотные фейерверки.

Договорившись с командиром о месте закладки очередной мины, Прокопыч дирижировал юнгами, для оживления скучной процедуры минирования придумывая им всякий раз разные прозвища:

– Так, Шляппо, Чечеткин, а теперь делай раз – проверяй скафандры. Делай два – мину на пандус. Делай три – взрыватели на боевое. Делай четыре – мину за борт...

Юнги включали все четыре взрывателя очередной мины и через кормовую аппарель вышвыривали ее в пространство. Предоставленная самой себе, мина, запрограммированная хитроумным Мамонтом, главным спецом «Армии пробуждения» по «всему научному и техническому», определяла свою скорость относительно кольца D и при помощи архаичных, но надежных гидразиновых движков полностью гасила свою скорость, выжидательно замирая на месте.

– Когда уже эти дуры закончатся? – сетовал Шляпа.

– Чего дуры-то? В каждой из этих мин столько искусственного интеллекта, что не понятно, кто из нас умнее... Я вон в школе едва квадратные уравнения решал... А эта фигня чертова наверняка систему из тысячи дифур³ может... За доли секунды... – откликнулся Степ.

– Подумаешь, «доли секунды», – сердито фыркнул Шляпа и в сердцах пнул ни в чем не повинную мину на нижней ячейке стеллажа.

---

³ Дифур – слэнговое название дифференциального уравнения

Отповедь Лайонела нисколько не прибавила ему энтузиазма. Не о такой рутине он мечтал, когда шел в звездные борцы. А об освобождении Солнечной системы из ржавых оков олигархии и потребительского меркантилизма!

Когда на стеллажах «Барракуды» оставались девять пузатых мин, с борта флагманского крейсера «Справедливый» пришел кодовый сигнал 999 – «три девятки». Это означало, что все прочие коллеги Максима уже управились с минированием и готовы к следующей фазе операции – уходу из кольца D в преддверии подрыва.

– Эй, товарищи по борьбе! – обратился Максим к Прокопычу и юнгам. – Мы в отстающих. Нельзя ли побыстрее?

– Так это в первую очередь к тебе относится, голубчик, – пробурчал Прокопыч. – Крутишь носом все время – эта полынья не годится, тут чересчур людно, там спутниками-шпионами воняет, а здесь слишком накурено...

– Так ведь воняет же! – воскликнул Максим.

– Вредно быть таким вредным, – гнул свою линию Прокопыч. – Вот и результаты, ешкин кот. Все уже отдыхают, а мы мордуемся!

Максим собрался было дать «добро» на беглую установку оставшихся мин где придется, лишь бы побыстрее, как вдруг...

– Внимание, «Барракуда»! Внимание, «Барракуда»! Говорит «Справедливый»!..

Скорее всего, это говорил командир крейсера капитан Цинь Ша. Но поскольку связь осуществлялась через сверхзащищенный, а значит очень узкий канал, все характеристические частоты голоса были потеряны при передаче. Казалось, что с Максимом разговаривает дешевый цифровой будильник, неожиданно осознавший себя как личность.

– ...На азимуте триста пятьдесят неопознанный летающий объект. Предположительно крейсер-дисколет «Танцоров веч-

ности». Его скорость – восемь. Он пройдет над вами через сто пятьдесят секунд.

Внутри Максима все похолодело.

«Дисколет... Это же не шуточки! Страшная машина! Практически неуязвимая... Неуязвимая? А что если?..»

– Прокопыч! – скомандовал Максим. – Ну-ка быстро выдай мне пеленг на дисколет и организуй прогноз по дистанции расхождения!

Прокопыч завозился.

– Да где же он?.. А-а-а, во-о-от где... Явился не запылится, ядрен бозон... Ну что же, слушай пеленг и дистанцию...

Приняв от Прокопыча необходимые цифры, Максим сорвал пломбу с панели защищенной связи (вообще-то им предписывалось сохранять полное радиомолчание) и вызвал флагманский крейсер:

– «Справедливый», здесь «Барракуда»! Вас понял! Принял решение минировать оставшимися зарядами по курсу дисколета. Прошу выдать радиокоды на подрыв этой серии через... сто двадцать секунд!

Самоубийственно отважный план Максима заключался в том, чтобы пустить последнюю девятку мин против дисколета «танцоров». А вдруг получится?

На «Справедливом» думали недолго. Тот же голос ожившего будильника сообщил:

– «Барракуда», твой план командованием не одобрен. Но... Поскольку тактическая обстановка тебе известна лучше... В общем, действуй, «Барракуда»! Удачи тебе!

Если бы Максим взялся выслушивать всю эту тираду до конца, то точно ничего бы не успел. Однако, еще срывая пломбу с панели связи, Максим уже бросил «Барракуду» в упрежденную точку по курсу дисколета. Теперь же, промчавшись молнией двести семьдесят четыре километра, он с каким-то гибельным задором проорал юнгам:

– Парни, мы в деле! Все мины за борт!

Степ и Шляпа сразу поняли по голосу командира, что тот не шутит и приободрились. С немыслимой еще пять минут назад прытью они вышвырнули в холодные объятия вакуума оставшиеся зеленые бочки и дали сигнал на закрытие аппарели.

– Красиво прет! – ахнул Прокопыч, имея в виду, конечно, приближающийся дисколет. – Жаль, у нас таких шутовских нету... Не то мы бы всей Солнечной вмиг показали, что такое пробуждение от, итить его налево, потребительского сна...

– Экипаж, внимание! – рявкнул Максим. – Всем занять места в огневых точках!

До подрыва мин осталась ровно минута. Надо было уходить. Уходить на полной тяге, на всех миллионах лошадиных сил, на всех гигаваттах и тераджоулях, какие только можно было выжать из старой доброй «Барракуды».

Но выдать форсированную тягу на маршевые без предупреждения означало размазать Шляпу и Степа по шпангоутам и стрингерам грузового отсека, как нож размазывает масло по поджаристому тосту.

Секунды ползли, как черви. Палец Максима елозил по кнопке форсажа. Наконец поступил доклад от юнга:

– Виталий Шляпин место в левобортовом блистере занял!

– Лайонел Нут уже в огневой точке!

Максим нажал форсаж и утопил педаль газа до упора. Ксеноновая плазма ударила из маршевых со скоростью пятьдесят семь километров в секунду. «Барракуда» вздрогнула и застонала, как живое существо. Перегрузки вжали Максима в кресло, щеки стекли к плечам, легкие окаменели.

Только сейчас, когда от него уже ничего не зависело, Максим позволил себе воспользоваться услугами станции защиты задней полусферы и посмотреть на вражеский дисколет во всей его красе.

Тот летел с креном сорок пять градусов – так, что Максим видел забранный черной граненой броней колпак башни главного калибра. Пылевая защита «танцоров» была выключена – они явно не ожидали нападения на своем «заднем дворе».

На секунду Максиму стало жаль ребят из дисколета. Ведь все-таки сознательные противники олигархии, соратники по борьбе, хотя и бывшие... Но затем он вспомнил о том, как жестоко и подло «Танцоры вечности» вышвырнули «Армию пробуждения» из сектора Троянцев Юпитера. Оставили без ресурсов, столь необходимых и для строительства флота, и для развития Оазиса... И вскипевшая в нем злоба вмиг вытеснила жалость.

«Собакам – собачья смерть!» – вынес вердикт Максим.

Когда девять рукотворных солнц, каждое мощностью пять мегатонн, слаженно полыхнули, слившись в одну всесильную огненную амебу, дисколет «Гималаи» находился в четырех километрах от центра термоядерного кошмара. Плазма ударила в брюхо крейсера по касательной, расплескалась по крыше нижней башни главного калибра, захлестнула воронки эмиттеров защитного поля.

Это было дьявольски красиво – рукотворное солнце, пожирающее аспидно-черный исполинский диск. Однако броня «Гималаев» выдержала это испытание. Единственным слабым местом дисколета оказались маршевые дюзы. В преддверии атмосферного маневра и стыковки с Аэрополисом они были выключены. Струи плазмы выбили клапаны и погнали ударную волну по лабиринтам трубопроводов топливной системы.

Трех сотых долей секунды хватило, чтобы раскаленный литый десятками игл ударил из разрушенных циркуляционных насосов в правое машинное отделение «Гималаев». Максим не видел этого, но знал – там воцарился настоящий ад.

На дисколете одновременно сыграли боевую и пожарную тревогу, а затем с разочарованием констатировали, что одновременно отрубились все радары и заткнулись все радиоканалы.

На ослепшем и оглохшем крейсере даже не сразу определили, что они стали жертвой череды ядерных взрывов. Уж очень неожиданно все случилось.

Когда же удалось установить связь по лазерному каналу, командор дисколета брат Каменщик вызвал главу «Танцоров вечности», брата Молота.

– Потеря управляемости! Нет зажигания на маршевых! Пожары! Мы можем не дотянуть до Аэрополиса! – брат Каменщик очень старался сохранять хладнокровие, но его голос предательски дрожал.

– Мужайтесь, братья!.. Мы с вами!.. С вами – все люди справедливости, все враги прогнившей олигархии! – ответил брат Молот.

Изображение и звук уходили с борта крейсера на Аэрополис чередой лазерных вспышек и тем же способом – лазерным кодированием – общалась с дисколетом база «Танцоров вечности». Это лазерное шоу порождало на аммиачных облаках Сатурна невидимые глазу ультрафиолетовые вспышки.

Невидимые глазу, но не приборам оптико-электронной разведки, размещенным на борту крейсера «Справедливый»! Глава Отдела Особых Действий товарищ Дементьев оторвался от окуляров визира и, повернувшись к адмиралу Баренцу, с удовлетворением произнес:

– Они попались, адмирал! Передайте нашим кораблям, чтобы все внимание сосредоточили на третьем градусе южной широты, тридцать седьмом градусе западной долготы. Именно там сейчас находится Аэрополис.

– Ну что же, братцы, вмазали мы им так вмазали! По шеем-то! По татуированным! – удовлетворенно басил Прокопыч.

– «Трава-трава у до-о-ома! Зеле-е-еная, зеле-е-еная трава!» – нестройно горланили Степ и Шляпа.

Боцман тем временем не унимался.

– Как думаешь, командир, – обратился он к Максиму. – Может, нам товарищ Альфа премию какую даст? Или поощрит как-нибудь? Ну, я не знаю даже... Не бутылкой, конечно... Чем-нибудь посущественней.

– Я думаю, – серьезно ответил Максим, – тот, кто завалил вражеский крейсер, может рассчитывать на многое... Например, на капитанскую должность.

– Капитанская должность? Этого я, пожалуй, не потяну, – скромно отозвался Прокопыч. – Тут надо культуру... Соображение, манеры... А я что? Вырос без мамы, всю жизнь на верфях трудился... Спину гнул, чтобы дармоедов своих – Сашку и Пашку – поднять... Мне бы что-нибудь попроще... Погоди-ка, – вдруг насторожился Прокопыч. – А что это он, дисколет-то наш? Погибать не собирается, что ли?

Максим, последовав примеру боцмана, тоже обратил свой взгляд на «Гималаи».

Крейсер до сего момента неуправляемо падал на Сатурн. Он уже неся сквозь границу стратосферы. Вокруг него набухал пышущий плавильным жаром плазмOID, который обещал вскоре прожечь броню корабля насквозь и пожрать его без остатка...

Но картина вдруг начала меняться!

Разноцветные огоньки маневровых дюз расцвели по ведущей кромке корабля, заставив его изменить угол атаки – вражеский капитан явно стремился отыграть секунды у беспощадных законов термодинамики.

И это было только начало! Вот уже две неповрежденные маршевые дюзы крейсера изрыгнули фонтаны голубой плазмы – и обреченный, казалось, корабль плавной запятой махнул вверх!

– Уходит, гад! – возмущенно взревел Прокопыч.
– Не может быть! – взвизгнул Степ.
– Гнида! – ахнул кулаком по казеннику своей «Королевской жабы» Шляпа.

Максим от комментариев воздержался. Но на самом деле им овладело настоящее бешенство. Ни мгновения не колеблясь, он бросил «Барракуду» наперерез дисколету.

Разумеется, его неожиданный маневр едва не поотрывал всему экипажу головы. Однако окончание маневра его brave молодцы встретили возгласами восторга – никому не хотелось, чтобы крейсер «Гималаи» сбежал.

Что он сможет сделать против самого живучего крейсера Солнечной системы со своими четырьмя не самыми лучшими лазерными пушечками, Максим не знал... Но нельзя же сидеть сложа руки!

Вдруг на связь вышел «Справедливый». К удивлению Максима, это был голос самого товарища Альфы.

– Ты что творишь, Макс?!

– Веду преследование вражеского крейсера!

– Категорически запрещаю преследование! – в голосе Альфы зазвучала сталь.

– Но почему?

– Отставить «почему»!

– Товарищ Альфа!.. Это же шанс!

– Хорошо, тогда слушай внимательно, – после секундной паузы произнес товарищ Альфа. – Если все пойдет по худшему варианту, ты просто погибнешь. Потому что идти на «Барракуде» против дисколета это все равно, что идти с зубной щеткой на разъяренную самку еврокракена. Добром не кончится никому. Но если вдруг произойдет чудо, я уж не знаю, какое, и ты все-таки завалишь «Гималаи», это нанесет нашему делу огромный урон.

– Какой урон?! Они же враги! Ты сам говорил!

– Да, они враги. Но они сильные враги. Кроме «Гималаев» у них есть еще минимум два дисколета: «Тигр» и «Пилигрим». Где они – мы не знаем. Встречаться с ними в открытом бою по-прежнему очень рискованно. Сейчас нам нужно вовсе не уничтожение «Гималаев», не бойня, в которой мы потеряем часть флота, а... переговоры. Переговоры, Максим! Ты меня понял?

Максим покорно кивнул – товарищ Альфа всегда прав. Даже когда прав не до конца.

«Гималаи» ушел. Уковылял, как выразился Прокопыч. И настал черед выполнять главный план командования «Армии пробуждения». «Барракуда» едва успела уйти в сторону, как кольцо D было взорвано и тысячи болидов вспороли облачные перины Сатурна, выжигая кристаллический аммиак и высветляя туманные недра газового гиганта на расчетные тысячи километров.

Десятки опытных пилотов, сотни остроглазых наблюдателей вперялись в обозначенный товарищем Дементьевым квадрат планеты, но они не увидели ничего, ровным счетом ничего кроме небольшого аэростата-ретранслятора с комплексом лазерной связи на борту.

Где же Аэрополис?! Где растреклятый Аэрополис?! Эти вопросы никому не давали покоя.

И в ту минуту, когда казалось, что все зря, что гигантские усилия затрачены впустую, анархист Шляпа в своей развязной манере вдруг выкрикнул:

– А это что за бледная поганка по правому борту?!

Прокопыч и Максим немедленно развернули все устройства оптического наблюдения по указанному пеленгу.

Они увидели... нечто и впрямь очень похожее на поганку!

На перевернутую поганку, висящую шляпкой вниз в тропосфере Сатурна под аммиачным облаком. Облаком, изорван-

ным на куски метеорным катаклизмом, но все же до конца не сожженным.

Шляпка поганки была верхней гондолой Аэрополиса, ножка – несущей фермой, а пять исполинских баллонов были попросту не видны, скрытые жемчужными кусками облаков.

То же касалось и еще двух огромных гондол Аэрополиса, которые тонули в нижнем ярусе облаков.

– Как веревочка ни вейся, все равно конец найдут! – констатировал бравый боцман, потирая мозолистые руки.

– Товарищи, – взволнованно обратился Максим к экипажу.

– От лица командования поздравляю вас. Мы нашли Аэрополис...

– Ура! – рывкнули юнги, а боцман загнул такую лексическую конструкцию, от которой даже немало повидавший на своем пилотском веку Максим восхищенно улыбнулся.

На самом деле не матюги Прокопыча вызвали его улыбку. А ожидаемая радость товарища Альфы – и Сони.

Вот ради чего стоило жить.

Вот ради чего стоило умереть.

ЭПИЗОД 8

Преследуя Аэрополис

Орбита Сатурна, корвет «Барракуда», февраль 2469 года

- А мы его не потеряем? – тревожно поинтересовался Степ.
- Кого?
- Аэрополис!
- Эт-то мы сейчас увидим, – закусив губу, процедил Максим.

Они уже полчаса сопровождали похожий одновременно и на перевернутую поганку, и на причудливо мутировавшую грушу могучий плод современных технологий.

«Сопровождение» выглядело не совсем обычно. Ведь в то время как Аэрополис громадной галлюцинацией скользил сквозь разноцветную мешанину ядовитых ледяных облаков, скользил неспешно, и в этой неспешности своей опирался на атмосферу Сатурна, «Барракуда», идущая над стратосферой, была лишена какой-либо опоры. Поэтому, чтобы более-менее выровнять свою скорость с Аэрополисом и не потерять его из виду, они были обречены фактически падать на планету.

А чтобы это падение не превратилось в необратимое, чтобы их корабль не сгорел в атмосфере Сатурна, Максим был вынужден расходовать огромные объемы топлива. То есть непрерывно мучить издававшие виды движки перегревом и добивать систему охлаждения.

Потоки белой гиперзвуковой плазмы рвались от «Барракуды» вниз, к Аэрополису. Со стороны казалось, что корабль сто-

ит на огненном столпе. Стоит, ритмично покачиваясь, будто бы приплясывая.

– Нет, правда, ну уходит же! – Степу вторил герой дня, нервный Шляпа. – Сейчас ка-ак вильнет вбок – и ищи-свищи в облаках!

– Да нет, – беспечно отмахнулся Прокопыч, – такой дуре как Аэрополис просто деваться некуда. Это же не авиетка. Если этот дурацкий дирижабль попытается резко дернуться в сторону, его попросту разберет на куски турбулентностью. Максимум, что он может – ну уйдет километров на десять-двадцать в глубину... Но мы его и там достанем!

Максим хотел верить в правоту Прокопыча и поддерживал его настроение как идеологически верное. Но главное сейчас было не это. Максим ждал ответа со «Справедливого», ждал, какой вердикт вынесет товарищ Альфа. Атаковать Аэрополис или склонить «Танцоров вечности» к переговорам, как это предполагалось изначально? А если они не согласятся? Пока у «Армии пробуждения» имелся на руках козырь – внезапность. Как только «Барракуда» будет замечена, этот козырь окажется битым. Что случится потом, можно только догадываться. Например, не исключен вариант массовой атаки со стороны «танцоров». Базы и станции звездных борцов окажутся под ударом. Дисколеты схлестнутся с крейсерами адмирала Барнеца, и кто выйдет победителем из этого сражения – неизвестно.

В руководстве «Армии пробуждения» схватились две партии – войны и мира. Партию войны возглавлял товарищ Дементьев, партию мира – инструктор по идеологической работе Соня ван Астен и крепкий хозяйственник товарищ Гамма.

Что же до товарища Альфы, то он колебался, колебался именно сейчас, когда колебаться было ни в коем случае нельзя! Из-за его нерешительности все они теряли драгоценные секунды.

Уходил недобитый дисколет, скользил вдоль тропика Рака, на ночную сторону планеты, Аэрополис...

– Здесь «Барракуда», – Максим в очередной раз вызвал базу, – у меня заканчивается топливо. У меня зака...

В этот миг искусственный интеллект, следивший за системами корабля, выдал тревожную трель. Максим замолк на полуслове. На мониторы полезли тревожные сообщения: «МАРШЕВЫЕ ПЕРЕГРЕВ», «МАРШЕВЫЙ ПРАВЫЙ СТОП», «ИСПАРИТЕЛЬ №3 ПОВРЕЖДЕН».

– «Барракуда», вас не поняли! Повторите! Что у вас?! – нервно переспросили с борта флагмана.

– Здесь «Барракуда». У меня неисправности. Должен разобраться и доложу повторно... – Максим лихорадочно набирал команды, пытаясь запустить дублирующую систему охлаждения и включить двигатели.

На лбу у него выступили капельки пота. Сердце тревожно билось. Руки дрожали. Попытавшийся узнать, в чем дело, Прокопыч был с разворота послан по известному адресу. Юнги притихли, чувствуя, что дело – дрянь.

«Барракуда» падала на Сатурн.

– Ну, давай же, – бормотал Максим, впившись глазами в колонки цифр на мониторах. – Ну, рыбка моя...

«МАРШЕВЫЙ ПРАВЫЙ СТОП»

– Зараза!! Да чтоб ты сдохла!

– «Барракуда»! Что у вас происходит?

– Все... – обреченно выдохнул Максим, откинувшись на спинку кресла. Руки легли на подлокотники. – Двигательная группа...

– Что?!

– Повреждена. Исин утверждает, что повреждения устранимы. Но время ремонта... Ориентировочно минут двадцать.

– «Барракуда», начать ремонт немедленно!

– Мы не успеем. Сгорим в атмосфере. С тягой маневровых «Барракуда» самостоятельно преодолеть притяжение Сатурна и вернуться хотя бы к кромке кольца D уже не сможет. Как поняли?

– Понял вас хорошо, – мрачно ответил «Справедливый». – Переключаю на товарища Альфу...

– Макс...

– На связи.

– У вас только один выход.

– Я знаю. Посадка на Аэрополис. Плен. Позор.

– Нет, – товарищ Альфа говорил медленно и Максим понял, что ему нелегко сейчас. – Я принял решение. Ты отныне – официальный дипломатический представитель «Армии пробуждения» с правом ведения переговоров от лица командования. Соответственно, экипаж «Барракуды» имеет статус парламентаров. Ты понял?

– Да. Но что я должен...

– Молчи и слушай. Нам нужны переговоры с «танцорами». Аэрополис больше не тайна, не миф. Просто договорись о следующем раунде – и все. Но имей в виду – у них странные представления о дипломатии. Удачи тебе! Конец связи.

Товарищ Альфа отключился. Максим бросил взгляд на монитор – у него было не более минуты на раздумья. «Странные представления о дипломатии». Что имел в виду вождь «Армии пробуждения»? В любом случае выбора нет. Точнее, он всегда есть. Честная смерть пилота. Правда, вместе с ним погибнут и старик Прокопыч, и юнги. Нет, быть убийцей Максим не хотел никак.

«Странные представления о дипломатии»...

Он снова посмотрел на монитор. Времени практически не осталось. Что ж, в конце концов, он звездный борец и приказ вождя для него – закон. Максим не знал, что невольно подтолкнул чашу весов, и партия мира в руководстве «Армии пробуждения» одержала победу...

Максим потянулся к панели связи и запустил настройку. «Барракуда» падала сквозь атмосферу Сатурна.

– Говорит дипломатический представитель «Армии пробуждения» Максим Верховцев! Повторяю! Говорит представитель «Армии пробуждения» Максим Верховцев! Вызываю Аэрополис!

– Здесь Аэрополис. Слушаем тебя... брат.

Перед «брат» диспетчер Аэрополиса слегка помедлил, словно бы решая – действительно ли ему Максим Верховцев брат или нет?

– Прошу разрешения на посадку. Повторяю...

– Понял тебя. Понял тебя, брат. Посадка разрешена.

– Прошу указать коридор и посадочную полосу. Или что тут у вас? Площадка? Стыковочный узел?

– Площадка. Даю подсветку коридора лазерными маяками.

– Аппарат плохо управляется. Повторяю: аппарат плохо управляется... Да и габариты у нас... сам видишь какие... брат.

– Понял. Понял тебя, – откликнулся диспетчер. – Прошу двадцать секунд на принятие решения.

– Двадцать, не больше. Через тридцать одну секунду мой борт сорвется в неуправляемое падение.

И вновь ожидание. Вновь ползут секунды. Вновь затаили дыхание в отсеках Прокопыч и юнги.

– Итак, слушай решение, брат, – отозвался наконец Аэрополис. – Мы установили запретную зону – она просвечена синими габаритными лазерами. В нее тебе входить нельзя, будем сбивать. Также будем сбивать при любой попытке выйти на курс, пересекающийся с нашим... Как понял? Подтверди.

– Тебя понял, брат, подтверждаю. Синие лазеры – запрет. Пересечение курсов – запрет.

– Хорошо. Твоя задача – пройти над нами, над центральной гондолой Аэрополиса. Повторяю: над центральной гондолой Аэрополиса. Там ты должен катапультироваться...

«Чего-о?! Катапультироваться?! – к такому обороту дел Максим готов не был. – Я не ослышался?!»

Отвечая его мыслям, диспетчер повторил:

– Как понял? Катапультироваться. Конус допустимых точек катапультирования с учетом наших элементов движения, а также силы и направления ветра будет подсвечен желтыми лазерами.

– А мой экипаж? Корабль?

– Мы можем принять только одного, так устроена система подхвата. Судьба сурова, брат, – диспетчер вздохнул. – Прощайтесь...

Прощайтесь?!

Максим вздрогнул. Получается, что Прокопыч, Степ и Шляпа станут смертниками, «экипажем в один конец»?! Они погибнут, а он спасется? Неужели какие-то переговоры стоят этого?

– Парень, – прозвучал в динамике тяжелый голос Прокопыча. Старый боцман совершенно точно угадал настроение своего капитана. – Не казни себя. Это война. Так всегда было и всегда будет, ядрен бозон. Давай, делай, что должно. А мы потихоньку попробуем поковыряться в кишках нашей «Барракуды». Верно, хлопцы?

– Верно! – хором гаркнули юнги. У Максима защемило сердце. Он понимал, что слышит их голоса в последний раз.

– Ребята...

– Не надо слов, кэп! – насмешливо перебил его Шляпа. – Выпей там за нас. И когда будешь тискать девчонку, вспомни, что мы тоже любили это дело. Пока!

Скрипя зубами, Максим достал Льва и сжал предмет в руке с такой силой, что побелели пальцы. Кисть онемела, словно ее

опустили в жидкий азот. Голова прояснилась. Теперь Максим ощущал только одно – холодную, злую ярость.

Он вывел «Барракуду» на курс прохода через подсвеченный желтый конус над Аэрополисом и откинул предохранительный колпачок над кнопкой катапульты. Когда его выбросило за пределы корабля, в обманчиво нежные, фламингово-розовые на закате этановые облака Сатурна, в шлемофоне Максим услышал песню, исполняемую на три голоса – один хриплый, стариковский, и два молодых, задорных. Это был древний гимн моряков, погибающих непобежденными:

*Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...*

ЭПИЗОД 9

Дипломатия без галстуков

Тропосфера Сатурна, летающий город Аэрополис, февраль 2469 года

Когда на арену вышел первый гладиатор, брат Аптекарь, трибуны неистово взревели. Бой обещал быть великолепным! Не каждый день такое увидишь.

Брат Аптекарь был прекрасно знаком зрителям. Отменно сложенный двухметровый уроженец Марса, закаленный в многочисленных сражениях прежних лет, по праву считался гордостью «Танцоров вечности».

На его лице гуляла надменная ухмылка. Наготу брата Аптекаря прикрывала только кожаная набедренная повязка – предмет туалета столь же древний, сколь и удобный. Помимо нее гладиатор располагал двумя длинными кинжалами – в ножнах на черной перевязи поперек груди.

Брат Аптекарь послал воздушный поцелуй в VIP-ложу, где помимо брата Молота восседали надменные иерархини Сестер-Торпедоносц в белых чепцах. Затем он раскланялся на все четыре стороны.

И, наконец, театральным жестом сложив руки на груди, приготовился с презрением встретить появление соперника.

На низких, тревожных нотах зарокотали барабаны.

Судья поединка, брат Сокол, объявил второго гладиатора.

– Братья и сестры!.. Приветствуйте появление на арене!.. Дипломатического посланника «Армии пробуждения»!.. Максима Верховцева!..

Зрители не выразили должного энтузиазма и брат Сокол решил подбавить жару:

– Максим – виртуозный пилот!.. Верный соратник возлюбленного брата нашего товарища Альфы!.. А главное – опытейший дипломат!

Трибуны взвыли. Может быть, потому, что появившийся из-за стальной шторы Максим на фоне атлетичного брата Аптекаря не выглядел таким уж опытным, а может, в знак презрения к политическим взглядам «Армии пробуждения» и лично к «возлюбленному брату нашему товарищу Альфе».

Максим остановился в полсотне метров от соперника и тоже поклонился трибунам. Брата Молота он поприветствовал церемонным кивком. Ему показалось, что вождь «Танцоров вечности» ответил ему загадочной, едва намеченной полуулыбкой. Но поручиться в этом Максим готов не был.

Барабаны смолкли и слово вновь взял брат Сокол.

– А теперь!.. Наши техники доставят сюда!.. Железных зверей, которыми будут управлять гладиаторы!.. Согласно жребию, брат Аптекарь сражается сегодня на Хвостоколе!

На трибунах завизжали от восторга. Хвостокол! Что может быть лучше? Разве что Бомбардир... Но его запретили в прошлом сезоне... С Хвостоколом победа практически в кармане!

– А его оппонент, – продолжал судья, – будет биться на Челюсти. Напомню почтенной публике, что уже два года как жребий не падал на Челюсть!

По трибунам пополз шепоток – два года были слишком большим сроком для коллективной памяти. Мало кто помнил, о чем вообще идет речь. Самые памятливые сбивчиво перечисляли новичкам ударные качества Челюсти – подвижность, удивительную прыгучесть, феноменальную пробивную силу рутений-осмиевых клыков.

Громкий лязг за спиной заставил Максима обернуться.

Из распахнувшихся ворот на него наступал десятиметровый шагающий исполин. Двумя словами его можно было описать так: железный тираннозавр. Хотя, конечно, имелись у этого ди-

ковинного боевого экзоскелета и совершенно не свойственные рептилиям органы.

К левой лапе помимо собственно пальцев механического захвата крепилась алмазная пила из двух дисков, манжетом обнимающих ее запястье. Правая лапа представляла собой комбайн разрушения, состоящий из бура, вращающегося серпа и вакуумной присоски.

Ходильные конечности механического монстра были защищены стальными решетками. Спину и брюхо покрывала блестящая чешуя из вольфрамовых пластин. Но самой впечатляющей была голова – недаром тварь прозывалась Челюстью!

Непропорционально длинная, она напоминала крокодилю. Количество и качество тускло-серых зубов из металлокерамики наводило на мысль, что Челюсти по силам откусить от корвета типа «Скорпион» маршевую дюзу.

На груди монстра открылись створки водительской кабины, больше похожей на дверцы банковского сейфа. Из сейфа выскочил невысокий жизнерадостный человечек в оранжевом комбинезоне техника и сказал:

– Принимай машину, брат! Я самолично все проверил. Работает как часы!

Максим благодарно кивнул технику и забрался в кабину по выдвижной лесенке.

Осваиваясь в кабине, Максим вспомнил про фразу, сказанную товарищем Альфой о странных представлениях о дипломатии у «Танцоров вечности». На деле они оказались не просто странными, а откровенно жуткими. Спорные моменты тут решались путем поединка. Из школьного курса истории Максим помнил, что подобное практиковалось в древнейшие времена и называлось Божьим судом.

«А ведь «танцоры» по сути никакие не борцы с системным тоталитаризмом, а самая обыкновенная секта, – понял вдруг

Максим. – Как «Звездное братство», как луннопоклонники, как «Темная материя», как «Свидетели Немезиды». Только в отличие от них всех «танцоры» ведут вооруженную борьбу с правительством, а не дурят головы простым обывателям. И вот ради того, чтобы эти духовные дикари согласились на переговоры, погибли замечательные товарищи: ворчун Прокопыч, веселый раздолбай Шляпа, молчаливый трудяга Степ...»

От грустных мыслей Максима отвлекло появление на арене машины его противника – легендарного Хвостокла. Он сильно отличался от Челюсти. Ходильных конечностей у этой механизированной твари было четыре, а не две. Они представляли собой расширяющиеся книзу конусы, каждый из которых опоясывала связка реактивных дюз.

Хвостокл обладал массивным туловищем со спинным гребнем, по кромке которого, до обоих кончиков раздвоенного хвоста, змеились голубые молнии.

Массивная шея была увенчана головой очень странной ковшеобразной формы. Что таит в себе этот железный куб за плотно сомкнутыми челюстями, оставалось лишь догадываться.

Любопытной и важной особенностью конструкции Хвостокла было асимметричное расположение входа в водительскую кабину. Дверца располагалась на правом боку механического монстра, почти вплотную к передней ходильной конечности.

Вставляя руки в сенсорные перчатки управления Челюстью, Максим краем глаза наблюдал за тем, как брат Аптекарь, совершив по арене малый круг, в последний раз завел трибуны и наконец нырнул в дверцу на боку своего монстра.

Трижды проревела хриплая сирена и брат Сокол, покидая арену, на бегу выкрикнул в микрофон:

– Дипломатический бой объявляю начавшимся! Да воссияет правота победителя!

Брат Аптекарь относился к тому типу бойцов, которые считают, что главное в бою – стремительное начало. Не успел Максим как следует освоиться в роли поводыря механического исполина, как Хвостокол под управлением брата Аптекаря уже атаковал его.

Челюсть дернулась было влево, но Хвостокол уже подсек ударом массивной головы ее нижние конечности. Машина Максима, утратив равновесие, неловко завалилась на спину.

Зрители засвистели, на арену полетели пустые банки и упаковки от закусок. Хвостокол плотно прижал Челюсть к земле и, не тратя ни секунды, принялся орудовать своим пятнадцатиметровым смертоносным хвостом.

Между рожками, венчающими хвост полумесяцем, с высоковольтным гудением загорелся голубой дуговой разряд – это брат Аптекарь включил боевое напряжение. «Неужели все кончено так быстро?» – пронеслось в мозгу у ошеломленного Максима. Он не ожидал, что его навыки бойца окажутся такими жалкими в сравнении с мастерством брата Аптекаря.

В самом деле, если бы конструкторы Хвостокола довели его рабочее напряжение до ста пятидесяти киловольт, то железному монстру не составляло бы труда за несколько секунд отрезать Челюсти голову, а затем вскрыть как консервную банку ее грудину, превратив пилота в обугленную мумию. Но мудрые технократы «Танцоров вечности» скрупулезно выдерживали баланс между экзоскелетами гладиаторов.

Поэтому Хвостокол был обречен на другую тактику.

Он принялся один за другим выжигать бугры бронеколпаков, покрывавших плечи и голову Челюсти. Под ними скрывались оптические и инфракрасные датчики, служившие глазами Челюсти и ее водителю Максиму.

Обескураженный Максим с горечью наблюдал как один за другим вырубаются видеоканалы, транслирующие в кабину сейф информацию с арены.

Зрители сразу поняли, чем занимается их любимец брат Аптекарь и приветствовали его действия восторженным ревом. Даже судья поединка счел возможным озвучить пару колкостей, которые еще больше накалили атмосферу.

Максим дважды пробовал привести в действие бросковые пневмоприводы хвоста Челюсти (ведь у его экзоскелета тоже имелся хвост и еще какой!). Он справедливо полагал, что мощи этого выдающегося устройства хватит, чтобы отбросить Хвостостокола прочь и восстановить вертикальное положение своего экзоскелета. Но машина Максима лежала на боку беспомощной раскорякой и оттого оба удара ее хвоста лишь вздыбили тучу песка и пыли.

Максима затопила волна адреналинового бешенства. Он вдруг подумал о своих товарищах. О Прокопыче. О юнгах. О Соне. А ведь ее жизнь зависит от этого поединка! Если он, Максим, и дальше станет проявлять слабость, переговоров не будет и тогда войны не миновать. А война сейчас для «Армии пробуждения» равносильна коллективному самоубийству...

Стиснув зубы, Максим прошипел:

– Ну, ты сам напросился...

Повинуясь его воле, правая конечность Челюсти выпустила на всю длину вибробур. Но вместо того, чтобы нанести им удар в голову или в предплечье Хвостостокола – эта полумера не спасла бы Максима – Челюсть пропустила вибробур между передними конечностями экзоскелета противника и, используя его как рычаг, отжала многотонную тушу на полметра вправо.

Однако чтобы действовать наверняка, требовалось отыграть еще полметра. Для этого Максим пустил в действие левую конечность, схватившись за одно из воротниковых щупалец врага. Тяжелый Хвостостол не поддавался и тогда Максим вжал до упора педаль порохового усилителя.

Тугая реактивная струя ударила из левого локтевого сустава Челюсти, толкнув конечность вперед, и та с перегрузкой сто пятьдесят «же» рванула щупальцевидный отросток Хвостокола.

Хвостокол опрокинулся на бок и в тот же миг Челюсть повернулась на девяносто градусов, ударив хвостом с силой, которой хватило бы на то, чтобы расплющить в блин орбитальный штурмовик! От полученного импульса Челюсть перелетела через тушу Хвостокола и приземлилась на противоположном конце арены.

Трибуны захлебнулись криками восторга. Что может быть лучше по-настоящему жаркой схватки?! Как хорошо, что гость оказался кое на что способен! И хотя он, ясное дело, обречен, приятно посмотреть на то, как умирает настоящий мужчина...

Брат Аптекарь, поднаторевший в дипломатических боях, вовсе не выглядел обескураженным своей неудачей. Как только его Хвостокол поднялся на четыре конечности, он тотчас привел в действие реактивные дюзы, встроенные в подошвы ног.

Железный монстр брата Аптекаря поднялся в воздух. Зрители на трибунах радостно зааплодировали – уж очень зрелищно летала эта многотонная неуклюжая махина. Челюсть сделала навстречу врагу три пятиметровых, тысячетонных шага. Шаги были такими увесистыми, что Максиму показалось, будто гондола Аэрополиса ответила на них опасливой вибрацией. А когда чудом уцелевший лазерный дальномер показал дистанцию до передних конечностей Хвостокола в двенадцать метров, Максим прыгнул. Челюсть в этом компоненте не уступала планетарным разведчикам типа «кенгуру». Она просто-таки взлетела с места!

Ухватить на такой высоте Хвостокола передними конечностями Максим не смог. Пришлось задрать вверх собственно челюсти железной твари, давшие ей имя, которые и сомкнулись вокруг левой передней ноги врага.

При этом реактивные струи, продолжающие хлестать из движков Хвостокола, сразу же вывели из строя предпоследний оптический визор Челюсти.

Максим практически ослеп.

Трибуны взвились в дружном вопле восторга. Вот это дипломатия! Такая дипломатия нам по душе! Почему не каждый день? Побольше бы острых дипломатических вопросов общемирового звучания!

В следующее мгновение Челюсть расплющила зубами конечность Хвостокола до самого колена. И пока оба гиганта падали, реактивная система, пустившаяся враздрай, успела наделать бед.

Одна из высокотемпературных струй прожгла Челюсть насквозь, но, к счастью, спасовала перед верхней бронеплитой водительской кабины. Другая, вибрируя неистовым серпом, взрезала своему хозяину брюшину.

Обе туши с непереносимым для человеческих ушей грохотом упали на арену. Вверх взвились смерчи разноцветных искр. Запахло гарью – это взялись тлеть внутренние узлы поврежденных механоидов.

Трибуны экстатически выли. Зрелище превзошло самые оптимистические ожидания. Но главное, оно продолжалось! Логiku событий нескольких последующих секунд Максим не понял. Да, пожалуй, там и не было ее, этой логики. Лишь цепь случайностей.

Стоило им упасть, Максим сделал так, чтобы его экзоскелет выплюнул искореженную конечность Хвостокола и постарался прокусить противнику правый бок, где в бронированной кабине сидел брат Аптекарь.

Но тот тоже не дремал. По плечам Челюсти с жарким электрическим шипением начал хлестать боевой хвост, стремясь выжечь Максиму последний визор.

В тот же миг Челюсть вырвал кусок обшивки из правого бока Хвостокола. Под ней открылась дверь пилотской кабины... От-

туда выдвинулся на телескопической штанге кумулятивный заряд и срезал Челюсти то, что было ее главным оружием – собственно, огромные челюсти. Увы, это была последняя информация, доставленная видеосенсором механоида: бронестекло единственного оставшегося объектива испарилось в сиянии вольтовой дуги Хвостокола.

Максим скрючился в кабине, ожидая худшего – вот сейчас пила-манипулятор Хвостокола вскрыет его кабину как консервную банку. Затем, согласно правилам дипломатического поединка, брат Аптекарь обратится к трибунам с вопросом – помиловать проигравшего или обречь на смерть.

Если рядовые члены «Танцоров вечности» сочтут, что Максим – парень неплохой и дрался более-менее, в связи с чем поднимут вверх большие пальцы правых рук, то его, Максима, оставят в живых (хотя и сочтут проигравшим). А вот если народ проголосует против, посчитав трусом и подлецом, пила-манипулятор врежется в его, Максима, грудь и разрежет сердце пополам. Смерть будет быстрой, хотя и очень мучительной...

Однако вместо всего этого за бортом воцарилась подозрительная тишина. Ослепший Максим не видел, что происходит. Однако чувствовал, что Хвостокол как будто замер. Словно замерз, облитый специальным эндотермическим, замораживающим составом (эта зрелищная опция имелась в ассортименте у экзоскелета Айсманн, но у Челюсти ее не было).

Так прошла минута.

И тогда Максим понял – просто каким-то шестым чувством – что пора покинуть брюхо механоида. И выйти на арену.

Они стояли друг перед другом, тяжело дыша. Поодаль грохотались горы дымящегося искореженного металла – все, что осталось от грозных боевых экзоскелетов. Кумулятив-

ный заряд, расправившись с челюстями Челюсти, заодно добил и Хвостостола, полностью отрезав тому хвост. Железо не выдержало борьбы. Теперь ее исход предстояло решить людям.

Брат Аптекарь сжимал два кинжала. Максим тоже вытащил свое оружие из ножен. Облечение у них было одинаковым: набедренные повязки, железная перчатка на левой руке.

Но вооружены они были асимметрично. Если брат Аптекарь располагал двумя кинжалами, то Максим – одним тесаком. Не особо длинным, но способным наносить страшные рубящие удары.

Стальная гарь, стелющаяся над ареной, в других обстоятельствах показалась бы Максиму совершенно непереносимой. Но после тесного склепа водительской кабины, который запросто мог стать его последним прибежищем на этом свете, Максим наслаждался каждым мгновением на открытом пространстве. И удушливый дым, исходяемый изувеченными машинами гладиаторов, его нисколько не смущал.

Единственное – он не имел практически никакого опыта рукопашных схваток. Оружие пилота – его корабль. А никак не допотопный тесак и кулаки.

– Слушайте! – пророкотал голос брата Сокола. – Мы видели, что Семь Сил благосклонны к обоим храбрецам! Но правда одна! А значит победитель должен быть один! Так пусть судьбу поединка решит рукопашная схватка!

Стоило прозвучать этой фразе, как брат Аптекарь, даже не перехватывая кинжал поудобнее, метнул его в Максима. И в тот же миг бросился на соперника, стремительно сокращая дистанцию.

Время для Максима словно остановилось. Кинжал брата Аптекаря завис в воздухе. Вопли зрителей обернулись басовитым гулом. А перед глазами вдруг возник серебристый

Лев. Фигурка казалась живой. Она манила, звала: «Достань, возьми, сожми в руке! Ну же!».

Максим вспомнил слова товарища Альфы. Сунул руку в приотворенный к поясу пластиковый бокс, где лежали его документы и Лев. Достал фигурку. Руку свело ледяной судорогой. Дыхание выровнялось. Исчез страх.

Он понял, что победил. А брат Аптекарь, взглянув в разноцветные глаза противника, увидел там свою смерть.

Тело Максима неожиданно зажило своей собственной жизнью. Молниеносным выпадом левой руки, облаченной в железную перчатку, он отбил летящий кинжал. И, полностью доверившись своей интуиции, сделал один шаг вперед, а затем два быстрых – назад.

Эта почти танцевальная фигура сбила с толку брата Аптекаря и удар его кинжала пришелся в пустоту.

Максим спокойно и уверенно контратаковал.

Захват левой рукой – чтобы отвести острие кинжала вбок.

Ногой – по коленной чашечке.

И гардой тесака – в скулу.

В последнее мгновение он принял решение пощадить противника. Поэтому брат Аптекарь отделался всего лишь переломом челюсти. В противном случае лезвие тесака наделало бы таких дел, что не спасла бы могучего гладиатора «Танцоров вечности» и голубая кровь, известная своими дивными заживляющими качествами.

Болевой шок! Брат Аптекарь замер.

Судя по всему, он уже потерял сознание, но еще не успел упасть.

Но Максим, не доверяя опытному противнику и не желая стать жертвой какой-либо уловки, врезал ему под дых с левой руки, утяжеленной железной перчаткой.

Над ареной воцарилась неправдоподобная тишина. Зрители безмолвствовали. Все произошло настолько быстро, что никто

толком не понял, что случилось. На покрытой подпалинами, сплошь залитой гидравлической жидкостью арене лежал поверженный брат Аптекарь.

Над ним стоял Максим, еще не верящий своему счастью. Это нельзя было назвать техникой. Это нельзя было назвать умением. Только отвага, именно безумная отвага, дарованная ему Львом (о, как прав был товарищ Альфа!), укрепила его дух и позволила с ледяным хладнокровием одержать эту великолепно красивую победу.

Комментатор поединка брат Сокол – при всем своем громадном опыте – тоже молчал. Правильные слова не шли к нему.

Максим наклонился к брату Аптекарю, проверил пульс. Распрямился. Улыбнулся. Повернулся к ложе Сестер-Торпедоносцев.

– Братья и сестры, – сказал он (голос звучал слабо, но в воцарившейся замогильной тишине его слышали все), – дипломатический поединок окончен. Я победил. Но даже не пытайтесь просить меня, чтобы я его прирезал.

ЭПИЗОД 10

Судный день летающего города

Тропосфера Сатурна, летающий город Аэрополис, февраль 2469 года

Как только бой закончился, Максима осмотрел врач. На скорую руку он залепил биоклеем несколько порезов, обработал «холодком» все ушибы и синяки.

Затем Максима отвели в гидромассажную капсулу, которая за десять минут сняла усталость и привела его в отличный тонус. Наконец, миловидные девицы принесли Максиму два комплекта одежды. Один комплект оказался вычищенным летным комбинезоном, в котором он прилетел в Аэрополис. А вот второй комплект представлял собой нечто неопишное: светло-желтую хламиду с красной каймой, широкий пояс и добротные кожаные сандалии.

– Брат, – обратилась к нему коротко стриженная жгучая брюнетка с озорными глазами, – если ты хочешь выказать уважение нашим традициям, мы рекомендуем тебе облачиться в эти посольские одеяния. Однако мы, «Танцоры вечности», исповедуем полную свободу личности, поэтому брат Молот простит тебя, если ты откажешься от посольской тоги и останешься в своем комбинезоне.

«Они боятся всяких миниатюрных шпионских и диверсантских штучек, которые могут быть спрятаны в моем комбинезоне, – догадался Максим. – Поэтому и подсовывают мне свой, проверенный комплект одежды... Что ж, нет смысла лишний раз злить брата Молота, надо соглашаться».

– Сестра, я с удовольствием уважу ваши традиции. Но обещаю, что помогу тебе разобраться со всем этим добром. Я, честно говоря, не умею носить... эту... как ты сказала?..

– Тогу, – ответила брюнетка с улыбкой.

Когда все вопросы туалета были улажены, Максим вошел в самую помпезную трапезную Аэрополиса, которая именовалась Титановым Залом. Именовалась не просто так, а потому что стены трапезной были обшиты некрашеным листовым титаном. Он имел природный синеватый отлив. Казалось, воздух Титанового Зала наполнен таинственным холодным свечением.

В трапезной был накрыт огромный круглый стол.

Подобной сервировки Максим никогда не видел! В центре стола громоздились несколько утесов, окруженных по периметру водоемом, заполненным шампанским. Тут и там, на отдельных островках посреди этого пьяного моря возвышались груды вареных кальмаров, омаров, креветок, куски тунца, устрицы и мидии. Каждая тарелка представляла собой створку огромной раковины, и даже вилки были зачем-то выполнены в морской стилистике, с выпуклыми якорьками на рукоятках.

За столом восседали представители двух особо приближенных к брату Молоту конгрегаций – Сестер-Торпедоносцев и Братьев-Истребителей. Посредине важно беседовал с иерархами «танцоров» сам лидер братства. Завидев Максима, он поднялся ему навстречу и жестом пригласил за стол.

Разумеется, Максим не мешкал ни секунды. После жестокой схватки на арене есть хотелось просто-таки зверски!

Когда сотрапезники смели с островов посреди шампанского океана самые вкусные морские деликатесы и подняли три дежурных тоста, лидер «Танцоров вечности» решил перейти к существу вопроса.

– Ну что же, брат, – он протокольно улыбнулся Максиму, – на арене ты убедительно доказал свою дипломатическую состоятельность и теперь можешь говорить.

Максим чуть помедлил и ответил:

– Я надеялся, поединок докажет не только мою «дипломатическую состоятельность», но и справедливость моих требований... Точнее, требований «Армии пробуждения», которую я представляю.

– В самом деле, – брат Молот степенно кивнул, – подтверждаю, что перемирие между нашими организациями достигнуто. И твоя победа этот статус-кво закрепила. Мы готовы к переговорам. Обсуждаться будет следующий вопрос: на каких условиях ваш клан войдет в армию «Танцоров вечности»? Ведь вы ищете мира вовсе не для того, чтобы просто находиться с нами в состоянии мира? Правильно я тебя понимаю?

Максим вздрогнул.

«Лучше бы товарищ Альфа дал мне не Льва, а другую какую-нибудь вещь, – грустно подумал он. – От которой героем не становишься, зато начинаешь ориентироваться в хитросплетениях всех этих дипломатических сетей! Спасибо еще Соне, водила меня в дискуссионный клуб! Там хоть немного пообтесался!»

– Мы ищем мира с вами, – осторожно сказал Максим, – потому что нам не нужна война. С вами.

Брата Молота этот ответ вполне устроил. Он хватил по столу своим кубком и азартно воскликнул:

– Верно! Верно, брат! Но ты обозначил вашу пассивную цель. Однако у Людвига... я хотел сказать, у товарища Альфы, есть еще и вполне определенная активная цель: вместе с нами идти войной на прогнившую олигархию, демагогически именуемую Объединенным Человечеством! Далее покончить с этим политическим режимом навсегда и объединить людей уже по-настоящему! Под знаменами равенства и творчества! Ведь так?

– Конечно, – Максим оживленно закивал. – Так меня и напутствовал наш вождь товарищ Альфа! Извини, брат Молот, я

после боя на арене еще не очень хорошо соображаю, – Максим улыбнулся как можно обаятельнее. – Поэтому не сразу понял, к чему ты клонишь.

Несмотря на вроде бы неформальную обстановку, его улыбку не поддержала ни одна из Сестер-Торпедоносцев. Не говоря уже о Братьях-Истребителях, которые вообще все время смотрели на Максима волками. Казалось, и первые, и вторые терпят посланца «Армии пробуждения» только из уважения к брату Молоту и его странным капризам.

– Хорошо, – кивнул Максиму лидер «Танцоров вечности». – В таком случае, мы готовы выслушать конкретные предложения товарища Альфы. Надеемся, ты не забыл их, пока дрался на арене?

– Нет. Товарищ Альфа предлагает тебе слияние на паритетных началах. Это означает, что наши организации выставят равные по силе и оснащенности контингенты, которые будут использованы для борьбы с войсками так называемого Объединенного Человечества. И когда мы склоним лунно-марсианскую олигархию к проведению честных, истинно демократических выборов, вы оба будете баллотироваться на пост Оберпротектора Колоний. При этом между вами будет подписан протокол о том, что победитель на выборах...

Но брат Молот не дослушал:

– Довольно! «На паритетных началах»! «Честные выборы»! Да понимаешь ли ты, что несешь, мальчишка?!.. А главное, понимает ли твой смешной идеалист Людвиг ван Астен, что такое выборы в реальных условиях лунно-марсианской олигархии?!!

Брат Молот больше не мог усидеть на месте. Он вскочил и, шумно отодвинув свое кресло, пробежался по залу, по-бычьему низко наклонив голову и заложив руки за спину.

В дальнем конце зала он резко развернулся, выбросил правую руку вперед и, потрясая сжатым кулаком, выкрикнул:

– «Честные, истинно демократические выборы»! Да это химически чистое безумие! Демократия – это власть денег! На демократических выборах всегда побеждает тот, у кого их больше! Кто держит в руках СМИ. Кто владеет технологиями. Кто может купить эфирное время. Никогда! Ни! При! Каких! Условиях! – с каждым словом кулак брата Молота поднимался и опускался, точно молот, будто бы разбивая на куски, в прах невидимого врага. – Нельзя! Соглашаться! Играть! В игры! Олигархов!

От лидера «Танцоров вечности» по залу расходились тугие волны могучей воли, гнева, психоза. Максим заметил, что дыхание Сестер-Торпедоносцев заметно участилось, теперь они внимали своему вождю с самыми экстатическими лицами. Братья-Истребители хищно улыбались.

Это был провал миссии. Провал всего.

Брат Молот широкими шагами вернулся из дальнего конца зала и продолжал, несколько сбавив тон:

– Слушай же, брат, и запоминай. Да, мы располагаем самыми вескими аргументами для наших врагов. Такими аргументами, которые могут заставить их согласиться хоть на выборы, хоть на введение абсолютизма. Имена этих аргументов совпадают с названиями марсианских спутников: Фобос и Деймос, Страх и Ужас...

Максим почувствовал, что если сейчас не вставит хотя бы пару веских слов, то превратится в статиста на этом бенефисе лидера «Танцоров вечности».

– погоди, брат, – предупредительно выставив ладонь, Максим тоже поднялся, всем корпусом оборачиваясь к брату Молоту, – ты обрушился с резкой критикой на идею выборов. Я полагаю, у вас с товарищем Альфой еще будет много времени, чтобы обсудить эту концепцию... Я бы хотел, чтобы мы сейчас сосредоточились на главном условии мира: на формировании военной коалиции. И на взаимном признании

равных прав на переустройство Солнечной системы после победы.

– Равные права? – лидер «Танцоров вечности» насмешливо заломил бровь. – Равные? Как это возможно, брат? Разве вы равны нам? Что вы сделали в этом году для борьбы с лунно-марсианской олигархией?! А нами, да будет тебе известно, уже начата стратегическая операция «Комета»! Да, комета Шпитц-11 уже направлена нами на Марс! Она сотрет в пыль всю вражескую инфраструктуру на этой планете! Космодромы! Заводы! Города! Все без исключения!

Максим оторопел.

– Не понял... Комета?.. Но зачем?!.. Ее наверняка уничтожат лазерные орудия противокосмической обороны!

– Не уничтожат, будь уверен. И один лишь этот факт покажет, что наш военный потенциал в разы превосходит ваш!

– Пусть так, но... зачем... – Максим с трудом подбирал слова, – зачем вы устраиваете такой жуткий... чрезмерный... террористический акт? Ведь могут погибнуть сотни тысяч людей! Невинных людей!

Брат Молот зло сузил глаза.

– Олигархи должны увидеть всю серьезность наших намерений. Уничтожив губернаторство Марс, мы выдвинем ультиматум. Мы заявим, что объектом нашей следующей атаки станет Луна. И вот после этого ультиматума... – брат Молот обвел взглядом своих сидящих за столом соратников, которые по-прежнему жадно ловили каждое его слово, – после этого ультиматума начнется настоящая революция. Народ больше не станет терпеть воров-олигархов, которые не в состоянии обеспечить даже самое насущное: безопасность! Волна революции сметет и «Беллону», и Оберпротектора, и Ассамблею Колоний! Да, братья и сестры, только так, через Ужас и Страх, можно воззвать к тому немногому человеческому, что еще осталось в душах заводских рабочих и офисных служащих Луны и Марса!

Только так и можно вырвать рабов телевизоров и супермаркетов из их скотского состояния!

Все братья и сестры разразились аплодисментами, словно дело было на официальном митинге. «Похоже, не договоримся, – мрачно подумал Максим. – Что же делать? Какие еще аргументы привести?»

Неожиданно в трапезную, тяжело прихрамывая, быстрым шагом вошел брат Каменщик, командир крейсера-дисколета «Гималаи», который несколько часов назад пострадал от подрыва на ядерных фугасах «Армии пробуждения». Вид у него был весьма свирепый, а серьезность намерений дополнялась пистолетом в правой руке.

– Где этот мерзавец? – спросил он негромким, севшим от бешенства голосом.

И, заметив наконец Максима, сам же себе ответил:

– Ага, вот он!.. Братья и сестры, корабль этого... атаковал мой крейсер! И не чем-нибудь, а термоядерными зарядами!

– Чистыми зарядами, – уточнил Максим, словно бы это что-то меняло.

Брат Молот поглядел на него как на говорящую сколопендру:

– Так это правда? Ты сперва пытался подорвать наш новейший крейсер, а потом как ни в чем не бывало пришел сюда говорить о мире? Хорош дипломат.

– Я бы хотел подчеркнуть, – Максим старался, чтобы его голос звучал как можно тверже, – что от лица «Армии пробуждения» я действовал лишь во втором случае, когда просил о заключении мира. А ваш крейсер-дисколет я атаковал по собственной инициативе. Потому что я был свидетелем того, как вы бесцеремонно отобрали нашу ресурсную базу в секторе Троянцев Юпитера! И считал, что вы должны понести за это справедливое наказание!

– Болтовня! – выкрикнул брат Каменщик, подходя к Максиму вплотную. – Никто и никогда не будет безнаказанно взрывать мины на курс моего крейсера!

– Вынужден согласиться со своим братом, – ледяным тоном сказал брат Молот, всем телом повернувшись к Максиму. – Я снимаю с тебя дипстатус.

И коротко приказал:

– За борт.

В трапезной появилась четверка автоматчиков. С Максима сорвали тогу и грубо толкнули к выходу. Конечно, сопротивляться было бесполезно. Унижаться перед братом Молотом, что-то пытаться ему объяснить – и подавно.

«А ведь обидно! – подумал Максим. – Прав был товарищ Дементьев! Переговоры с этими психами бессмысленны! Сразу надо было гасить Аэрополис из всех калибров! Да что там «гасить»! Даже если бы я таранил Аэрополис на «Барракуде», и то проку было бы в сто раз больше! А так и мира не добился, и пропаду почему зря...»

Дальнейшие события походили на сон – сумбурный и быстрый.

Когда Максим находился в одном шаге от выхода из трапезной (в спину его толкали автоматчики, шествие возглавлял брат Каменщик), внезапно погас свет.

Весь свет. Вообще.

В следующий миг тьму трапезной прорезали две ярчайшие вспышки.

Сильная ударная волна, несущая осколки бокалов и брызги шампанского, властно вышвырнула Максима в коридор.

Таким образом Максим – помимо своего желания – обнаружил себя сидящим верхом на брате Каменщике. Поскольку после двух вспышек все вновь погрузилось во тьму, ориентироваться приходилось на ощупь и на слух.

Звуковая информация ограничивалась несколькими громкими хлопками аварийно закрывшихся герметичных дверей.

Брат Каменщик, похоже, при падении получил какое-то серьезное ранение – по крайней мере, он не шевелился, а пальцы

Максима почти сразу наткнулись на лужу горячей крови. Максим нашарил в темноте пистолет брата Каменщика. На ощупь проверил наличие обоймы и положение предохранителя.

Вдруг под потолком включился ряд тусклых аварийных лампочек. Максим огляделся. Коридор был пуст до самого конца и заканчивался внушительного вида гермодверью. Он обернулся к трапезной. Та же картина – захлопнувшаяся гермодверь.

«На борту Аэрополиса был взрыв... – попытался провести анализ Максим. – Как минимум один... Он произошел то ли в самой трапезной, то ли по соседству... Покушение на брата Молота? Вполне вероятно. Теперь в любой момент может нагрянуть аварийно-спасательная партия...»

И партия действительно нагрянула!

Гермодверь, ведущая в трапезную, вдруг отъехала в сторону и ураганный ветер властно повлек Максима обратно – туда, откуда он был полминуты назад вышвырнут взрывной волной. Там, в трапезной, не горело даже аварийное освещение.

Зато там были люди. Неизвестные люди, облаченные в боевые спецназовские экзоскелетные скафандры. И у этих скафандров, конечно же, были мощнейшие фары. Которые сразу же метнулись к Максиму и ослепили его.

Но чей это спецназ?! Неужели «Беллоны»?!

Чтобы не быть втянутым в трапезную ураганным ветром истекающего за борт Аэрополиса через внушительную дыру воздуха, Максим упал ничком. Над ним склонились три бойца неведомого штурмового подразделения.

Один из них на всякий случай держал его под прицелом. Другой протянул ему дыхательную маску. Третий, сбросив со спины компактный плоский рюкзак, извлек из него легкий гермокостюм.

Все это произошло крайне своевременно, потому что от перепадов давления и дефицита кислорода у Максима уже плясали перед глазами малосимпатичные кровавые черти.

Незадачливый дипломат, благодарно кивая, дескать «понял, понял!», натянул дыхательную маску заодно с мягким шлемом-наголовником, в который было встроено переговорное устройство, и начал одеваться.

– Ты Максим Верховцев, верно? – услышал он в наушниках. Не приходилось сомневаться, что с ним говорит ближайший спецназовец.

– Да.

– Хвала Справедливости! У нас три – подумать только, три! – приказа! И все одинаковые: вытащить отсюда Максима Верховцева живым или мертвым!

– «Или мертвым»? – мрачно переспросил он. – Так вы все-таки работаете на «Беллону»?

– Да нет же, болван! Мы – Отдел Особых Действий «Армии пробуждения»! Я – товарищ Дельта, заместитель начальника ООД!

С этими словами командир спецназовцев, устав наблюдать мучения Максима, самолично запихал его руки в рукава гермокостюма и едва ли не за шиворот потащил за собой.

– Но почему, почему мертвым? – не унимался Максим, будто в той ситуации это было самым важным!

– Ох, парень, я смотрю, крепко тебя контузило! Да потому что нам было приказано искать тебя со всей тщательностью! И если, не дай Бог, что – наше тщание мы должны подтвердить хотя бы твоей тушкой! Со всем содержимым.

«Ой ли, – пронеслось по окраинам сознания Максима. – А вообще во мне ли дело? А не в том ли, что на (или в) моей тушке висит одна очень странная вещь, прямо скажем – Лев? И этот Лев превращает своего владельца из обычного человека в героя? И он куда ценнее, чем я сам?»

– Очень лестно, – пробормотал он вслух. – Но как вы сюда проникли?!

– На «Колибри»... Ты, кстати, шевели копытами, дружище, нам еще бежать и бежать.

– «Колибри»? – Максим испытал укол ревности. Ведь это же была его, его любимая птичка! И пилотировать ее должен только он! Он, личный пилот товарища Альфы!

– Только у «Колибри» есть стелс-генератор! И только «Колибри» могла подлететь к Аэрополису незамеченной! Поэтому товарищ Бета отдал приказ использовать «Колибри».

«Генератор невидимости? Хм... Так вот что мы вывезли последним рейсом из безумных подземелий Умбриэля!»

В общем и целом Максиму теперь все было ясно, кроме одного:

– Но почему мы все-таки решили атаковать?! Кто отдал приказ?! Откуда вам было знать, а вдруг я заключил с братом Молотом мир?!

– Я знаю только одно: брат Молот мертв. Остальное обсуждать некогда. Нам бы выбраться отсюда...

Если чудесное спасение Максима силами Отдела Особых Действий развивалось по законам странного, но в целом счастливого сновидения, то дальнейшие события устремились в русло рваного кошмара.

«Колибри», которая десантировала штурмовую партию прямо на протяженный балкон, образованный крышей прогулочной галереи, удержаться у борта Аэрополиса не смогла и, не имея других возможностей, из-за нехватки топлива ушла на орбиту.

Это означало, что штатного средства эвакуации, предусмотренного планом, нет.

В то же время две других диверсионных группы ООД завершили минирование центрального ствола Аэрополиса. Летающий город «Танцоров вечности» был обречен. Это, помимо прочего, означало: партия войны в верхушке «Армии пробуждения» одолела партию мира.

Первая организованная группа вооруженных до зубов «танцоров» вышла на группу спецназовцев и Максима минут за десять до взрыва.

Грянул бой.

В ураганной перестрелке никто не заметил, как занялся пожар. Вскоре палуба уже накалилась настолько, что на ней можно было жарить стейки.

Максим толком даже не понял, когда он, товарищ Дельта и еще трое бойцов успели провалиться в какой-то вонючий лаз. Возможно, это был мусоропровод, а, возможно, вентиляционная шахта, густо заросшая белесыми дурнопахнущими марсианскими грибами.

В любом случае, они худо-бедно оторвались от преследователей и попали на палубу нижней гондолы Аэрополиса. Которая, как смутно помнил Максим, выполняла функции кораблестроительного завода.

– Авиетки! Ищите авиетки! – гаркнул товарищ Дельта. – До подрыва зарядов осталось чуть больше пяти минут.

Разогнав несколькими автоматными очередями толпу ремонтников (которые, судя по дыхательным аппаратам и огнетушителям, были подняты по тревоге на борьбу с пожарами), они пересекли бескрайний монтажный цех.

Ничего, даже отдаленно похожего на ангарную палубу или на одиночный шлюз видно не было. И все-таки великолепная подготовка бойцов Отдела Особых Действий сказала свое веское слово! Один из них дважды выстрелил из плазмомета в ближайшую переборку.

Взрывы, вой сирен, пожарная тревога.

Тут же на стенах и на потолке загорелись яркие красные стрелки. Они показывали маршрут экстренной эвакуации с палубы. Весьма неочевидный маршрут, следует заметить, поскольку стрелки уперлись в глухую переборку. Созвездие светодиодов, которые должны были зажечься и составить надпись «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД», отчего-то осталось безжизненным. И только неброская надпись на одной из панелей гласила, что здесь надо выдернуть четыре заглушки, повернуть скрывающиеся под ними четыре рычажка...

В общем, вслед за последовавшим хлопком пиропатронов перед ними открылся лаз, перемещаться по которому можно было лишь скрючившись в три погибели. Зато лаз закончился прямо в воздушном шлюзе, где выстроились в ряд два десятка разнокалиберных авиеток!

Там пришлось выдержать еще одну тяжелейшую перестрелку.

Группа товарища Дельты вконец истаяла. Теперь в ней остались только сам товарищ Дельта и Максим.

И все-таки, матерый волк Отдела Особых Действий мог гордиться: он выполнил приказ.

Максим, путаясь в кнопках и рычагах управления, с огромным трудом заставил взлететь и правым виражом отойти от борта «Аэрополиса» захваченную авиетку. К слову, она была настолько допотопной модели, что знаток истории космонавтики мог бы спутать ее по силуэту с российским челноком «Орел» XXI века!

– Ищи в эфире наших, срочно, – приказал он товарищу Дельте.

Да-да! Теперь, когда Максим оказался за штурвалом корабля, он временно стал главнее всех, первым после Бога, и имел полное право приказывать кому угодно, в том числе и своему спасителю.

– Погоди... Дай хоть дух.... перевести, – взмолился командир спецназа ООД, тяжело дыша.

– Некогда. У нас сигнатура «чужой». Мы сейчас «чужие» для всех кораблей «Армии пробуждения». А наши сейчас будут валить все, что увидят. Так что давай, сканируй по частотам, пока нас не сбили.

– Выполняю, – проворчал товарищ Дельта.

Крупнейший летающий город из всех, когда-либо построенных в Солнечной системе, был явлен сейчас во всей красе: от

навигационных радаров на мачтах, венчающих аэростатические баллоны, до пристыкованного к нижнему portalу черного дисколета, вдоль борта которого краснели стометровые буквы в белой обводке: «ГИМАЛАИ».

Лучи закатного Солнца, прошедшие сквозь ущелья в облачных массивах, позолотили облицованный полированной термозащитой центральный ствол Аэрополиса, на который были нанизаны, одна под другой, три его эллиптические гондолы.

– Не понял, – сказал товарищ Дельта.

– Что?

– Не понял, – повторил он. – Я что, разменял сорок своих человек на одного тебя?

Товарищ Дельта посмотрел на Максима с ненавистью.

– Почему Аэрополис до сих пор цел?! – выкрикнул он. – Почему?!

Вместо ответа Максим ткнул пальцем в направлении центрального ствола Аэрополиса.

Он указывал на один изъян: тонкий черный штрих пересекал весь несущий ствол. Вдоль трещины ползли еле заметные – в общем масштабе – струйки ядовито-желтого дыма.

В следующий миг трещина рывком увеличилась до устрашающего сквозного зияния. И тут же стало ясно, что Аэрополиса как единого целого больше не существует.

Его наполненные гелием жесткие аэростатические баллоны устремились вверх, в стратосферу. А тяжелые гондолы и состыкованный с инженерной палубой крейсер «Гималаи» провалились вниз, в раскаленные водородные тартарары. Чтобы сгинуть бесследно.

ЭПИЗОД 11

Комета

Район Марса, крейсер «Справедливый», март 2469 года

Комета Шпитц-11 была открыта жителем Четвертого Рима, немецким астрономом-любителем по фамилии Гроссман, сорок лет назад и названа им в честь любимой девушки Марты Шпитц. Это была одиннадцатая комета, названная Гроссманом в честь Марты, которая, к слову сказать, в итоге все равно отказалась выйти за него замуж.

Даже с учетом всех мыслимых возмущений, вносимых в ее движение Солнцем и планетами-гигантами, красotka Шпитц-11 никак не могла оказаться в окрестностях Марса (равно как и любой другой обитаемой планеты). Комета считалась совершенно безопасной. Но вдруг случилось невероятное – она изменила траекторию движения и теперь мчалась наперерез красному шару с ошеломительной скоростью 123 километра в секунду.

Несмотря на то, что комета обещала через восемь суток обрушиться ровно в центр Великого Северного океана планеты Марс и одним махом уничтожить всю биосферу, никто не паниковал. Две новейшие батареи гигаджоульных лазерных пушек, смонтированных на орбитальных крепостях «Слава» и «Победа», могли играючи распылить на молекулы и три таких кометы за раз. О чем главнокомандующий Космофлотом генерал-полковник Терехов сообщил губернатору Марса Ивану Аристарховичу Петровскому.

Пока в СМИ велись дискуссии о том, что случилось со Шпитц-11, пресс-служба губернатора с помпой объявила дату и

точное время расстрела кометы. А все астрономы-любители, не говоря уже о профессионалах, вперяли свои объективы в тускло мерцающую пришелицу из окрестностей Сатурна.

Разумеется, нашлись и пессимисты.

Одни не верили в силу новейших гигаджоульных лазерных орудий – ведь их ни разу не использовали в реальной боевой обстановке.

Другие считали, что губернатору, который досиживал второй срок, давно пора в отставку. Дескать, человек, который не способен остановить рост безработицы, и подавно ничего не сможет поделывать с кометой.

Третьи без всяких аргументов были уверены в том, что все к худшему в этом худшем из миров. Ожидать чего-либо хорошего не следует, потому что хорошего ожидают только идиоты.

Что же касается масс-медиа, то они, захлебываясь от восторга, описывали ужасы наихудшего сценария: падение кометы Шпитц-11 на поверхность Марса.

Красочные компьютерные модели показывали, как двухкилометровая ледяная пуля пробивает особо тонкую в районе Северного полюса шкуру планеты и, вгрызаясь в ее каменную плоть, гонит через весь Марс гиперзвуковые ударные волны. Они вышибают вековые лавовые пробки из крупнейших в Солнечной системе вулканов – Олимпуса, Аскреи и других. Каждый вулкан взрывается, подобно десяти тысячам водородных бомб. Огненные валы несутся по планете, испепеля Четвертый Рим, Офир, Китежград – в общем, все знаменитые мегаполисы Марса. Наступает глад, мор и скрежет зубовой.

Разумеется, все это делалось отнюдь не для того, чтобы распалить панические настроения. А ради достижения дешевого драматического эффекта – дескать, вот что было бы, дорогие налогоплательщики, если бы у нас не было крепостей «Слава» и «Победа».

На фоне всей этой истерии осмотрительный генерал Белов, основатель и бессменный командир легендарной бригады «Беллона», при первых же новостях о неестественном поведении Шпитц-11 начал спешно подтягивать к Марсу сразу пять крепостей Погранслужбы – специального рода войск, предназначенного для борьбы с потенциально опасными метеорами и кометами.

Белов нутром чуял – что-то неладно, что-то случится...

И вот наступил «день Ч».

Крепости «Слава» и «Победа», размещенные ради вящей зрелищности на близких синхронизированных орбитах, выползли из-за горизонта и взошли над Четвертым Римом великолепной двойной звездой.

Комендоры заняли места за пультами управления гигаджоульных пушек. Километровой длины стволы, украшенные толстенными катушками ускорителей, на шаривали в темной бездне цель.

На крепостях сыграли боевую тревогу.

Губернатору Марса Ивану Петровскому, который четыре предыдущих часа давал интервью ведущим телеканалам Солсиса, принесли седьмую за эту ночь чашку эспresso.

Восемь термоядерных электростанций военного ведомства, расположенные в районе разлома Эхо, богатого гелиевыми песками, вышли на полную мощность.

Энергоприемники обеих крепостей приготовились к приему адской энергии наземных термоядерных электростанций и ее перекачке непосредственно к монструозным пушкам. Командиры орудийных башен – каждый в чине подполковника – отрапортовали о готовности генералу Терехову.

Тот понимающе кивнул в многочисленные камеры, сделал скучное лицо и небрежно обронил давно отрепетированную фразу, рассчитанную на попадание в учебники:

– Кончайте с нею, пора завтракать!

Полковники взяли под козырьки. Комендоры прикинули к экранам прицелов. Энергетики отрапортовали о полной готовности. Все пушки выстрелили одновременно. К комете Шпитц-11 устремился поток энергии невиданной мощи.

В глазах каждого из членов экипажей орбитальных крепостей сияла уверенность в том, что ни одно небесное тело не сможет устоять против такого воздействия. Поэтому никто из них не удивился, когда поступили первые доклады с постов оптического наблюдения.

– Цель исчезла!

– Цель не просматривается!

– Цель пропала из оптических визиров!

– Я одного не понимаю, господин подполковник, – обернулся к командиру артиллерийской башни «Б» крепости «Победа» инженер-энергетик капитан Вулич. – Почему не наблюдалась вспышка? По всем расчетам мы должны были увидеть взорванную комету Шпитц-11 как звезду первой величины!

– Я и сам бы не возражал это знать, – мрачно пробормотал командир, вслушиваясь в эфир.

И вдруг его наушники затопил поток нервных докладов:

– Господа, она вернулась! Вернулась!

– Визир предположительно неисправен! Комета выглядит невредимой!

– Господа, с кометой решительно ничего не случилось!

– Да у нас коллективные галлюцинации!

– Отставить коллективные галлюцинации! Местоположение кометы подтверждено радаром. Она цела!.. И у нее... у нее появились два спутника!

Если бы брат Молот, задумавший и спланировавший этот теракт, присутствовал на борту крепости «Слава», он был бы очень горд собой. Реакция на вдруг обнаружившуюся неуязвимость кометы превзошла все самые смелые ожидания «Танцоров вечности».

Губернатор Марса, известный своей невозмутимостью, побледнел как полотно. Генерал Терехов, чья неторопливость вошла в поговорки, забежал по бронепалубе, будто ему в вену впрыснули тройную дозу боевого стимулятора! А уж как орал в тангенту обычно спокойный генерал Белов...

Конечно же, крепости повторили залп, как только были перезакочаны с наземных электростанций их чудовищные тераваттные энергонакопители – то есть спустя двести секунд.

Но радары были неумолимы: комета Шпитц-11 продолжает свое движение к Марсу в сопровождении двух металлических неопознанных летающих объектов переменного диаметра!

– Переменного диаметра?! – раненым буйволом взревел Белов. – Что это значит, хотел бы я знать?!!

– Господин генерал! – вытянувшийся перед Беловым в струнку командир дальномерно-измерительной группы майор Минский был белый как снег. – Это значит, что диаметр целей является переменным!

– Майор!!! Вы что, издеваетесь?! Издеваетесь надо мной, да?!! – Белов был готов гориллой прыгнуть на Минского.

– Никак нет, господин генерал! На момент обнаружения каждая из металлических целей имела поперечник одна тысяча восемьдесят пять метров! Затем их размеры плавно увеличились и достигли двух тысяч трехсот пятидесяти метров! Какими физическими свойствами объектов обеспечивается этот эффект – ни мне, ни моим специалистам доподлинно не известно! – выпалил Минский.

Белов помассировал лоб и с надеждой предположил:

– Возможно... это какой-то тип активных помех?

– Помехи исключены. Мы неоднократно анализировали изображение во всех спектрах. Помехи мы бы отфильтровали...

– Так что же нам, экстрасенсов сюда, в штаб, звать?! – со вновь закипающей в голосе издевкой поинтересовался Белов. – Чтобы они нам гипотез подбросили? Про иные измерения? Про зе-

ленных человечков с антеннами из задницы? Про параллельную физику, где «е» равно «эмцэ куб»?!

– Я думаю... – подавленно сказал Минский. – Вероятно... Это экстремисты?

Генерал Белов в глубине души тоже подозревал, что они имеют дело со старыми знакомцами, будь они тысячу раз неладны. Но впервые за свою долгую карьеру он боялся признаваться себе в этом... Ведь это означает, что уровень технологического развития пиратов – подозрительно высокий, как выяснилось еще в битве на Градусе Забвения – сейчас начинает выглядеть просто-таки пугающим!

Его сомнения разрешил вышедший на связь генерал-полковник Терехов.

– Знаешь что, господин генерал, – сказал он ледяным голосом. – Надоела мне эта викторина. Высылай к комете крейсера. Там, на месте, они сразу разберутся, что к чему.

– Будет сделано! – взял под козырек Белов.

Разумеется, переговоры генерала Белова с генерал-полковником Тереховым Максим не слышал, да и не мог слышать. Но судить о ходе событий он очень даже мог.

Аппаратура крейсера «Справедливый» засекла и залпы сверхмощных лазерных пушек, и тусклые солнышки рассеяния энергии на металлопылевых защитных коконах вражеских дисколетов, и экстренный маневр трех крейсеров, высланных на перехват кометы. Это были пострадавший на Градусе Забвения «Бородин», новейший крейсер «Александр Третий» и нестандартный крейсер-база катамаранного типа «Ксанадуг».

По всему выходило, что у правительственных сил будут лишь сорок две минуты между уверенным опознанием целей и уходом кометы на сноп заперехватных траекторий.

Проще говоря, у тех восьми десятков корветов, которые поднимаются с крейсеров, времени будет в обрез. Его хватит на

сближение, один-два залпа и... и после этого лишь дюжина самых крепких кораблей проекта «Краб-2» и лишь самые физически выносливые пилоты смогут выдержать перегрузки, которые потребуются для того, чтобы быстро развернуться на курс преследования неумолимо ускользающей кометы.

– А это, в свою очередь, означает, – товарищ Дементьев обвел присутствующих взглядом, в котором читалось плохо скрываемое превосходство, – что гениальное предвидение товарища Альфы сбывается в полной мере! Действительно, правительственные силы имеют ничтожно малые шансы уничтожить комету. Марс может спасти только наше решительное вмешательство!

– То есть мы должны работать вместо этих уродов из Космофлота? Так, да? – спросил товарищ Гамма.

Товарищ Дементьев едва заметно скривился. Товарищ Гамма никогда не отличался гибкостью мышления. И если бы не фантастически высокие показатели его артелей по добыче редких металлов на удаленных астероидах, быть ему не «Гаммой», а «Омегой». Но лидеру их организации нравился крепкий хозяйственник Гамма. Поэтому товарищ Дементьев не торопился проявлять свои антипатии чересчур явно.

К счастью, объяснять товарищу Гамме (да и другим тоже) что почем взялся сам вождь «Армии пробуждения»:

– Именно так. Мы должны помочь уродам справиться с кометой. Да, это затратно. Да, опасно. Но это даст нам настоящую власть. Власть над умами. Сейчас внимание каждого жителя Марса приковано к экрану телевизора или сетевому монитору. Все жители Солсиса следят за этой горячей штучкой по имени Шпитц-11. Пройдет еще несколько часов – и жители Четвертого Рима будут навсегда прощаться со своими детьми и молить Бога простить их за тысячу мелких подлостей, что составляли содержание их бесцветных мышинных жизней. Но стоит нам отвести от них очевидную гибель и мы станем популярнее чем

губернатор, популярнее чем генерал Белов, популярнее чем господь Бог! Мы и будем господом Богом в их глазах! И им ничего не останется, кроме как молиться на нас до конца своих бессмысленных дней!

– Ты хочешь сказать, они, я имею в виду клику этих опухших от излишеств капиталистов, отдадут нам власть просто так? Просто потому, что мы избавили их от кометы? – поинтересовалась товарищ Эпсилон, выдавая виды сухопарая блондинка.

Она была одной из первых солдат «Армии пробуждения». По слухам, когда-то у них с товарищем Альфа даже был роман. Товарищу Эпсилон разрешалось многое – например, говорить неприятную правду в глаза, а также устраивать вечеринки с икрой, омарами и шампанским в самом разнузданном капиталистическом духе.

– Нет конечно, Грета. Они не отдадут нам власть просто так, – товарищ Альфа усмехнулся. – Мы заберем ее сами. Посредством выборов.

– Ты полагаешь, мы сможем выиграть выборы? – удивленно спросила товарищ Эпсилон.

– Полагаю, если мы избавим Марс от кометы, выборы у нас в кармане.

Товарищ Дементьев нахмурился, но благоразумно промолчал. Промолчал и Максим. Слушать про выборы на Марсе ему было совсем не интересно.

Его волновало другое: как именно товарищ Альфа собирается останавливать комету? Ведь это не булыжник какой-нибудь! Не авиетка! И даже не крейсер! Это огромное небесное тело, чьи масса и инерция движения очень велики, да просто колоссальны!

Первый в мире фотонный космолет «Справедливый» имел одно фундаментальное преимущество перед всеми участниками дра-

мы, разыгравшейся в тот день на ближних подступах к Марсу: он был фотонным. Это означало, что по тяговооруженности⁴ он в пятьдесят раз превосходит и правительственные крейсера, и даже по-своему уникальные дисколеты «Танцоров вечности».

«Справедливый» мог эффективно разгоняться до трехсот километров в секунду, с такой же легкостью тормозить, разворачиваться и снова мчаться в пять, в десять раз быстрее, чем любое тело Солнечной системы.

А вот те же дисколеты – не могли. Один раз разогнавшись вместе с кометой и направляясь в расчетную точку на орбите Марса, они были обречены сопровождать ее практически до конечной точки маршрута.

Поэтому, когда на радарх в рубках дисколетов возникла отметка от «Справедливого», сестра Бригантина, которая командовала операцией «Комета», оказалась перед нелегким выбором. Либо выставить один из дисколетов как своего рода щит на пути у приближающегося чужака и тем самым ослабить наполовину эскорт кометы, либо... либо не делать ничего, пожившись на счастливую звезду «Танцоров вечности».

Скорее всего, она благоразумно выбрала бы первый вариант, но в этот момент с борта трех малых кораблей передового барража доложили об очередных непрошенных гостях.

Это были «Бородин», «Александр Третий» и «Ксанаду», высланные на разведку.

Бой оказался скоротечен даже по космическим меркам.

Правительственные крейсера разрядили свои ракетные установки сразу же, двумя торопливыми залпами.

Филигранный расчет, проведенный флагманскими комендорами, позволил нанести по комете и дисколетам противника полностью синхронный удар. Все семьдесят четыре корвета дали залп из плазменных пушек «Люй Хо», «Люй Гун» и «Ве-

---

⁴ Тяговооруженность – отношение тяги двигателя к весу летательного аппарата

лизарий» ровно в ту секунду, когда на цели обрушился первый эшелон ракет «Сюрикен». Но желаемого результата эти действия не достигли.

Непроглядные циклоны черной железной пыли, с гиперзвуковой скоростью кружащиеся вокруг вражеских дисколетов, буквально стачивали ракеты «Сюрикен» и джоуль за джоулем растаскивали на лучи и лучики потоки плазмы.

Это казалось мистикой. У видавших виды пилотов шевелились волосы! Но в то же время факт оставался фактом: представляющаяся бездонной темная металлизированная муть вокруг кометы, казалось, могла поглотить без ущерба для себя энергию взрыва тысячи термоядерных бомб!

Ответный огонь с бортов пиратских корветов, внезапно выплывших из молочно-белой кометной короны, тоже был не особо действенным. Да и возможно ли при таких скоростях сближения во что-либо толком попасть! Пострадали лишь пять корветов заслуженной Второй Марсианской флотилии.

Верные присяге пилоты, конечно, продолжали вести огонь в лавиной надвигающуюся черноту. Огонь столь же бессмысленный, сколь и яростный.

Но ничего не менялось. Ни-че-го.

Спустя считанные минуты полностью сбылся прогноз товарища Дементьева: комета, прикрытая защитными полями крейсеров-дисколетов «Тигр» и «Пилигрим», благополучно миновала строй правительственных корветов, а затем разошлась в полусотне километров с ожесточенно лупящим из главного калибра крейсером «Александр Третий» и понеслась на randevu с Марсом.

Теперь и генералы, и рядовые астрономы-любители на Марсе, наблюдавшие за сражением в свои телескопы, могли проникнуться всей тяжестью положения: техника Объединенного Человечества оказалась бессильна, гибель неминуема, самые жуткие прогнозы сделались одновременно и самыми верными...

Средства массовой информации разразились трескучей истерикой. Губернатор Петровский обратился к населению Марса с наскоро написанным воззванием, в котором он призывал сограждан сохранять спокойствие и верить в добрую волю Провидения.

По недосмотру техников в прочувствованную речь губернатора время от времени вклинивались звучные женские рыдания – это, не сняв студийный микрофон, плакала губернаторская супруга.

Рядовой обыватель, и без того находившийся в плохо сдерживаемой панике, принялся спасаться бегством в самых худших традициях человеческого стада.

Стайки авиеток одна за другой покидали космодромы и устремлялись к ближайшим межпланетным орбитальным станциям «Уют-1», «Уют-3», «Уют-6»...

Пробка на серпантине, соединяющем пойму реки Амфитрита с орбитальным лифтом на горе Павлин, достигла длины восемнадцать километров и каждую минуту продолжала прирастать все новыми сотнями авто, грузовых машин и полицейских броневиков.

На последних пытались достичь орбитального лифта – в объезд, по обочинам, по валунам – кое-кто из господ побогаче. Но самые рационально мыслящие и обеспеченные новые марсиане предпочитали, конечно же, коптеры.

Впрочем, и в воздухе было так тесно, что не менее дюжины коптеров погибли в столкновениях, похоронив среди обломков не одну знатную марсианскую фамилию.

В хаосе эвакуации, охватившей все этажи марсианской власти, практически незамеченным осталось донесение с борта «Ксанаду» о том, что обнаружена еще одна неопознанная цель. Она движется с огромной скоростью строго вслед за кометой и нагоняет ее устрашающими темпами!

«Я не знаю, что это, – отметил в конце донесения командир «Ксанаду» полковник Франков. – Мой штурман полагает, что

это вовсе не материальный объект, а оптико-энергетический фантом!»

В иные времена за «оптико-энергетический фантом» в военном донесении могли спокойно попереть с корабля. Но на фоне близящейся катастрофы никому не было дела до подобных мелочей...

«Оптико-энергетический фантом», между тем, был не чем иным, как крейсером «Справедливый».

Изящный фотонный красавец легко разогнался до трехсот тридцати километров в секунду и, временно выключив маршевый двигатель, осторожно развернулся кормовым отражателем вперед по вектору движения.

Дистанция между «Справедливым» и кометой теперь сокращалась со скоростью более двух сотен километров в секунду. Через две минуты ледяное ядро Шпитц-11 настолько приблизится к крейсеру, что его можно будет испепелить фотонно-мезонным потоком.

Если бы сестра Бригантина в ту же секунду отдала приказ дисколету «Тигр» прикрыть комету сзади облаком своей вихревой защиты и открыть огонь по «Справедливому», у «Танцоров вечности» возникли бы шансы сорвать планы звездных борцов.

Но – и даже в этом расчеты иезуитски проницательного товарища Дементьева были верны! – в эти самые секунды дивизион новейших корветов типа «Краб-2» (единственных из всех правительственных кораблей, которым удалось эффективное преследование черных дисколетов) вел бессмысленно отважный бой с пиратскими авиетками перед вихревой защитой крейсера «Пилигрим».

Сестра Бригантина, лично руководившая этим боем, отреагировала на доклады о приближении «Справедливого» (а идентифицирован он не был и фигурировал в докладах как «неопознанный объект искусственного происхождения») только на четвертый раз.

– Да обстреляйте вы его с борта «Тигра» наконец! Проявите инициативу! – грозно рявкнула она своим низким голосом.

Восемнадцать секунд «Тигр» плавно и бережно глушил генераторы вихревой защиты. Двенадцать секунд густой рой железной пыли, окружавшей дисколет, втягивался в контейнеры защитного контура. Одиннадцать секунд башни главного калибра перебрасывали стволы на кормовой ракурс. Девять секунд крейсер подрабатывал ориентационными дюзами, компенсируя тангажом ограниченность углов вертикального наведения лазерных орудий.

Когда прозвучала команда «Огонь!», расстояние между «Справедливым» и кометой Шпитц-11 составляло всего девятьсот километров.

В тот же миг на маршевый фотонный двигатель «Справедливого» было подано зажигание. В полукилометровой чаше отражателя вспыхнуло рукотворное солнце. Вечная тьма космоса отступила, разорванная потоками света. Комета Шпитц-11 была обречена.

Четыре лазерных луча с борта «Тигра» достигли чаши отражателя «Справедливого» на долю секунды после того, как крейсер начал увеличивать мощность фотонного потока. Отражатель был рассчитан на обуздание таких энергий, по сравнению с которыми заряды каких-то там лазерных пушек казались огоньком доисторической лучины.

Поэтому залпа с борта «Тигра» на «Справедливом» попросту не заметили!

А в следующее мгновение самая эффективная реакция во Вселенной – полная аннигиляция материи с высвобождением потока фотонов – выплеснула из фокуса маршевого двигателя крейсера на врага энергию, вырабатываемую термоядерной электростанцией имени космической станции Марс-2 в долине Нанеди за месяц!

Протуберанец солнечной мощи поглотил и комету, и оба дисколета.

«Пилигрим», прикрытый вихревой защитой, засиял яркой звездочкой – это мгновенно испарились тонны железной взвеси, кружившейся вокруг корабля.

Защита «Пилигрима» таким образом была уничтожена, но сам крейсер почти не получил повреждений, если не считать выгорания сенсоров, антенн и оптических элементов контроля.

«Тигру» пришлось значительно хуже.

Потоки энергии прожгли в броневых листах верхней башни главного калибра несколько обширных каверн. Разгерметизировались разом пять отсеков артиллерийской палубы. За счет затекания плазмы в заброневое пространство прогорели уплотнители двух стволов силового кабеля и теперь невеселая тьма первой палубы освещалась лишь пламенем разгорающихся пожаров.

Что же касается кометы Шпитц-11, то испарилась лишь незначительная ее часть. Но за счет неравномерного нагрева комету разорвало на куски, как старую добрую осколочную гранату.

Миллионы осколков, разлетаясь, лишь слегка зацепили «Пилигрим» (которому в тот день продолжало несказанно везти), но изрешетили днище несчастливой «Тигра» в районе стыковочного узла. После этого крупный обломок кометы ударил в борт дисколета и сорвал с креплений двухсоттонный эвакуационный катер. Пробив несколько переборок, катер разрушил фабрику дейтерий-третиевых капсул, что привело к аварийной остановке главного реактора корабля.

– Будь проклят тот день, когда я согласилась на этот план брата Молота! – рыдала сестра Бригантина в боевой рубке на «Пилигриме».

– Я всегда считал это безумием, – согласился брат Весы, пряча искаженное гримасой отчаяния лицо в ладонях.

– И что нам теперь делать, скажи?! – в голосе сестры Бригантины зазвенели истерические нотки.

Да, она была опытным командиром. Но все же она была женщиной!

Брат Весы смог совладать со своими эмоциями. Он посмотрел на сестру Бригантину в упор и бесстрастным голосом сказал:

– Бежать.

Сестра Бригантина коротко кивнула ему в знак согласия и скомандовала в микрофон:

– Всем маршевым – полная тяга. Курс на Юпитер!

Из динамика послышался голос первого помощника, брата Якоря:

– Но как же «Тигр»? Мы что, бросим его на произвол судьбы?

– «Тигр» и его экипаж обречены. Помолитесь за их души, – отрезала сестра Бригантина.

И словно в подтверждение ее слов, царь-пушки крепостей «Слава» и «Победа» дали залп. Теперь-то, после уничтожения «Справедливым» основной массы частиц вихревой защиты, обломки кометы стали им по зубам.

Два крупнейших обломка – каждый размером с трехсотэтажный небоскреб – разлетелись на молекулы.

В том, что следующий на очереди – обездвиженный, изуродованный «Тигр», сомневаться не приходилось.

«Пилигрим» покинул пылающего собрата и скользнул прочь, во мрак.

– Аминь, – сказала сестра Бригантина и, скрестив руки на груди, закрыла глаза.

ЭПИЗОД 12

Шоу Пяти Стихий

Планета Марс, кратер Закона, март 2469 года

Тюремный аэробус, завалившись на крыло, шел на посадку. Максим бросил взгляд в иллюминатор. Далеко-далеко на востоке серебрились воды Великого Северного океана.

Внизу желтели ряды живописных дюн. Совсем близко, в паре километров, начинались концентрические лесопосадки. Кажется, это были рощи генно-модифицированной сосны, выведенной специально для сурового климата не до конца terra-формированного Марса.

Аэробус совершил посадку. Опустился трап. Горячий воздух ударил в лицо Максима. Конвоиры вывели его и товарища Альфу на площадку, вымощенную крупными желтыми плитами.

Площадка располагалась на самом краю Кратера Закона. Вниз уходила длинная широкая лестница. Она вела к месту казни.

Мало кто из жителей Четвертого Рима бывал здесь. Однако благодаря телетрансляциям, чей рейтинг был высок вне зависимости от времени года и политического климата, его знали все.

На дне Кратера Закона располагалась стеклянная печь. Она имела форму большого сосуда с округлыми боками и сравнительно узкой горловиной. Пламя, беснующееся в ней, операторы телетрансляций всегда давали крупным планом с разных ракурсов. Стены печи были изготовлены из невероятно тугоплавкого прозрачного бронестекла. Горловину закрывали створки, которые открывались не вовне, а внутрь.

Приговоренного к смерти ставили на горловину, следовала команда и створки раскрывались прямо в полыхающее пламя. В течение долей секунды живой человек становился облачком пепла.

Благодаря фантастической стремительности испепеления человеческой плоти эта казнь считалась самым гуманным изобретением пенитенциарной системы со времен возобновления смертных казней.

Официально процедура именовалась плазменной дезинтеграцией, но в газетах ее часто помпезно именовали «Казнью Пяти Стихий». Считалось, что казнь эта имеет китайское происхождение. По крайней мере, экзекутор был определенно китайцем.

Пятью стихиями, которым вменялось в обязанности убивать врагов общества, были огонь, вода, земля, дерево и металл.

Такой вот смертельный фэн-шуй...

Пока двое приговоренных спускались по бесконечной лестнице, старательно освещенной сотнями прожекторов, из динамиков звучал громогласный голос прокурора:

– Именем Объединенного Человечества преступники Людвиг ван Астен, также известный как товарищ Альфа, и Максим Иванович Верховцев приговариваются к смертной казни через плазменную дезинтеграцию. Им инкриминируется нарушение пятидесяти двух статей Уголовного Кодекса губернаторства Марс Объединенного Человечества. Основные статьи обвинения Людвиг ван Астена – создание экстремистско-террористической группировки, чья деятельность направлена против Объединенного Человечества, а также убийства, похищения, взятие заложников, разбойные нападения... Всего в общей сложности сто двадцать доказанных преступных эпизодов...

При этих словах товарищ Альфа лукаво глянул на Максима и улыбнулся:

– Ты слышал, Макс? Сто двадцать эпизодов! Уму непостижимо! Я, конечно, всегда знал, что я не ангел... Но чтобы сто двадцать!

Максим – благо говорить им караул не запрещал – лишь ухмыльнулся в ответ. На самом деле, за показным хладнокровием Максим скрывал тревогу. Он гадал, каким именно будет его приговор. В отличие от товарища Альфы, смерти он боялся и своей отвагой не бравировал...

– ...Максиму Ивановичу Верховцеву инкриминируется нарушение двадцати одной статьи Уголовного Кодекса губернаторства Марс Объединенного Человечества. Основные статьи обвинения: участие в экстремистско-террористической деятельности...

Дальнейшая формула полностью повторяла сказанное про товарища Альфу. С той лишь разницей, что речь шла о двадцати четырех преступных эпизодах.

– Сто двадцать это двадцать четыре умножить на пять. То есть ты ровно в пять раз меньший преступник, чем я. Или так: ты ровно в пять раз порядочней меня... – с самой серьезной миной сообщил Максиму товарищ Альфа.

На сей раз Максим не смог сдержать улыбки. За что он всегда любил вождя, так это за чувство юмора.

– А я вот иду и думаю о том, разрешат ли нам последнее желание, – сказал Максим. – Ведь должны?

– По традиции – должны. Что за казнь без последнего желания? Я лично попрошу стакан ямайского рома. А ты?

– А я... Я, пожалуй, бумагу и ручку... Настоящую бумагу и настоящую ручку, не электронные. Чтобы эти сволочи ничего не могли фальсифицировать. Напишу Соне записку.

– А в записке что?

– Ну как?.. Напишу, что люблю ее... И что буду любить всегда.

– Всегда это после смерти, что ли? – осведомился товарищ Альфа с глумливым прищуром.

– Ну... Вроде того.

– Тогда передавай Соньке привет и от меня, в этой своей записке. Мол, брат тебя тоже любит. И напиши, чтобы не забывала моих голубых черепашек кормить...

Появлению Максима и Людвига ван Астена в Кратере Закона предшествовали события, к которым как нельзя лучше подходило определение «вселенская несправедливость».

Сразу после уничтожения кометы с борта «Справедливого» товарищ Тэта начал телетрансляцию. «Армия пробуждения» объясняла людям Марса, что пришла с миром и что это именно она уничтожила смертоносную комету. Потом товарищ Альфа лично связался с генералом Беловым.

Максим к их переговорам допущен, естественно, не был. Но знал результаты: генерал Белов был готов принять лидера героических сокрушителей кометы для дальнейшего развития отношений.

Также Максим знал, что после этого в верхушке «Армии пробуждения» прошли непродолжительные, но крайне экспрессивные дебаты. Все были не согласны друг с другом почти по всем вопросам. Стоит ли доверять Белову? Сколько людей включить в состав делегации? Не следует ли затребовать на борт «Справедливого» губернатора Марса в качестве заложника?

И так далее, и тому подобное...

В конце концов, товарищ Альфа, выйдя из себя, хлопнул ладонью по столу и заорал, что «птичий базар» закончен. И что он отправляется на Марс. Сам. Лично. То есть «сам лично» в минимально необходимой компании своего верного пилота, Максима Верховцева. Которого, к слову, здесь и сейчас повышает до товарища Беты. Потому что «старая гвардия» совершенно выжила из ума и потеряла веру в людей.

А он, Людвиг ван Астен, верит в хорошее.

Верящего в хорошее товарища Альфу и Максима схватили ровно через семь секунд после того как они ступили на бетон космодрома «Буранный» в Четвертом Риме.

Уж что-что, а хватать спецназ «Беллоны» умел великолепно.

Ступеньки кончились. Приговоренных подвели к месту казни.

Сквозь прозрачное бронестекло дверец было видно жерло, озаренное голубым, кажущимся совсем холодным, огнем. Это горел природный метан, выделяющийся из недр Марса.

Экзекутор китайской наружности занял место за небольшим изящным пультом. Рядом с ним застыл врач судебно-медицинской службы. В его обязанности входило констатировать смерть осужденных. У врача было скучающее выражение лица. Чувствовалось, что он проводил на тот свет немало злодеев.

Позади врача переминались с ноги на ногу два офицера «Беллоны» в чине лейтенантов. Охранники, сопровождавшие Максима и товарища Альфу от аэробуса, выстроились за их спиной в полукруге.

Помощник экзекутора – дюжий детина с плоским лицом – завел приговоренных в пределы красного квадрата, обозначающего место казни над горловиной печи. Когда экзекутор нажмет на кнопку, печные дверцы ухнут вниз, и Максим с товарищем Альфой отправятся в объятия плазмы, которая горячее солнечных протуберанцев.

Чтобы приговоренные не могли покинуть красный квадрат, по его периметру поднялась стальная решетка высотой в два человеческих роста.

– Вы имеете право на последнее желание! – громко сказал экзекутор. – На случай, если вы не читали правила, сообщаю, что нереалистичные желания исполняться не будут!

– Я хочу обратиться к тем, кто будет смотреть эту казнь! – сказал товарищ Альфа твердым голосом.

«Ну вот... А врал про ром!» – подумал Максим.

– Обратиться? Вы хотите сказать речь?.. Что ж, извольте. В вашем распоряжении пять минут.

«Что-то он подозрительно легко согласился... Сейчас товарищ Альфа с его-то даром внушения такого им наговорит, что на Марсе начнется революция!» – подумал Максим.

Но тут же спохватился: «Какой же я все-таки дурак! Мы же не в прямом эфире, что бы там ни говорили. Нас наверняка показывают с десятиминутной задержкой. А значит, для монтажа всегда остается время. Наверняка никто из зрителей не услышит пламенной проповеди товарища Альфы. И это в лучшем случае. А в худшем они при помощи исинк-обработки видеопотока примонтируют другой текст. Про то, как он кается, как сожалеет о своем безобразном поведении и осознает, что все пираты заслужили законную кару... Тьфу! Эх, товарищ Альфа, товарищ Альфа...»

Максиму стало горько и обидно. Но он решил не делиться с товарищем Альфа своими соображениями. Пусть говорит. В конце концов, это же его предсмертное желание!

– У меня есть мечта, – сверкнув глазами, начал товарищ Альфа. – Да, у меня есть мечта, – повторил он, выдержав небольшую паузу, – чтобы люди Объединенного Человечества были объединены не на словах, а на деле...

Вождь «Армии пробуждения» имел феноменальное чувство времени: он говорил ровно четыре минуты пятьдесят семь секунд. Он закончил последнюю фразу и замолк ровно тогда, когда экзекутор набрал в легкие воздух, чтобы сообщить: «Ваше время вышло».

Теперь настал черед последнего желания Максима:

– Мне, пожалуйста, бумагу и ручку. Хочу написать любимой девушке.

Максиму очень хотелось, чтобы каждая из этих секунд показалась ему вечностью. Ведь это были последние секунды его жизни!

Увы! Секунды текли как обычно. Почти буднично!

Он составил записку из дюжины банальных слов.

Перечитал. Записка не понравилась ему. Но в чем причина – он сформулировать не смог.

Добавил: «P.S. Людвиг передает тебе привет и просит тебя регулярно кормить его голубых черепашек.»

Легче не стало.

По-прежнему недовольный собой, он протянул записку экзекутору.

– Девушку зовут Соня ван Астен? – осведомился тот, щуря свои китайские глаза.

– Да.

– Вы хотите, чтобы мы нашли ее?

– Нет. Вообще-то не хочу, – саркастически усмехнулся Максим. – Желаю, чтобы вы никогда ее не нашли.

Экзекутор пожал плечами.

– Ну что же... Раз последние желания исполнены, я полагаю, можно переходить к существу вопроса...

Товарищ Альфа дерзко улыбнулся китайцу своей фирменной бесстрашно-печальной улыбкой. Максим потупился. Умирать не хотелось.

Совсем.

– Господа офицеры! – сказал экзекутор, обращаясь к двум лейтенантам «Беллоны», переминающимся с ноги на ногу возле пульта. – Прошу вас снять с приговоренных наручники!

Почти синхронно щелкнули замки. Максим и товарищ Альфа переглянулись.

– А знаешь... Хорошо, что ты Соне написал... Я-то, по правде сказать, всегда подозревал, что ты ее как-то не так любишь... Или что ты не ее любишь... Не знаю даже, как сформулиро-

вать... Интуиция подсказывала мне, что у тебя есть какая-то другая девчонка...

– У меня? – удивление Максима было абсолютно искренним.

– Ну, да. Но теперь я вижу, что ошибался. И это просто великолепно!

Максим и товарищ Альфа крепко обнялись. В последний раз.

«Жаль, Лев остался на «Справедливом»», – подумал Максим. Перед полетом на Марс товарищ Альфа попросил его положить фигурку в личный сейф.

– Жизнь – странная штука, – сказал лидер «Армии пробуждения». – Мало ли как там все обернется... Если этот артефакт попадет в руки врагов, наше дело обречено.

И Максим, практически с физическими мучениями, снял с шеи Льва.

«Мне бы сейчас его энергию, его мощь и отвагу – ух, что бы я тут натворил! Уж человек пять с собой прихватил на тот свет точно!», – глядя на пламя, сокрушался Максим.

Но вскоре пришло и осознание правоты товарища Альфы.

Его жизнь, жизнь Максима Верховцева, в сравнении с тысячами жизней его товарищей – просто ничто. А Лев еще послужит делу революции.

– Казнь начинается! Стихия огня уже призвана правосудием! Температура в печи – одна тысяча двадцать два градуса по Кельвину! – торжественно провозгласил экзекутор.

Конечно же, и Максим, и товарищ Альфа рефлексивно поглядели себе под ноги – там, довольно далеко внизу, ровным пламенем горел голубой цветок газового огня.

– Правосудием призывается стихия дерева! – экзекутор нажал кнопку на своем пульте и две широких трубы выплюнули в печь полторы тонны древесного угля из столетних лесов Гесперийской равнины.

Перекармлившее пламя вначале ослабло. Однако в печь явно нагнеталась неанонсированная экзекутором стихия воздуха, точнее говоря, чистый кислород – так что пламя вспыхнуло с удвоенной силой. Над терриконом взметнулись хищные оранжевые языки огня.

– Температура в печи – одна тысяча пятьсот четыре градуса по Кельвину!

– Вот уж не думал, что закончу свои дни шашлыком, – невозможно заметил товарищ Альфа.

– Спасибо хоть не супчиком, – мрачно парировал Максим.

Тем временем экзекутор, в интонациях которого звучала какая-то неофициальная радость пирующего садиста, продолжал:

– Правосудием призывается... стихия воды!

– Стоило тебе пошутить про супчик... – хмыкнул товарищ Альфа.

– Воды? Странно. Они что, решили притушить уголья? Чтобы шашлычок вышел посочней?

Четыре форсунки изрыгнули никак не меньше двадцати ведер какой-то прозрачной жидкости, мгновенно заполнившей весь объем печи плотной капельной взвесью.

Угли приняли ее относительно спокойно. Но пламя почти полностью исчезло.

Максим ожидал традиционного комментария экзекутора насчет температуры. Но вместо этого тот провозгласил:

– На сцену призывается стихия земли!

– Может, нас помиловать решили? Сейчас затушат огонь и отпустят нас с Богом? Ну, конечно, взяв обещание больше не чудить? – с улыбкой спросил Максим.

– Ага. Держи карман шире! Сейчас, отпустят! – на лице товарища Альфы застыло выражение горькой иронии.

Те же горловины, из которых в печь был подан уголь, теперь изрыгнули два фонтана черной пыли. По виду она и впрямь на-

поминала сильно пересушенную садовую землю. Но, конечно же, это был...

– Мать моя черная дыра! Да это же перманганат калия! – воскликнул пронизательный товарищ Альфа. – А перед этим была никакая не вода, а конечно же, перекись водорода!

– Откуда ты знаешь? – спросил удивленный Максим.

В ту же секунду под их ногами полыхнуло так, будто в печи взорвали десятитонную тротилловую шашку. Даже сквозь бронированное стекло печного люка Максим чувствовал вибрацию осатаневшего пламени.

– Уже ногам жарко! – сказал товарищ Альфа.

Действительно, снизу поднималась волна тепла.

С восторженным выражением лица экзекутор провозгласил:

– Температура в печи три тысячи семь градусов по Кельвину!

Игнорируя слова экзекутора, товарищ Альфа наклонился поближе к уху Максима.

– А вот представь себе, наш экзекутор. Наш, так сказать, китайчонок Ли. Он же на зарплате, так? Значит, где-то есть касса. В этой кассе сидит кассирша. У нее на электронном планшете список. В этом списке всякие разные люди: наладчик печи, уборщик печи, вон тот доктор, озеленитель территории... И наш китайчонок Ли там тоже есть. Напротив его фамилии написано «исполнитель»... Наверное, мысленно сравнивая себя с уборщиком печи, чувствует себя элитой... Гордится своей профессией... Репетирует перед зеркалом державное выражение лица, отбатывает жесты... Ведь все-таки на него смотрит весь Марс!

Но Максим уже несколько секунд как не слушал товарища Альфу – его вниманием завладел синий полицейский коптер. Он совсем недавно появился над соснами, которыми был обсажен по краю Кратер Закона.

Вообще-то коптер пока не совершал никаких странных маневров, просто облетал кратер по периметру. Однако само его присутствие Максима удивило. Полицейские коптеры всегда летают парами. Но где вторая машина?

– Правосудием призывается стихия металла! – с пафосом провозгласил экзекутор.

Те же горловины, которые ранее доставили в печь перманганат калия, теперь изрыгнули две тугих струи расплавленного металла.

Струи зловеще серебрились. Попадая в фокус горения, они распадалась на капли, каждая из которых ослепительно вспыхивала. В печи собрались на шабаш тучи inferнальных светлячков, каждый из которых пылал крохотным адским солнышком!

Максим заметил, что синий коптер, будто бы привлеченный этим роением, снизился и пополз к ним, выбивая из близкой земли охряно-желтые султаны пыли.

– Температура в печи – пять тысяч градусов по Кельвину! – захлебываясь восторгом, сообщил экзекутор. – Уровень радиации – три тысячи рентген в час!

– Вот оно что, – проворчал товарищ Альфа, который с неожиданным вниманием наблюдал за эволюциями пятой стихии. – Они подали в печь расплав плутония.

– Изобретательные, твари. Я думал, ограничатся алюминиевой пудрой, – вздохнул Максим.

ЭПИЗОД 13

Незнакомка по имени Аня

Планета Марс, окрестности горы Павлин, март 2469 года

Печь явно вышла на рабочий режим. Все пять стихий уже вовсю вертели бешеное колесо правосудия. И Максиму с товарищем Альфой было ясно, что их смертный час пробил.

Экзекутор откинул защитную крышечку пульта и занес палец над кнопкой «Казнь»...

Но вместо того, чтобы нажать ее, он вдруг истошно заорал! Зачем-то отпрыгнул в сторону... Его лицо стало восковым, безразличным...

И он рухнул наземь, громко звякнув металлическим браслетом часов!

В тот же миг неведомая сила обрушилась и на остальных участников казни! Врач истошно завыл и вначале упал на колени, а затем – плашмя, лицом вниз. Лейтенанты «Беллоны» осели почти бесшумно, без аффектов, словно бы кто-то внутри них отключил электричество. То же произошло и с охраной. Солдаты растянулись на земле, импульсные винтовки с лязгом попадали рядом с телами своих владельцев.

Все это заняло считанные секунды.

Парализующий луч комбинированной пси-микроволновой пушки – а это был, конечно же, он – задел краем и Максима с товарищем Альфой. Но оператор явно не планировал вырубать их, как остальных, и паралич приговоренных к смерти был неполным. Максим, например, чувствовал, что может пошевелить кончиками пальцев.

«Наши! Конечно же, это спецназ товарища Дементьева. Они захватили полицейский коптер, обстреляли из пси-пушки Кра-

тер Закона...» Максиму очень хотелось поделиться своей радостью с товарищем Альфой, но язык его не слушался...

Тем временем загадочный коптер снизился и завис над печью, едва не раздавив одной из стоек шасси смешно раскинувшего руки экзекутора. Из распахнувшегося люка выскользнула гибкая лесенка. В следующую секунду внешний мегафон коптера вдруг разразился сбивчивой речью:

– Эй вы! Матвей и товарищ Матвея, забыла, как вас там зовут! У нас всего десять секунд, потом паралич закончится. Залезайте быстрее, пока ваши палачи не пришли в себя!

Голос был девичьим! Очень взволнованным и глухим от испуга...

«Кем бы ни была эта девушка... И кем бы ни был этот загадочный Матвей... Я буду последним кретином, если не послушаюсь!» – подумал Максим.

Он с трудом поднялся на четвереньки и пополз к лесенке. Товарищ Альфа уже был там и нетерпеливо подгонял Максима.

– Давай, давай!

Пропустив своего пилота вперед себя, товарищ Альфа помог ему подняться по лесенке. Тяжело перевалившись через комингс люка, Максим бросил тревожный взгляд назад – что там с товарищем Альфой? Все ли хорошо?

Увы, отпущенные всем участникам этой драмы десять секунд закончились. Один из офицеров «Беллоны», белобрысый красавчик с холодными глазами, первым пришел в себя и сумел онемевшими пальцами вытащить из кобуры табельный пистолет. Он стрелял как пьяный – часто нажимая на спуск и дергая стволом.

Первые две пули ушли в пустоту над коптером.

Еще три чиркнули по верхушкам сосен.

Но вот шестая, седьмая и восьмая достали уже забирающегося в коптер товарища Альфу: в затылок, спину, правое бе-

дро. Максим увидел серые глаза вождя «Армии пробуждения» – удивленные, растерянные.

– Я... – прошептал товарищ Альфа, выпуская из рук поручни лесенки, – я не успел...

Он завалился на спину и полетел вниз. Коптер начал набирать высоту. Шасси снесло стойку с пультом. Пыхнули искры короткого замыкания. Створки печи раскрылись.

И Максим увидел, как тело товарища Альфы, Людвига ван Астена, его вождя и брата его любимой девушки, падает в жадно ревущее адское пламя Пяти Стихий...

Они летели на малой высоте куда-то на запад, в направлении Фарсийских гор.

Погони, кажется, не было. Как видно, никто из тех, кому было поручено обеспечивать безопасность Кратера Закона, и помыслить не мог о покушениях такой дерзости...

Максим сидел в кресле второго пилота и искал на красивом лице своей спасительницы приметы какой-то особенной, отборной храбрости. Искал – и не находил. Лицо девушки было узким, правильным, а глаза – миндалевидными и глубокими. Движения ее отличались плавностью, характерной для танцовщиц. К слову, девушка была очень занята непосредственно пилотскими задачами, и Максим отметил про себя, что коптером она управляет в общем-то как новичок...

Заметив, что он пришел в себя, девушка участливо и нежно спросила:

– Как ты, Матвей? Отпустило?

– В общем-то да...

– Я чуть с ума не сошла, когда увидела тебя! – затараторила она, бросая управление и обнимая его. Коптер ухнул вниз.

– Осторожно! – Максим ухватился за штурвалчик, потянул на себя. – Разобьемся!

– Да, да, я сейчас... – девушка взяла себя в руки и выровняла машину. – Я так рада, так рада...

– А я вот нет.

– Почему?

– Погиб товарищ Альфа.

– Это пират, главарь банды?

– Эта банда, как вы изволили выразиться, только что спасла Марс от столкновения с кометой Шпитц-11! Если бы не мы, погибли бы миллионы людей! – взволнованно воскликнул Максим.

– Ну ладно, ладно, не кипятись, радость моя! И, кстати, с каких это пор мы на «вы»? Это же я, твоя Анна!

Перед Максимом встала нелегкая дилемма.

С одной стороны, налицо было какое-то недоразумение. Девушка-спасительница называет его Матвеем, считает своим старым знакомцем и, кажется, не подозревает, что он, Максим, член той же самой «пиратской банды», что и товарищ Альфа. Потворствовать ей дальше – значит поощрять этот опасный и вредный обман.

С другой стороны, сказать ей сейчас правду – кто знает, что она выкинет? Может, немедленно развернет машину и полетит в сторону Кратера Закона. Мол, извините, спасла не того, ошиблась, с кем не бывает. Девушки – очень сложные существа. И выкинуть они могут действительно все что угодно.

Наконец Максим придумал выход. «Пусть пока везет, куда считает правильным, лишь бы подальше от места казни», – решил он и сказал:

– Послушай, Анечка... Что-то мне нехорошо... Так сильно тошнит... И позвоночник словно бы заиндевел...

– Это последствия пси-излучения. Скоро пройдет. Главное – ты жив.

– Можно, я подремлю хотя бы четверть часа? – деревянным голосом спросил Максим. Ему нужно было выиграть время.

– Спи, родной. Спи...

Максим и впрямь чувствовал себя хуже некуда. Поэтому особо утруждаться, чтобы изобразить изможденного временным параличом бедолагу, ему не пришлось. Он провалился в сон, как в омут, а когда проснулся, над Марсом уже сгущались сумерки.

Хронометр на приборной доске свидетельствовал: с момента его спасения прошло два часа тридцать четыре минуты (все временные отрезки мозг Максима фиксировал совершенно автоматически, по пилотской привычке). Он сел в кресле, энергично растер лицо руками и выпил минеральной воды из бутылки, заботливо протянутой ему Анной.

– А кофе у вас... у тебя в бардачке случайно нету? – спросил Максим. – Или хотя бы чаю?

– Откуда мне знать, что там у них в бардачке? Этот коптер я угнала... Поэтому что найдешь – все твое.

Максим принялся исследовать содержимое бардачка. Оно было удручающе скудным. Но, к счастью, аптечка там сыскалась. А вместе с ней и банка лимонада, которым он запил найденные таблетки.

– Куда мы летим, Анна? – спросил он.

– Туда, где тебя, да и меня тоже, никто не найдет. На дачу моей подруги Фаины. Она с мужем сейчас на Луне, участвует в конференции по ускоренному терраформированию островов для нужд курортного бизнеса...

– А где располагается эта дача?

– В живописном сосновом бору, на берегу ручья, который вытекает из родника с красивым именем Беседка Русалок... Мы будем сидеть в этой беседке с тобой... Только ты – и я...

– Я имел в виду, далеко ли туда лететь? – смущенно уточнил Максим.

– Километров двести еще... Кстати, совсем скоро мы будем пролетать мимо знаменитой горы Павлин!

– Знаю, знаю, – Максим улыбнулся. – Это свежайший фетиш вашего фирменного марсианского шовинизма! Какие-то полгода назад вы запустили с нее пассажирский орбитальный лифт и теперь всякий дурак может за небольшие деньги прокатиться на орбиту и обратно!

Девушка-пилот просияла:

– Вот теперь я узнаю моего Матвея! Моего любимого Матвея! Если бы ты знал, как мне хочется тебя скорее обнять и поцеловать! Если бы ты знал, как долго я ждала этого, скрываясь от преследующих меня пиратов в ледяных пещерах Ио!

– Господи... – только и смог промолвить Максим, опуская глаза.

Имя Матвей ему нравилось. И в то же время очень не нравилось. Слышать его было приятно. Но в тот же час какая-то часть души восставала против того, чтобы это имя слышать!

«Что за странная девушка? Друг она или враг? Что вообще происходит? Она говорит, что убегала от пиратов. И она же спасает пирата, то есть меня, от неминуемой гибели!»

– Аня, ты извини... Но я должен спросить...

– О чем?

– У нас... отношения?

– Что?! – взвилась вдруг спасительница Максима. – Отношения? Мы с тобой жених и невеста! Ты что, совсем одурел?! Матвей! Ау! Ты где вообще?!

– Сажу рядом с тобой, – пробормотал Максим. – А как ты вообще... Ну, все это...

– Как-как... Я увидела тебя и этого... второго... по телевизору вчера вечером... Узнала, что вас обоих будут казнить... И поняла, что не должна допустить этого! Мой обожаемый папочка категорически отказался помогать мне... Его высокопоставленные индюки-друзья – тоже... Все смотрели на меня как на сумасшедшую!.. Как на девочку, обчитавшуюся любовных романов! – продолжала возмущаться Анна. – Либо и того хуже: как

на врага нации! Короче, мне ничего не оставалось, кроме как взять ситуацию под свой контроль...

– А ты понимаешь, что теперь тоже преступница?

– Плевать! Мы вместе, и это главное. Правда, я бы не отказалась узнать, как ты, офицер Космофлота, угодил в такую передрягу?

«Офицер Космофлота? – изумился Максим. – А, ну да, это не я, а этот Матвей. Видимо, мы похожи. И она приняла меня за него, за своего возлюбленного».

Сумерки сгущались. Слева по курсу над горизонтом возвышалась песочно-желтая гора Арсия, похожая на гигантский пасхальный кулич. Строго на севере терлась о подбрюшья низких облаков расплющенной вершиной гора Аскреус.

Где-то прямо по курсу уже должна была показаться гора Павлин, знаменитая Mons Pavonis – исполин высотой в полтора десятка километров. Что вкупе с расположением почти строго на экваторе сделали ее идеальным фундаментом для космического лифта. Но ни горы, ни лифта Максим не видел – мешал иссиня-черный грозовой фронт, перекрывший западный окоем.

Внизу змеилась зеленая река. Название реки Максим не знал. Но был уверен, что оно, как и большинство марсианских топонимов, поэтичное и слащавое до скулосведения.

– Ты почему молчишь, Матвей? – поинтересовалась девушка.

– Я – не Матвей, – собравшись с духом, сказал Максим. – Я – Максим Верховцев, личный пилот товарища Альфы, произведенный буквально перед нашей высадкой на Марс в ранг товарища Беты.

– Тебе надо к врачу, – покачала головой девушка.

– Да я нормальнее тебя! – взорвался Максим. – Перед тем, как пойти на смерть, перед этой жуткой пятисоставной казнью, я написал записку своей любимой девушке... Это было мое по-

следнее желание – поговорить с ней, хотя бы и посредством нарисованных на бумаге знаков... Если бы можно было спасти ее, атаковав вражескую армию – я бы сделал это, не задумавшись. Я люблю ее, Соню!

– Ты сказал «Соня»? Ты произнес имя «Соня»? – запинаясь, переспросила девушка. В ее глазах блеснули слезы.

– Да, я сказал «Соня». Потому что так зовут мою любимую: Соня ван Астен.

– А как же я, Матвей?

– Я благодарен тебе, Аня... Но, похоже, ты ошиблась и спасла не того...

Максим не успел договорить. Девушка всхлипнула, закрыла лицо руками, но затем все же обрела самоконтроль и... резко наклонившись вправо, рванула оранжевый рычаг катапультирования второго пилота.

Точнее сказать, то, что это был рычаг катапультирования, Максим понял только оказавшись в воздухе на стремительно ввинчивающемся в темнеющие небеса катапультированном кресле. С резким хлопком над его головой раскрылся парашют.

«Только не в реку... Господи... Только не в реку! Это же так обидно – утонуть сразу после того как чудом избежал гибели в ревущем пламени!»

ЭПИЗОД 14

Орбитальный лифт на горе Павлин

Планета Марс, окрестности горы Павлин, март 2469 года

Грозовой фронт гнал перед собой волну упругого горячего воздуха. Стропы едва не перехлестнулись. К счастью, парашют был не индивидуальным, а легким транспортным, рассчитанным также и на вес катапультируемого кресла, а потому все обошлось.

Палал он с типично марсианской основательностью – минут семь. Любой летчик, любой парашютист подтвердит – время в воздухе тянется медленней, чем на земле. Минута за три.

За семь минут падения Максим успел, во-первых, всласть пофилософствовать на тему «жизнь – борьба, а женская душа – потемки», а, во-вторых, как следует рассмотреть пейзаж, простиравшийся под его ногами. Поэтому когда он приземлился, в голове у него уже сложился примерный план действий.

Слева от него, к югу, несла свои зеленые мягкие воды река Амфитрита.

В том, что это именно Амфитрита, Максим больше не сомневался. Поскольку в последнюю минуту падения, заглянув под грозовой фронт, увидел, что вдали зеленый поток истекает с пологих отрогов горы Павлин. Ни одна другая река не брала своего начала на этой горе.

Река была полноводная, быстрая и очень холодная. Никаких мостов видно не было, переплывать же ее Максиму совсем не хотелось. Начать с того, что после пережитого – казни, спасе-

ния, катапультирования и парашютирования – у него просто-таки подкашивались ноги. И закончить тем, что он не видел в этом никакого смысла!

На север тянулись густо-изумрудные заплаты – яблоневые рощи, кукурузные поля, дубовые леса. В лесах, и об этом было известно Максиму, прятались многочисленные санатории – там жители Четвертого Рима, столицы Марса, проводили свои выходные и отпуска.

Между рекой и опушками дубрав пролегалo единственное в здешних местах шоссе. Оно обслуживало курортную зону и вело к орбитальному лифту на вершине горы Павлин.

Это-то направление и интересовало Максима. План его был прост, как яичница с беконом. Сменить костюм приговоренного к смертной казни на какую-то другую, более располагающую к доверию, одежду. Затем поймать попутку. Это не должно быть очень уж трудной задачей. Народ в Зеленоречье доброжелательный, настроенный на отдых, может, кто и подбросит до лифта просто так, по доброте душевной...

А уже там, близ станции лифта, Максим планировал воспользоваться своим статусом высокопоставленного члена «Армии пробуждения» и обратиться за помощью к ее тайным союзникам – так называемым «верным».

«Верные» были людьми, признавшими правоту доктрины «Армии пробуждения», но все еще не набравшими моральных сил окончательно разорвать оковы рабства в потребительском раю. Оставаясь в этом самом рабстве, они предпочитали помогать «Армии пробуждения», так сказать, по мелочи – деньгами, услугами, добрыми делами. Соратники товарища Альфы подолгу проверяли каждого кандидата в «верные» – поскольку каждый из них становился как бы законспирированным членом группировки. Разумеется, фамилии и адреса «верных» держались в строжайшем секрете.

Однако те, кому удавалось забраться на верхние этажи иерархии звездных борцов, получали доступ к координатам «верных». Мало ли что может случиться с бойцами «Армии пробуждения», заброшенными на Марс или на Луну? Вот тогда-то и придет черед кому-либо из «верных» делом доказать свою верность светлой программе освобождения человечества из тенет меркантилизма и проприетаризма.

Телефоны «верных», приставленных на Марсе в помощники к нему лично, а также ключ-фразу, которая должна была идентифицировать его как человека, которому нужна помощь, Максим, как ни странно, не забыл.

Его «верную» звали Елена Константиновна. Она, если верить данным товарища Дементьева, была скромной учительницей сольфеджио в одной из музыкальных школ в элитном районе Четвертого Рима.

Вот этой самой учительнице он позвонит и попросит оплатить ему билет на орбитальный лифт. Эта же самая Елена Константиновна, если она, конечно, по-прежнему жива и здорова (А вдруг ей девяносто лет и пока то да се, пока Максима казнили Казню Пяти Стихий, она загремела в реанимацию? Или еще хуже – вдруг ее вычислили оперативники «Беллоны», и теперь она сидит в какой-нибудь не самой холодной, но очень скучной тюрьме?), должна будет связаться с парнями из «Армии пробуждения» и сообщить им о том, что Максим покинул Марс и едет на орбиту...

Но это все потом, когда он доберется до лифта.

А пока... Пока предстояло решить вопрос с маскарадным костюмом.

Максим покосился на свое катапультированное пилотское кресло – то самое, на котором он только что приземлился. Откинул сиденье. Под ним лежали спасательный жилет и темно-зеленый ящик НАЗ – неприкосновенного аварийного запаса.

В ящике были найдены: аптечка, бутылка с водой (ее он тут же выхлебал с жадностью полгода скитавшегося по пустыне верблюда), четыре фальшфейера, радиомаяк, портативный терминал правительственной связи, набор для рыбной ловли (с говорящим названием «Робинзон-2»), надувной плотик кричаще оранжевого цвета, саперная лопатка и главное – универсальный нож-мачете!

Из всего вышеперечисленного Максиму были нужны только мачете и правительственный телефон. Однако, поколебавшись немного, телефон он все-таки включать не решился.

Наверняка все радиосредства в НАЗах полицейских копте-ров учтены строжайшим образом. Одного включения телефона хватит, чтобы определить его координаты с точностью до метра. Что же он – идиот, собственноручно раскрывать свое местоположение врагам?

В итоге Максим оставил себе лишь мачете.

Остальное он без зазрения совести зарыл под ближайшим кустом боярышника, воспользовавшись саперной лопаткой.

Битых полчаса он уродовал свой арестантский комбинезон при помощи универсального ножа-мачете. Первым делом – разрезал комбинезон пополам, разделив на брюки и рубаху. Затем вывернул брюки наизнанку и превратил их в бермуды с разрезанными на полоски краями.

Затем занялся рубахой. Длинные рукава стали короткими. Планка с пуговицами была безжалостно оторвана. Его новой рубахе предстояло завязываться узлом на груди!

Из отрезанных частей Максим смастерил себе наголовный платок-бандану, не переставая благодарить дизайнеров одежды для казнимых. Она была скорбно-черной лишь с одной стороны, а с изнанки материал имел цвет родного всякому туристу хаки!

Нацепив на себя свой новый гардероб, Максим занялся прической.

Он распустил волосы, собранные в классический пиратский «хвост», и как следует взлохматил их. Ни одна сволочь не должна заподозрить в нем нормального человека!

Отныне он – местный иппи, иппарь, любитель травушки-муравушки, музильона, пивчанского, классных френдиц и свободы, свободы, свободы! Разумеется, свободы в рамках дозволенного, а не той Свободы с большой буквы, за которую отдал жизнь товарищ Альфа!

Чтобы довершить сходство, Максим, напевая древнюю, как мир, песенку «Ноу вумен, ноу край!» нарвал на склоне цветов, сплел из них венок, из которого стреляли в разные стороны ромашки, горошки и свежие злаки, и водрузил его поверх банданы.

– Идиот идиотом. То, что доктор прописал, – удовлетворенно заключил Максим, поглядев на себя в зеркало речного затона.

Попутка остановилась не сразу, упылив вперед метров на десять.

Водитель явно поначалу колебался – брать попутчика, не брать? Но потом, как видно, припомнив, что подъем до орбитального лифта долгий и нудный, решил взять. Вдвоем наматывать витки бесконечного, укачивающего шоссе-серпантина по-любому веселее, чем одному!

– Привет, меня зовут Борис. Мне очень нужно к орбитальному лифту, а денег у меня нет! Мужик, подбрось, будь человеком, а? – дружелюбно сияя, попросил Максим, скрючившись возле окна «народной» легковушки цвета «липа зеленая».

– Валяй, – разрешил водитель и дверь машины бесшумно отъехала в сторону.

– Спасибо вам... Вовек не забуду! – заверил его Максим.

Дорога серой змеей ползла вверх. По обочинам лежали разбитые автомобили – жертвы недавней спешной эвакуации, которую правильнее было бы назвать паническим бегством.

– Ух ты, сколько металлолома-то! – изо всех сил играя роль разбитного иппаря, дурашливо воскликнул Максим.

Но водитель только зло зыркнул на него и беседы не поддерживал. Чувствовалось, что страх крепко засел в этом человеке и не скоро покинет его.

Так, в молчании, они спустя час добрались до песочного цвета исполинских ворот, на которых светилась гигантская надпись «ОРБИТАЛЬНЫЙ ЛИФТ 3 КМ».

– А вы-то сюда зачем? – спросил Максим, когда машина остановилась.

– Кума с Луны встречаю. Приспичило дураку рыбки на затоне половить. Нашел время...

Сердечно поблагодарив угрюмого мужика и пожелав ему и его куму – который уже вовсю трезвонил из зала ожидания – хорошей рыбалки на берегах Амфитриты, Максим помчался в сторону кассового зала. Нужно было торопиться.

К счастью для Максима, патрульный полицейский у входа не обратил на него никакого внимания. А внутри помещения станции бдели только сотрудники частной службы охраны компании «Марсолифт». Они были так замучены ордами беженцев на прошлой неделе, что буквально спали на ходу.

Звонок Елене Константиновне принес даже больше пользы, чем Максим рассчитывал. Она не только оплатила ему билет в лифтовом салоне класса «люкс» на имя Борис Федотов, но сверх того – дала номер ячейки в автоматической камере хранения и код доступа к ней. Там лежала «закладка» – контейнер со шпионскими полезностями.

«Контейнер это, конечно, громко сказано... – бормотал Максим, раскрывая дорожную сумку, извлеченную им из камеры хранения. – Однако вещички и впрямь полезные!»

Начать с того, что Максим стал обладателем нормального комплекта одежды: спортивные туфли, легкие брюки, рубаша с коротким рукавом, куртка. Во все это он сразу же охотно пе-

реоделся, потому что имидж любителя пивчанского и классных френдиц за время путешествия на автомобиле надоед ему хуже горького хрена, то есть – остохренел.

Далее: телефон. Проверил – работает. В памяти телефона был один номер, на который Максим хотел было отправить сообщение «Сажусь в лифт», но потом решил, что вернется к этому вопросу, уже когда лифт тронется. Так и правильнее из суеверных соображений, и надежнее – из конспиративных.

Также в сумке-«закладке» содержались всякие полезные мелочи: таблетки такие и сякие, две плитки шоколада, галеты, пачка презервативов (Максим уважительно хмыкнул), две бутылочки воды.

Но главное – комплект для изменения внешности и отпечатков пальцев! Там были и три пары темных очков, и накладные бороды с усами, и парики, и биополимерные наклейки для одноразовой фальсификации отпечатков пальцев, и линзы для коррекции рисунка радужки глаза...

Однако, поколебавшись, Максим отправил весь чудо-набор в мусорку.

– Не умеешь – не берись, – со вздохом пробормотал он, пристрастно изучая себя в зеркале мужского туалета. – Лучше никакой накладной бороды, чем такая, которая отвалится в самый ответственный момент.

ЭПИЗОД 15

Два спецназа

Планета Марс, орбитальный лифт, март 2469 года

Гондола космического лифта имела мало общего с кабинами обычных лифтов. Скорее она напоминала металлический дом-«свечку» с полусферической крышей. Дом этот имел пятнадцать этажей, которые назывались, как на кораблях, палубами.

Максим со своим люксовым билетом попал на самый верхний этаж, а именно на палубу А.

Интерьер салона-люкс еще не так давно мог поспорить с холлом фешенебельной гостиницы. Группы кресел, собранные вокруг низких столиков. Кадки с драценами и пальмами. Несколько огромных телевизоров. Две барные стойки. И даже славный фонтанчик в центре салона!

Казалось бы – красота! Но на прошлой неделе лифт перетрудился. Ему пришлось совершить множество экстренных рейсов, эвакуируя марсиан из-под надвигающейся кометы, перевозя на каждой палубе десятки лишних людей.

Несмотря на все старания стюардесс и киберуборщиков, все теперь выглядело каким-то потертым, захватанным, истоптанным. Не говоря уже о том, что каждый метр салона-люкс был пропитан флюидами людского несчастья, страха, тревоги.

Ощущение неуютта усиливалось из-за того, что кроме Максима во всем салоне, рассчитанном пассажиров на сорок, находились лишь пятеро. И неудивительно: после счастливого избавления Марса от кометы зачем было гражданам колонии куда-то бежать? От чего спастись? Теперь все было наоборот:

ажиотажным спросом пользовались «посадочные» рейсы с орбиты на поверхность.

Максим нашел кресло с номером, указанным в билете. Сел и сразу же схватил со стола самый большой электронный журнал.

Ему хотелось отгородиться от внешнего мира хоть чем-то. В ту минуту Максим не мог сказать о себе, что у него «бешено колотится сердце» или что «его ладони стали липкими от пота». Он был спокоен и внешне, и внутренне. Треволнения последних двух суток оказались слишком сильными, а скорбь по погибшему Людвигу буквально опустошила его душу. Все эмоции у Максима закончились.

И все-таки – если можно так выразиться, «на уровне умозаключений» – он сильно волновался. Очень уж обидно будет, если его сию секунду, прямо здесь, настигнут ищейки «Беллоны».

До отбытия лифта оставалось меньше минуты, когда на палубу А ввалилась сразу дюжина пассажиров. Все были одеты в штатское – кто в джинсы с водолазкой, кто в классический пиджачный костюм – и выглядели весьма интеллигентно.

Не то чтобы компания так уж походила на группу захвата «Беллоны», но Максим все равно напрягся. Тем более, что четверо из них – трое мужчин и одна женщина с красивым русским лицом – направились к его столику под предводительством стюардессы в фирменной фиолетовой униформе компании «Марсолифт».

Сверяясь со своими билетами, гражданские расселись вокруг Максима. Он с тревожным холодком осознал, что если севшие напротив него вероятные агенты «Беллоны» выхватят пистолеты, у него не будет никаких шансов.

К облегчению Максима, его новые попутчики не схватились за оружие, а принялись оживленно болтать, продолжая разговор, начатый, судя по всему, еще в пассажирском терминале.

– А у нас, представляете, вся полиция исчезла из города пять дней назад! – сказала женщина, которую Максим про себя назвал Белочкой из-за общей верткости и характерного абриса передних зубов. – Все бежали на орбиту! Причем бежали сразу на станцию «Уют-2», так что по сей день не удосужились вернуться!

Тем временем лифт мягко тронулся. «Ура!» – мысленно отметил это событие Максим и немедленно послал со своего телефона набранное заранее сообщение «Еду в лифте, палуба А».

– У нас то же самое. А еще в нашем университете не осталось ни ректора, ни проректоров, – хохотнул дородный, полный мужчина в совершенно не идущем ему черном пиджаке. – А от главы своего ученого совета я сегодня получил письмо такого содержания: «Дорогой Андрей Васильевич! Воспользовавшись случаем, взял отпуск за свой счет и решил провести дочь на Луне. Буду через две-три недели, ваш имярек». Можете себе представить?! У нас в совете пять защит диссертаций на носу, а он сбегал на Луну! Такой разрухи в головах на нашей памяти еще не было!

– Полностью согласен с вами, коллега, – подхватил сидевший слева от него бородач в очках, с виду типичный сторонник активного отдыха, какой-нибудь там виртуальный парашютист. – События, очевидцами которых мы стали, предоставляют нам богатейший научный материал! Я даже решил сменить тему своего доклада на конференции!

– Ну-ка, ну-ка, – Андрей Васильевич подался к нему всем своим внушительным телом.

– Я намеревался сделать доклад «Габитус ранних пиратских сообществ по материалам открытых публикаций «Беллоны»». Но решил пока отложить его до лучших времен. Теперь моя тема – «Структурный анализ социальной диссипации марсианского общества перед лицом фатального катаклизма».

Максим, который, не отрываясь от журнала, краем глаза следил за компанией, отметил, что все коллеги бородача приня-

лись завистливо переглядываться и многозначительно играть бровями. Дескать, вот ловкач!

– Что ж, неплохо, коллега, – вступил в разговор ранее молчавший плешивый малый, с виду типичный кабинетный тихоня. – Ну, а я назвал свой доклад совсем просто: «Революция на Марсе: сегодня или завтра?»

Белочка ахнула. Глаза Андрея Васильевича округлились. Бородач аж подпрыгнул.

– Что-о? – переспросил он.

С видом победителя оглядев присутствующих, тихоня пояснил:

– Да-да, вы не ослышались. Революция на пороге. И только полный болван вроде этого держиморды Белова может сейчас игнорировать настроения простых марсиан. Каково было людям, с трудом заработавшим себе на самый дешевый автомобиль, стоять в пробке на берегу Амфитриты и глядеть, как проносятся над ними коптеры сильных мира сего? Коптеры, несущие полицейских и городских чиновников к тому самому лифту, в котором мы сейчас имеем счастье путешествовать! А потом эта звонкая пощечина от инсургентов! Вообразите себе! Сперва хвастать всему Марсу, что ты разнесешь комету в пыль! А затем привселюдно... извините, господа... обделаться! И тут вдруг появляются инсургенты на каком-то своем чудо-корабле! Корабль стреляет... или что он там сделал? И – р-раз! – комета разлетается на куски! Недаром инсургентам дали никак не больше сорока секунд поговорить обо всем этом по телевизору, а затем задавили канал помехами! Но мы-то видели!

– Что мы видели? – не понял Андрей Васильевич. – Я лично ничего не видел.

– Передачу с борта корабля инсургентов... Э, да вы отстали от жизни, коллега! Я же говорю, была передача! От тех самых инсургентов, которые уничтожили комету! Они успели показать, как именно им удалось ее разрушить, а потом начали что-то го-

ворить про досрочные выборы – и тут их заглушили! Но у многих осталась запись! Сейчас эта запись ходит по всем публичным инфопорталам Марса!

Максиму было очень интересно, что еще расскажут друг другу его ученые попутчики. Но вдруг он понял, что тело и разум полностью отказываются слушаться его и почел за лучшее провалиться в сон...

Он проснулся, как по звонку будильника, ровно через три часа.

Лифт давно покинул атмосферу Марса и теперь полз вдоль направляющих сверхпрочных тросов сквозь вселенскую черноту. До конечной оставалось еще часов пять, но примерно через тридцать минут гондола лифта должна была достигнуть промежуточной станции, известной как «Отметка 2000». Там все желающие могли пересест в космическое такси и уже «с ветерком» отправиться к своим лайнерам и яхтам.

Максим пока что не получил на свой новый телефон ни одного сообщения. Это означало одно из двух: либо товарищ Дементьев пока не решил как лучше вытаскивать Максима из передрыги, либо по каким-то причинам сообщение от товарища Дементьева на его телефон не дошло.

Так что же делать? Следует ли ему выйти на «Отметке 2000»? Или ехать дальше, до конечной станции на ареоцентрической орбите? Сам Максим считал пребывание на борту лифта крайне опасным и предпочел бы как можно скорее покинуть его.

Но прежде чем принимать какое-либо решение Максим отправился в туалет, где как следует умылся. Когда он вернулся в салон, все телевизоры были включены. Компания социологов, едущая рядом с ним, впилась в ближайший экран.

– Итак, господа, повторяем основные новости дня, – говорила ведущая, которая, казалось, была чем-то крайне возбуждена. – Сегодня в Кратере Закона состоялась казнь двух особо опасных

преступников, напрямую связанных с кометной террористической атакой против Марса.

«Чего-о?! – изумился Максим. – Состоялась казнь?! Ну и что же они покажут, интересно?!»

Отвечая ему, на экране замелькала быстрая раскадровка. Товарищ Альфа и Максим идут вниз, к печи. Стоят над бешеным пламенем, уже отгороженные от внешнего мира, мира живых, металлической решеткой. Людвиг ван Астен что-то говорит.

На пару секунд видеосюжет милостиво предоставил ему слово.

– И я полностью признаю свою вину перед людьми Марса, – прочувствованно сообщил товарищ Альфа. – К сожалению, масштабы наших злодеяний были осознаны мной слишком поздно.

«Сволочи! – сокрушался Максим, из последних сил сдерживаясь, чтобы не заорать на весь лифт: – Я так и думал! Они синтезировали другую картинку и звук!»

Затем экран показал еще одну видеофальшивку: общим планом, издалека, оба приговоренных ухнули вниз, навстречу разъяренным Пяти Стихиям, но кадр тут же прервался. Дескать, мы же не звери, чтобы давать в эфир такое...

Максим был так зол, что даже не заметил быстрого, изумленного взгляда, который бросил на него плешивый тихоня, поразивший своих коллег дерзкой темой доклада – насчет революции на Марсе.

Вдруг трансляция прервалась.

Вместо дикторши официального канала новостей на экране возникла заставка с текстом: «Говорит и показывает «Армия пробуждения»», а вслед за тем – прекрасно знакомая Максиму физиономия!

Это был трибун звездных борцов товарищ Тэта.

– Товарищи! Граждане Объединенного Человечества! – начал он, задорно глядя в камеру. – Мы – «Армия пробуждения», и мы

ведем передачу с борта единственного в мире фотонного корабля «Справедливый». Правительство Марса полностью недееспособно. Оно бессовестно лжет вам. Сюжет о казни так называемых «особо опасных преступников», а на самом деле тех отважных героев, которые спасли Марс от кометы, фальсифицирован.

Максим увидел на экране крупным планом товарища Альфу, а рядом с ним – себя. Они улыбаясь, обменялись какими-то репликами.

– Вы видите лидера «Армии пробуждения» по имени Людвиг ван Астен, – пояснил товарищ Тэта. – Рядом с ним стоит его заместитель, Максим Верховцев. В отношении обоих правительство нарушило свое честное слово. Они прибыли в Четвертый Рим на переговоры, но были немедленно схвачены и приговорены к смерти военным трибуналом «Беллоны».

Теперь на Максима оглянулись сразу трое его попутчиков. Он сидел ни жив, ни мертв. Все происходящее походило на эпизод из черной комедии...

– А теперь, – сказал товарищ Тэта, – послушайте настоящее последнее слово лидера «Армии пробуждения».

Лицо товарища Альфы заполнило весь экран.

– У меня есть мечта, – начал Людвиг ван Астен. – У меня есть мечта, – повторил он, выдержав небольшую паузу, – чтобы люди Объединенного Человечества были объединены не на словах, а на деле. Чтобы нас объединяла не погоня за лишним нулем личного счета и не упаднические телешоу. Чтобы нас объединяли любовь, дружба, доверие. Но возможно ли это под началом клики олигархов и финансовых воротил? Возможно ли, чтобы общество, построенное на так называемой свободной конкуренции, то есть живущее в условиях холодной гражданской войны всех со всеми, было счастливо? Я думаю, нет. И самые недавние события на подступах к Марсу показали: нет. Крупный капитал, желая выжимать все больше прибыли, тормозит развитие технологий. Олигархи, желая все средства направлять на

роскошь и развлечения, не развивали в нужных объемах противометеоритную защиту Марса. В результате комета едва не уничтожила вашу прекрасную планету. Лишь наша организация при помощи самой передовой технологии, которая и не снилась олигархам, смогла дезинтегрировать страшный снаряд, направленный к Марсу кучкой фанатиков. И что мы получили в качестве благодарности? Теперь олигархи намерены дезинтегрировать нас! Вам не смешно? Мне смешно.

– Но самое любопытное, господа, – когда Людвиг закончил говорить, на экран вернулся товарищ Тэта, – что правительство столь слабо, что даже не смогло довести до конца убийство в Кратере Закона. В полиции нашлись достойные, честные люди! Судите сами...

Дальше в нервной, репортажной нарезке, был дан прилет синего коптера и чудесное спасение Максима с товарищем Альфой. Чтобы не менять тональность сюжета, гибель вождя «Армии пробуждения» показана не была.

«Что попишешь, информационная война, – подумал Максим. – В тебя стреляют ложью, ты тоже отвечаешь полуправдой».

Закончил свой репортаж товарищ Тэта могучим крещендо:

– Граждане Марса! Выходите на улицы! Разоружайте полицию! Создавайте народные Советы! Довольно лжи! Да здравствует свобода!

Когда сюжет подошел к концу, он начался с самого начала. Похоже, «Армия пробуждения» владела сейчас эфиром безраздельно.

Хотя все социологи, конечно, теперь поняли, что путешествуют не с кем-нибудь, а с одним из лидеров зловещей экстремистской организации, они почли за лучшее этого не показывать. То же касалось и стюардесс. И даже охранников. Все они явно не знали, что делать.

К счастью, никаких судьбоносных решений ни социологам, ни персоналу «Марсолифта» принимать не пришлось. Максим

получил на телефон сообщение: «Выходи сейчас». А гондола лифта уже подтягивалась к нарядному, играющему огнями двухсотметровому бублику промежуточной станции...

Двери шлюза распахнулись...

...И Максим нос к носу столкнулся с шестеркой вооруженных бойцов! Черная форма этой шестерки, их фуражки с кокардами и державные физиономии не оставляли сомнений, что перед ним – люди, работающие на правительство, а вовсе не молодцы из Отдела Особых Действий «Армии пробуждения».

«Ну, вот и все, – констатировал Максим с упавшим сердцем. – Это конец. Меня все-таки выследили».

– Максим Верховцев? – осведомился старший офицер.

– Он самый, – вздохнул Максим.

– Я – государственный советник юстиции первого класса Павел Юрьевич Голубин. Заместитель Генерального прокурора Марса.

«Ага, прокурорский! – сообразил Максим. – А эти бараны с автоматами, значит, спецназ прокуратуры. Ну, спасибо хоть не «Беллона»».

Тем временем Голубин продолжал:

– От лица генпрокурора приношу вам официальные извинения за преждевременный и незаконный приговор, который был вынесен трибуналом «Беллоны». Этот приговор отменен. И прошу вас, господин Верховцев, гласно подтвердить ваш правовой статус официального лидера научно-исследовательской организации «Армия пробуждения».

«Научно-исследовательской?! – Максим едва не сел. – Красиво излагает! Но что заставило сильных мира сего перейти от обличительной риторики насчет «кровопийц» и «космических шакалов» к милой лжи о «научно-исследовательской» организации?»

– Подтверждаю, – Максим кивнул. – После убийства Людвига ван Астена офицерами «Беллоны» теперь «Армию пробуждения» возглавляю я.

– Значит, вы признаете, что можете выступать официальной стороной в переговорах?

– Признаю.

– Прекрасно. Прошу вас следовать за мной. Мы обеспечим вас защитой и транспортом.

Максиму ничего не оставалось кроме как повиноваться.

Так, встречей с господином советником юстиции первого класса, завершилось его путешествие на орбитальном лифте. Максим полагал, что и его недолгое пребывание на свободе – тоже. В голове не укладывалось, что Генеральная прокуратура может желать добра лидеру пиратов! А значит, вся деликатная болтовня этого Голубина – лишь прикрытие, за которым все равно последуют тюремное заключение и, скорее всего, смерть.

Но стоило Голубину и его людям, тесно окружившим Максима, пройти шлюзовой каскад орбитальной станции, как в пассажирском терминале они были окружены еще одной группой спецназа!

Те были облачены в серьезные боевые экзоскелеты, непробиваемые для легких кинетических автоматов, которыми располагали прокурорские.

Поскольку Максим уже видел людей товарища Дельты в деле на Аэрополисе, он сразу же узнал их. Его лицо расцвело улыбкой: «Неужели спасен?!»

Ближайший к нему счастливый обладатель могучего экзоскелета бесстрашно отщелкнул вверх тонированное бронестекло шлема и Максим увидел бледное, неприятное лицо товарища Дементьева. Которое, впрочем, показалось ему в ту секунду таким симпатичным, практически родным!

– Господин советник юстиции первого класса, – обратился к Голубину товарищ Дементьев, выказав завидную осведомленность в знаках различия прокуратуры, – я здесь, чтобы взять под защи-

ту лидера «Армии пробуждения» Максима Верховцева. Прикажите своим людям перевести оружие в походное положение.

– С кем имею честь? – холодно осведомился Голубин.

– Это мой заместитель, – поспешил вклиниться Максим. – Товарищ Дементьев, он же товарищ Бета. Рекомендую прислушаться к его просьбе.

– Что ж, – легко согласился Голубин. – Положим. И что дальше?

– Вы же направлялись в Четвертый Рим? В прокуратуру, верно? – спросил товарищ Дементьев.

– Точно так.

– Ну, так идемте!

И они пошли. Только теперь бойцы ООД окружили Голубина и прокурорский спецназ, конвоируя их. А товарищ Дементьев с Максимом пошли в нескольких шагах за ними, провожаемые заинтересованными взглядами пассажиров, толкущихся в терминалах и барах станции.

– А теперь для меня, пожалуйста, – попросил Максим, обращаясь к товарищу Дементьеву. – Объясни отсталому, что происходит.

– Что-то лопнуло, друг мой, в их государственной машине. Перегрелось! Соломинка упала на спину верблюда и сломала ее! – товарищ Дементьев был возбужден и, кажется, впервые в жизни Максим видел, что начальник Отдела Особых Действий не пытается скрывать свои эмоции. – Начинание Людвига было не напрасным! А я не верил! Считал его наивным идеалистом! Но он оказался лучше и мудрее всех нас!

– Да объясни же по-человечески!

– Этот дармоед товарищ Тэта, – ухмыльнулся товарищ Дементьев, – наконец-то соизволил нормально поработать. Ну, то есть, справедливости ради, не только он... А еще и наши люди на марсианском телевидении. Проснулись наконец! В общем, нам удалось прочно оседлать эфир. И показать людям правду. Пока-

зять настоящую речь Людвиг. Обнажить ложь «Беллоны». И что очень важно, это случилось в те самые минуты, когда на площадях Четвертого Рима уже шли стихийные митинги! И вот теперь на улицы вышло почти все население Марса! Они захватывают мэрии! Полицейские участки! Сжигают налоговые! Чему немало способствует, – товарищ Дементьев подмигнул Максиму, – практически полное отсутствие на Марсе полиции. И, кстати, армии. Эвакуировать-то их успели, а вот вернуть – нет.

– А что Генеральный прокурор? Он тоже наш человек?

– Наш? Я бы не сказал. Просто жирная крыса обладает отменным политическим чутьем. Я думаю, он хочет прикрыться тобой от толпы. Надеется отстоять свою любимую прокуратуру как единственный полноценно действующий орган исполнительной власти на Марсе. И тем самым наварить себе на этом политический капитал. На скорую руку, так сказать.

– А мы?

– А что мы? Летим на Марс, к прокурору. В этом наши с ним желания совпадают. Но затем, – начальник Отдела Особых Действий понизил голос, – повернем все так, чтобы именно мы возглавили исполнительную власть Марса. Сегодня ночь чудес, друг мой. У нас получится.

– Уверен?

Всегда невозмутимый Дементьев вдруг расхохотался, как мальчишка.

– Да пойми же, Максим! То, о чем столько лет твердили звездные борцы, свершилось! На Марсе – революция! И мы – ее настоящие вожди! А теперь... – товарищ Дементьев сделал паузу и глаза его сузились, – возьми.

– Что?

– То, что принадлежит тебе по праву.

В руку Максима легла знакомая серебристая фигурка Льва.

ЭПИЗОД 16

Происшествие с дредноутом «Австралия»

Район Луны, авиетка «Колибри», апрель 2469 года

Товарищ Дементьев, он же начальник Отдела Особых Действий, он же товарищ Бета, сидел за внушительным столом, во вращающемся кресле с высокой спинкой. Кресло было обшито белой кожей и могло быть смело признано самым шикарным предметом на борту крейсера «Справедливый».

Едва только Максим появился на пороге, товарищ Дементьев сразу же поднялся ему навстречу.

– Присаживайся, – пригласил он, указывая на оставленное кресло.

Максим не заставил просить себя дважды.

Дождавшись, пока гость – а точнее сказать, новый хозяин кабинета – устроится поудобнее, товарищ Дементьев занял кресло по другую сторону стола и безо всякого вступления сразу взял быка за рога.

– Теперь ты – товарищ Альфа и обязан принимать тяжелые решения. Марс – наш. Прошу утвердить план захвата Луны.

– Луны?

– Именно.

– Но это же неприступная крепость!

– Совершенно верно. Более того: сейчас Луна защищена лучше, чем когда бы то ни было. С начала ноября прошлого года по настоянию генерала Белова Объединенное Человечество ввело в действие план военного строительства «Эгида». Согласно этому плану была начата поэтапная конверсия гражданской промышленности. На верфях были заложены сорок новых крейсеров.

Противокосмическая оборона Луны к 2671 году должна быть усилена восемью водными дредноутами и четырьмя так называемыми киберкрепостями. К настоящему моменту на боевом дежурстве в лунном океане находится первый в серии дредноут – «Австралия». Так же вступила в строй одна киберкрепость. Нам неизвестно, какое ей присвоено официальное наименование и есть ли оно вообще. Мы называем ее Железной Скалой.

– погоди, погоди... – Максим потер виски пальцами. – Все сказанное тобой свидетельствует, что штурм Луны – самоубийство. Ведь у нас только пять боеспособных крейсеров!

– Ты какой кофе будешь? Арабский с кориандром? Латте? – выяснилось, что стоило Максиму на секунду опустить глаза, а товарищ Дементьев уже оказался в другом конце кабинета, возле крошечного, но прекрасно оборудованного бара. Который, к слову, располагался рядом с акватеррариумом, где обитали столь милые сердцу покойного Людвиг ван Астена голубые черепашки.

– Что? А... Давай с кориандром... Так как ты намерен взять Луну?

– Как? Молниеносно. Понимаешь! – товарищ Дементьев повысил голос, перекрикивая жужжание кофейного автомата. – Время работает против нас! С каждой неделей они будут вводить в строй все новые крейсера! Новые дивизионы автоматических корветов «Филин»! Вслед за «Австралией» спустят на воду «Гренландию»! Потом «Филиппины»! Войдет в строй объект «Голубая искра»! Он позволит при помощи рельсотронов выстреливать из неуязвимых подземных бункеров прямо на орбиту десятки ракет «космос-космос» в одном залпе! А мы уже ничего нового сделать не сможем!

– Но почему? Теперь в наших руках десятки марсианских заводов!

– Вся серьезная промышленность на Марсе зависима от поставок с Луны и Земли... Вот твой кофе, на всякий случай сразу две чашки.

– Спасибо.

– На здоровье. В общем, прямо сейчас, пока они деморализованы утратой Марса, у нас еще есть шансы. Потом их не будет.

Максим, который наконец-то оправился от первого удара информации, вылитого на него товарищем Дементьевым, задумался. Ему не нравилась напористость товарища Дементьева. Да чего там – новый лидер «Армии пробуждения» чувствовал себя статистом, марионеткой, свадебным генералом на этом бенефисе товарища Беты!

Машинально Максим сунул руку за отворот комбинезона и погладил висевшего на шее Льва. Тело на долю секунды скрутило ледяной судорогой, в глазах потемнело. А потом...

Товарищ Дементьев, которого боялись враги и опасались друзья, из хитрого и расчетливого человека вдруг превратился в сутулого, усталого зануду. Он словно уменьшился в росте, потух, а Максим, наоборот, вырос, раздался в плечах. Его голос не зазвучал – загремел на весь кабинет:

– погоди! Шансы – это хорошо. Что потом шансов не будет, я понимаю, не ребенок. А теперь давай – как ты намерен взять Луну? В текущих условиях, при существенном, а возможно, и подавляющем превосходстве противника в силах?

Товарищ Дементьев недовольно дернул щекой, бросил косой взгляд на ярко светящиеся в полумраке разноцветные глаза Максима и через силу улыбнулся.

– Теперь вижу настоящего товарища Альфу! Людвиг был бы тобой доволен!

– Спасибо. Но хотел бы услышать ответ на свой вопрос.

– Видишь ли, Мак... товарищ Альфа, у противника превосходство в силах, зато у нас – в технологиях. Помимо «Справедливого» у нас есть четыре козыря: дисколет с вихревой защитой, Конгрегация Семерых, хронобластер и армия наноботов.

– Про наноботов, допустим, понятно. Их можно перепрограммировать из строителей в солдат, мне объяснял Мамонт.

Про дисколет – уже не очень понятно. А про какую-то Конгрегацию Семерых и хронобластер я слышу первый раз в жизни.

Всем своим видом товарищ Дементьев изобразил деятельное сожаление и торопливо заговорил:

– Хронобластер – это пушка, которая умеет останавливать время на некоторое время... извини за каламбур. У хронобластера есть серьезные ограничения по скорострельности и количеству зарядов. Мы пока не научились стрелять из него чаще, чем раз в три месяца.

– Раз в три месяца? – Максим недовольно скривился, как будто откусил пол-лимона.

– Да. Но зато и эффект от его применения сногсшибательный. С помощью хронобластера мы сможем не просто нейтрализовать Железную Скалу, но и заставить ее повоевать на нашей стороне.

– Я сделаю вид, что понял, хотя ничего не понял. Потом пришлешь мне подробный доклад. А что ты там говорил про какую-то ассоциацию восьмерых?

– Конгрегация Семерых?

– Да.

– Извини, – товарищ Дементьев отошел к бару за своим капучино. Оглянувшись оттуда на своего нового вождя, начальник Отдела Особых Действий снова отметил про себя жутковатый разноглазый взгляд товарища Альфы. – Как тебе кажется, где проходила идеологическая граница между «Танцорами вечности» и нами, «Армией пробуждения»?

Максим усмехнулся.

– Ну... Вообще-то никаких непреодолимых антагонизмов между нами и «танцорами» не было... Но какое это отношение имеет к Конгрегации Семерых?

– Совершенно верно. Но на самом деле между братом Молотом и Людвигом ван Астеном имелись очень серьезные, неустрашимые теоретические разногласия. Разногласия по вопросу о сверхчеловеке.

– О сверх... человеке?

– Да. Понимаешь, мы выступаем за свободу, отмену капитализма и труд-творчество. И «танцоры» – за свободу, отмену капитализма и труд-творчество. Но Людвиг при этом утверждал, что состояние коммунизма – а точнее сказать, прикладного гуманизма – достижимо при текущих кондициях человека. А брат Молот считал, что это ерунда. Потому что обычный человек, дескать, слишком слаб. И должен быть заменен сверхчеловеком. У которого только и будут правильные труд с творчеством. А еще – гармоничные взаимоотношения с Семью Силами. Но про Семь Сил там целое религиозное учение, я не буду его сейчас излагать... Так вот, в Аэрополисе велась разработка сверхлюдей методами генной инженерии и улучшающего клонирования. Но несколько первых поколений оказались дефектными и «танцоры» в конце концов бросили эту затею. Но не отказались от нее полностью. Они пошли по другому пути – подбирали людей с врожденными способностями и усиливали эти способности с помощью вживления киберустройств.

– Танцоры делали киборгов? – удивленно шевельнул бровью Максим.

Товарищ Дементьев судорожно сглотнул – разноцветные глаза собеседника просто гипнотизировали его, а исходящая от товарища Альфы энергия подчиняла волю. Хотелось бросить все, натянуть экзоскелет и рвануть куда-нибудь на край Солсиса – громить проклятых олигархов. С трудом взяв себя в руки, товарищ Дементьев кивнул:

– Боевых киборгов. Им удалось создать семь полноценных сверхбойцов. Они-то и получили название Конгрегации Семерых.

– Погоди... Если ты говоришь о «танцорах», они должны были погибнуть вместе с Аэрополисом.

– Конгрегация Семерых была отправлена братом Молотом в качестве особой службы внутренней безопасности на борт

крейсера «Пилигрим». Когда тот в начале февраля вместе с «Тигром» отправлялся начинать операцию «Комета». Брат Молот полагал, что командиры кораблей могут в какой-то момент проявить малодушие и откажутся уничтожать гражданских на Марсе космической бомбардировкой при помощи кометы Шпитц-11. Тогда отступниками и должна была заняться Конгрегация Семерых.

– А теперь они перешли на нашу сторону?!

– Так точно, товарищ Альфа! И сами перешли, и убедили весь экипаж «Пилигрима». Так что теперь у нас есть свой собственный дисколет! Настоящий, с работающей вихревой защитой!

– Это по-настоящему хорошая новость, – громыхнул Максим.
– Но почему?

– После свержения марсианского правительства все супербойцы из Конгрегации Семерых признали победу нашей идеологии, – сухо улыбнулся товарищ Дементьев.

Со времени того памятного разговора с товарищем Дементьевым прошли две недели.

И теперь старая добрая «Колибри» мчалась навстречу славе и гибели. Их было восемь: Максим в кабине пилота и семеро его новых соратников, каждый из которых, без преувеличения, стоил взвода.

Сестра Пантера, краса и гордость Конгрегации Семерых, сидела в пилотской кабине рядом с ним. Выражение ее лица было непроницаемым. Максим подозревал: у сестры Пантеры напрочь отсутствовали эмоции. Да и зачем нужны эмоции женщине, которая в состоянии за доли секунды голыми руками убить вооруженного до зубов спецназовца, да и не одного?

В пассажирском салоне разместились еще двое бойцов: брат Змей и брат Крюк. Максим прислушался к их беседе. Это был разговор скучающих профессионалов:

– А не мало мы взяли? – спросил брат Змей, зевая.

– Мало чего? – уточнил брат Крюк, не поворачивая головы.
– Подрывных зарядов. А то знаешь... – брат Змей сделал неопределенный жест.

Слишком неопределенный, потому что брат Крюк нашел нужным переспросить:

– Знаю что?

– Ну, заваруха пойдет... А у нас зарядов мало.

– Мало? – брат Крюк окинул хозяйским взглядом два соседних кресла, заваленные похожими на маленькие гробики контейнерами с усиленными кумулятивными зарядами. – Ты сначала эти до объекта донеси!

– Да раз плюнуть.

На губах брата Змея гуляла самодовольная ухмылка. Он знал себе цену и не боялся трудностей. На спине его сделанного по спецзаказу боевого комбинезона располагалась портативная антигравитационная установка, управляемая с помощью вживленных в мозг брата Змея нейросенсоров.

Неделю назад на глазах у руководства «Армии пробуждения» брат Змей, стартовав из долины реки Амфитрита, долетел до второго яруса вантовых растяжек орбитального лифта на горе Павлин! Вековая мечта всех романтиков – летающий человек – воплотилась в жизнь благодаря усилиям инженеров из секретных лабораторий «Танцоров вечности». Правда, брата Змея никак нельзя было назвать приятным собеседником или отметить его умственные способности, но левитация компенсировала все.

Да и брат Крюк не походил на простачка. Ему тоже было чем гордиться. Например, способностью обходиться без кислорода до сорока двух минут. Он был идеальным диверсантом: выносливым и практически неуязвимым, поскольку его кожа после наращивания на нее особой биометаллической брони стала настолько толстой, что ее брали лишь крупнокалиберные пули и лазерные лучи повышенной мощности.

В транспортном отсеке, хуже прочих защищенном от ударных нагрузок, скучали четверо самых крепких. Это были сестра Зебра, брат Хилер и двое близнецов – брат Алмаз и брат Пепел.

Сестра Зебра делала брату Хилеру легкий массаж.

Братья Алмаз и Пепел дулись в картишки.

Ни о чем плохом никто из них не думал. Справедливости ради, члены Конгрегации Семерых вообще редко думали об абстрактном.

Сверхбойцам «Танцоров вечности» это было совершенно ни к чему...

Во время всего полета «Колибри» была невидима. Ее, можно сказать, вообще не существовало здесь и сейчас, на крутой параболической траектории, берущей начало в пяти миллионах километров от Луны и обрывающейся над заливом Безмятежности лунного океана.

И в то же время «Колибри» была. Она мчалась к цели с огромной скоростью. Скорость и невидимость были главными составляющими успеха. Успеть проскочить через все поля радарного покрытия. Миновать сектора, плотно простреливаемые орбитальными крепостями. Разминуться с усиленными патрулями корветов на низкой орбите...

...И все это до того, как иссякнет неквантуемое вещество, питающее уникальный генератор невидимости на борту «Колибри», после чего их кораблик выпрыгнет из маскирующего поля прямехонько под лучи радаров самой совершенной системы противокосмической обороны в Солнечной системе.

Объединенное Человечество не знало подобных технологий невидимости. Лишь некоторые светлые умы подозревали, что они возможны. Но таинственные покровители с Умбриэля сделали так, что «Армия пробуждения», будучи крайне малочисленной, в технологическом отношении опережала правительство Объединенного Человечества на десятки и сотни лет.

Пока все шло по плану, но Максим с каждой минутой становился все мрачнее и мрачнее. Для него как для пилота начинался самый сложный отрезок маршрута. Точных координат дредноута «Австралия», бороздящего просторы лунного океана, он не знал.

Их и невозможно было знать, потому что дредноут находился в постоянном движении. «Армии пробуждения» был известен лишь район его боевого дежурства с точностью до пятидесяти километров, не более. Это значило, что рано или поздно, а как назло это произойдет скорее поздно, чем рано, Максиму придется прервать баллистический полет «Колибри» по расчетной траектории и, полностью взяв управление на себя, энергично маневрировать, наводясь на цель вручную.

С учетом их скорости это обещало перегрузки в двадцать «же». Ни один стандартный человек из обычной плоти и обычной крови перенести такие перегрузки был не в состоянии. Его ждала мгновенная смерть.

Вот почему с прошлой недели в жилах Максима текла голубая кровь «Танцоров вечности» – такая же, как и у бойцов его «великолепной семерки»... Операция по переливанию голубой крови, проведенная на борту крейсера «Пилигрим», была до крайности болезненной, но оно того стоило.

Голубая кровь дарила быструю регенерацию всех органов, невероятную живучесть, самое малое вдесятеро увеличивала силу мышц и реакцию. По сути, Конгрегация Семерых пополнилась новым участником. И им стал товарищ Альфа Максим Верховцев.

Вход в атмосферу оказался жестче, чем ожидал Максим.

Не потребовалось никаких поперечных маневров, чтобы получить если не двадцать, то полновесные пятнадцать «же» отрицательной нагрузки.

«Колибри» распустила вокруг себя такой оранжевый плазмод, который был, наверное, виден невооруженным взглядом с Марса.

Полностью скрыть громадное тепловое пятно, превосходящее габариты «Колибри» в десятки раз, никакие технологии невидимости были не в состоянии. Но Максим, чье тело сейчас весило за тонну (сказывались перегрузки!) думал совсем не об этом. «Австралия». Как отыскать дредноут среди сотен и даже тысячей целей, заполнивших экраны радаров? Рейсовые авиетки, патрульные корветы, гражданские и полицейские коптеры, прогулочные дирижабли, превратившись в пятна, точки, полосы и облачка засветки, теснились сейчас на экранах. На детальный анализ даже у бортового исина «Колибри» уйдет слишком много времени. А его, этого самого времени – нет.

Нет совсем.

К счастью, на дредноуте очень вовремя сыграли боевую тревогу!

Во-первых, корабль стремительно увеличил ход. А во-вторых, ввел в действие главные целеуказующие радары. Излучение этих радаров в терминах радиоконтрастности пылало ярче полной Ио над городом Хэйхэ. Потерять дредноут теперь было совершенно невозможно!

Максим сразу же при помощи ручной селекции целей вычистил весь тактический планшет, а на дредноут накинул метку «автосопровождение».

– Ну что там внизу? – равнодушным голосом спросила сестра Пантера.

– Цель обнаружена. Всем внимание: начинаю маневр сближения. Приготовились! – Максим вздохнул и добавил: – Скоро будет очень больно...

Насчет «очень больно» он нисколько не преувеличивал. Как и ожидалось, ничего похожего на мягкую посадку им не светило. Не светила и полужесткая. Даже развернув «Колибри» дюзами вперед и отрабатывая тягой маршевых, он приходил в точку встречи с целью со скоростью не менее пятисот километров в

час – сказывалась гигантская скорость, с которой они промахнулись через все линии обороны Луны.

Само собой, для любого корвета это было равнозначно крушению. «Колибри», увы, не составляла исключения. Расстояние сокращалось молниеносно. Даже со своей теперешней сверхбыстрой реакцией Максим не успел развернуть «Колибри» дюзами вперед и был вынужден смириться с тем, что они войдут в кормовую надстройку «Австралии» со скоростью почти вдвое большей – девятьсот километров в час.

Зализанные, как у космического аппарата, обводы плавучей крепости противокосмической обороны ворвались в свет посадочных фар «Колибри» и рывком заполнили весь обзор.

– Цель под нами! Сейчас! – успел выкрикнуть Максим.

Удар! Треск, скрежет, пламя, взрыв...

Километровое стальное веретено «Австралии» присело на корму. Фонтаны воды ударили в небо.

Больше всех досталось тем, кто был в транспортном отсеке – он не имел такой системы амортизации, как пассажирский салон и пилотская кабина. Брату Пеплу и брату Алмазу едва не переломало кости – их впечатало в переборку сорвавшимся с креплений грузом.

Сестру Зебру тоже изрядно проутюжило – ее полосатый маскировочный скафандр покрылся рубцами и дырами. А вот брат Хилер был бодрячком – если не считать вывихнутой ноги и хлещущей из рваной раны на левой руке голубой крови.

Самому Максиму досталось меньше других: сказалась хорошая амортизация пилотской кабины. Он отделался ушибами и рассечением брови.

Больше всех пострадала сестра Пантера – его поразил высоковольтный разряд оборвавшегося силового кабеля. Обычно человека это убило бы на месте, но боевой киборг «Танцоров вечности», каковым являлась сестра Пантера, даже не впал в полноценную кому.

Все восемь членов экипажа «Колибри» выжили. И, похоже, собирались жить долго и счастливо.

Первыми оклемались обитатели пассажирского салона – брат Змей и брат Крюк.

Их отсек, разрушив карданный подвес и все остальные конструкторские ухищрения по амортизации, проделал в главной палубе дредноута внушительный пролом, после чего застрял в силовом наборе правого борта.

Частая гребенка раздробленных шпангоутов расплосовала все днище пассажирской кабины, открыв широкий проход наружу. На ходу приводя свои системы в боевое состояние, брат Змей и брат Крюк споро разгрузили в четыре руки весь запас подрывных зарядов.

Они были уже готовы начать прорыв в трюм корабля, когда из глубины заполненного ядовитым желтым дымом разгромленного офицерского камбуза ударили выстрелы. Уцелевшие при катастрофе «Колибри» члены экипажа «Австралии» вступили в бой. На фоне трескотни восьмимиллиметровых автоматов мощно ухал чей-то автоматический 12,7-мм пистолет.

Его пули принялись дырять толстенную биометаллическую кожу брата Крюка. Поэтому, вместо отчаянной лобовой атаки, ему и брату Змею пришлось вступить в позиционную перестрелку. Укрываясь за искореженными листами бронепалубы, они поливали врага из импульсных винтовок.

К счастью, заминка вышла недолгой. Максим и другие диверсанты, пробравшись вдоль борта, атаковали засевших на камбузе с тыла. Лишь двое пока не могли принять участия в деле: брат Хилер экстренно реанимировал сестру Пантеру.

– Завалите ублюдка с крупнокалиберным пистолетом! – орал брат Крюк не своим голосом. – Скорее!

Этот вопрос был решен братом Пеплом. Подкравшись к рослому офицеру с погонами подполковника, который вел огонь с

двух рук из 12,7-мм «Спейс Иглов», он пустил в дело вживленный в тело плазмомет.

Струя огня с аппетитным шкворчанием вырвалась из вздутия на плече брата Пепла. Непосредственно в подполковника он не попал, но тот, оказавшись в окружении языков пламени, поспешил оставить выгодную огневую позицию.

Как только опасный стрелок был устранен, брат Крюк в несколько гигантских прыжков преодолел расстояние, отделяющее его от врагов.

– Сдавайтесь, вы обречены! – успел выкрикнуть Максим. Но разъяренные спецназовцы «танцоров» посчитали, что гуманность в данном случае ни к чему. Брат Крюк просто посворачивал матросам головы, а подполковника со «Спейс Иглами» пробил насквозь метровым титановым вертелом.

Через шахту грузового лифта диверсанты споро добрались до трюма. Эффект внезапности, на который рассчитывали Максим и товарищ Дементьев, сработал в полной мере – организованного сопротивления не было. Экипаж «Австралии» боролся за живучесть своего огромного корабля и никто из моряков еще не знал, что дредноут обречен.

Заложив заряды, диверсанты покинули трюм. «Австралия» содрогнулась от серии взрывов. Ее правый борт в подводной части был перфорирован цепочкой пятиметровых пробоин, растянувшихся на триста двадцать метров.

Слабосоленая вода лунного океана хлынула в чрево колосса со скоростью, в полтора раза превышающей суммарную производительность его водоотливных помп. Проще говоря, «Австралия» начала тонуть. А поскольку при падении «Колибри» обломки авиетки разрушили энергосеть правого борта и половина всех помп не работала, то гибель корабля становилась не только неизбежной, но и весьма близкой.

– Классно сработано! – восхитился делом рук своих брат Крюк, указывая под ноги.

Максим посмотрел вниз. Диверсанты находились на решетчатом мостике одного из грузовых отсеков дредноута. Далеко под ними струилась и бурлила мутно-коричневая вода. Она пенилась омерзительной лимонно-желтой пеной, быстро заполняя трюм.

– По-моему, даже слишком классно, – с опаской сказал Максим. – Глядишь, это корыто утонет быстрее, чем мы из него выберемся. А у меня, в отличие от тебя, жабры пока не выросли... Короче, делаем выводы.

– Мой вывод прост: надо рвануть здесь, – сестра Пантера энергично пнула носком армейского ботинка переборку слева от себя.

– Откуда такая уверенность? – осведомился Максим.

– Забыл? У меня вживлены звукоуловители, – пояснила сестра Пантера. – Я слышу за броней разговор комендоров. Это значит, что там расположена вертикальная цитадель одной из башен главного калибра.

– Ну и что?

– А то, – пояснил за Пантеру брат Алмаз, – что это единственная открытая вертикаль, ведущая наверх сквозь все палубы. Только по ней мы имеем шансы выбраться, обогнав воду, заполняющую корабль!

Но сказать – как обычно – было куда проще, чем сделать.

Оба алмазных резака, которыми располагали диверсанты, успели пройти лишь полтора сантиметра брони, когда у них скисли источники энергии, поврежденные при жесткой посадке «Колибри».

Плазмомет брата Пепла тоже оказался бесполезен – для его умеренной мощности металл оказался слишком сортым и толстым.

Проблему удалось решить, лишь расстреляв все шесть имевшихся одноразовых гранатометов. После того как в бронированной цитадели открылись шесть пышущих жаром дыр, каж-

дая размером с юбилейный юань, брат Пепел смог пустить в ход врученный ему Мамонтом буквально за минуту до отлета цепной субмолекулярный резак.

Пропуская умную нить-змею через пару соседних отверстий, он подавал на нее напряжение от ранцевого газогенератора и та, вибрируя и визжа, за несколько секунд разносила металл на мелкие кусочки. Шестиугольная пластина брони с грохотом упала вниз, когда ледяная вода доходила Максиму уже до пояса.

Первым в открывшийся проем, повинаясь повелительному жесту Максима, шагнул брат Крюк. Он принял на себя не меньше дюжины пуль, выпущенных из табельных пистолетов комендоров, но, понятное дело, даже не обратил на них внимание.

Ответным огнем брат Крюк уложил как минимум двоих. Остальные члены расчета этой башни почли за лучшее искать спасения за толстыми вагонетками снарядного элеватора.

Вторым в проем ринулся брат Змей. Оттолкнувшись ногами от нижней кромки среза, он активировал антиграв и библейским ангелом мщения взмыл через горловину все того же снарядного элеватора, завис над головами перепуганных комендоров и в несколько секунд высадил себе под ноги две полные ленты из штурмовых ручных пулеметов «Дикобраз». Две ручные гранаты довершили начатое. Расчет оказался уничтожен полностью.

– Путь свободен!

К сожалению, другие бойцы Максима, да и сам он, не умели летать, как брат Змей. Им ничего не оставалось кроме как воспользоваться скоб-трапом. Это отняло драгоценные секунды. А корабль тем временем кренился все сильнее...

Когда Максим миновал зубчатый агрегат поворота башни, он обнаружил себя уже на отрицательной – как сказали бы альпинисты – стене, имеющей угол обратного наклона не менее десяти градусов. Из затопленных трюмов корабля неслись вынимающие душу стоны – это выгибались в предсмертной агонии водонепроницаемые переборки.

И вот одна из них лопнула!

Это было громче залпа тысячи пушек!

Массы воды гигантским молотом ударили в корму корабля. Оставшийся в трюмных пространствах воздух ураганом пронесся вверх по броневой цитадели. Сила пневматического удара была такова, что башня главного калибра разошлась по сварным швам и раскрылась, как бутон лотоса.

Не будь у Максима блестящей атлетической подготовки и сверхвыносливости, которой одарила его голубая кровь, едва ли он смог бы преодолеть последние метры скоб-трапа. Ведь ему пришлось по сорок раз подтянуться на каждой из рук – и это при том, что помимо веса собственного тела он всякий раз выжимал еще тридцать килограммов вооружения и экипировки!

Его диверсантам пришлось чуть легче. Когда «Австралия» начала опрокидываться, они были существенно ближе к концу скоб-трапа, а брат Крюк с братом Змеем и вовсе уже сидели верхом на броневых лепестках раскрывшейся башни главного калибра.

Молниеносная гибель «Австралии» – которая, к слову сказать, совсем не входила в первоначальные планы Максима, ведь по расчетам товарища Дементьева корабль должен был тонуть не менее четверти часа – грозила погубить их всех.

Но в те мгновения, когда они выбрались из затопленных трюмов к свету, катастрофа дредноута спасла им жизнь: почти все члены экипажа гигантского корабля оказались замурованы в отсеках и занимались собственным спасением. А немногие офицеры «Беллоны», прикомандированные к «Австралии», так и не успели открыть по диверсантам прицельный огонь...

ЭПИЗОД 17

Железная Скала

Орбита Луны, крейсер «Пилигрим», апрель 2469 года

Совсем скоро Максим оказался в бурлящей, обжигающей, неумолимо затягивающей на глубину ледяной воде. В десятке метров справа к белесому небу вздымалась мокрая блестящая стальная стена – днище перевернувшейся и уходящей на дно «Австралии». Максим поплыл, расталкивая качающиеся на волнах ящики и коробки. Их вышибло из трюмов дредноута пневмоударом.

Рядом с ним плыли брат Хилер и сестра Пантера.

– Где остальные? – спросил Максим, отплевываясь.

Брат Хилер закрыл глаза и сосредоточился. Он воспринял слова лидера «Армии пробуждения» как приказ:

– Чувствую сестру Зебру... Она уже совсем близко! Рядом с ней брат Пепел и брат Алмаз...

– А где брат Крюк?

Брат Хилер замешкался, мерно, по-лягушачьи, работая конечностями.

– Я не вижу нити его жизни... Возможно, его больше нет с нами...

– А брат Змей?

– Он вновь активировал антиграв. И скоро уже будет на берегу!

– Нам тоже надо поторопиться, – сказал Максим.

Когда на поверхности появились головы близнецов Пепла и Алмаза, а также сестры Зебры, он скомандовал:

– Активируйте гидроциклы! У кого не работает, имейте в виду – у меня модель повышенной мощности! Если мы не уберемся отсюда в течение минуты, нас засосет в воронку.

Зародыши гидроциклов ждали своего часа в ранцах. Каждый из них представлял собой капсулу из эластичного полимера длиной сорок сантиметров и диаметром пятнадцать, с активатором в виде вытяжного фала с шариком. Стоило выдернуть фал – и процесс чудесной трансформации начинался.

Первым выскакивал телескопический гребной вал. На нем раскрывались лопасти винта. Тут же аэропатроны наполняли особой газовой смесью секции гидролыж, формировали место водителя и руль. За каких-то пятнадцать секунд каждый член команды Максима получил полноценное, хотя и одноразовое транспортное средство!

– Пара минут – и мы будем на берегу, – обрадовано улыбнулась сестра Зебра.

– Пара – это вряд ли. Десять минимум, – поправил ее брат Пепел, ворчун и циник.

Максим дал отмашку и его группа, поредевшая, но не сломленная, помчалась к берегу, где в предутренних сумерках над горизонтом серебрились шпили и купола Лунограда. А за их спинами бурлил и пенился океан. На его поверхности лопались гигантские пузыри, масляные пятна расплывались во все стороны, играя на солнце. Краса и гордость противокосмической обороны Луны – дредноут «Австралия» – ушел на дно практически со всем экипажем.

Спасти удалось лишь трем десяткам человек. Среди них оказался и капитан корабля, вице-адмирал Блэр. Он потерял сознание, ударившись виском о переборку в момент подрыва зарядов в трюме и был вытащен вестовыми с мостика.

Очнувшись в спасательной шлюпке, капитан выслушал доклад старшего из оставшихся в живых офицеров, достал наградной пистолет и выстрелил себе в рот...

Гибель «Австралии» оголила противокосмическую оборону Луны в секторе Тельца и сделала возможным прорыв дисколета «Пилигрим».

Осыпaeмый градом ракет, залитый разноцветными сполoхaми оптического и гамма-лазеров, бывший крейсер «Танцоров вечности» вступил в свой последний бой.

Его непробиваемый кокон вихревой защиты, усиленный на марсианских верфях тремя тысячами тонн фуллереновых волокон, терял под ураганным вражеским огнем не менее тридцати центнеров вещества каждую секунду. И это после гибели «Австралии»! Если бы дредноут не лежал сейчас на дне залива, сложенные залпы его рельсотронных орудий не оставили бы «Пилигриму» ни единого шанса. Но и без «Австралии» крейсеру приходилось несладко.

– Клянусь светом Справедливости, – сказала сестра Бригантина, покачивая сидящей, коротко остриженной головой, – это высшее счастье – умереть в бою за правое дело, за дело, которому ты служишь! Вперед, братья и сестры!

На лицах пилотов и навигаторов, окружавших сестру Бригантину в боевой рубке крейсера, лежала благородная печать смерти. Но никто из них не проявил малодушия. Все знали: правда за ними!

– Мой капитан! – выкрикнул вдруг брат Неясыть, не сводивший глаз с тактического радара. – Вижу Железную Скалу ясно! Она поднимает корветы!.. Пятьдесят!.. Семьдесят!.. Проклятие, их уже двести! И это все «Филины»! Там нет ни одного «Скорпиона» или «Краба»!

– Как и должно быть, – сестра Бригантина встретила известие с невозмутимостью мумии. – Как и должно быть.

Она немедленно связалась с товарищем Дементьевым.

– На «Наутилусе»! Здесь «Пилигрим»! Вызываю товарища Бету!

На экране появилось узкое, костистое лицо начальника Отдела Особых Действий.

– Слушаю вас, сестра.

– Есть контакт с Железной Скалой! Дистанция – пятнадцать! Готовы действовать согласно плану!

– Отлично! Оставайтесь на связи! Подтверждаю основной план: защиту выключаем на дистанции восемь с половиной!

За одну-единственную минуту, которая требовалась «Пилигриму» для выхода на заданный рубеж, огонь правительственных крепостей смел с крейсера почти всю металлическую пыль защитного кокона. Так что когда два офицера в рубке дисколета, выполняя приказ сестры Бригантины, выкрутили штурвальчики управления вихревой защитой в ноль, остатки ее рассеялись в мгновение ока.

– Пошла! – рявкнул Дементьев Ирине Бекасовой. Самая отважная и умелая пилотесса «Армии пробуждения» в ту минуту находилась в пилотском кресле штурмовой канонерской лодки «Наутилус».

– Есть пошла! – задорно откликнулась Ирина, отдавая от себя и штурвал, и обе педали взлетной тяги.

Оттолкнувшись от прокопченного брюха дисколета реактивными струями, «Наутилус» рванул по направлению к Железной Скале.

Крепость противокосмической защиты поражала воображение. Стальная усеченная пирамида, ошетилившаяся ракетными установками и стволами лазерных пушек, главное свое оружие она хранила глубоко во чреве. Там находились три с лишним сотни новейших автоматических корветов-перехватчиков типа «Филин». Эта армада была способна уничтожить весь флот «Армии пробуждения», включая крейсер «Справедливый».

Конечно же, совсем небольшой в сравнении с крейсером «Наутилус» ждала неминуемая гибель под вражеским огнем в течение считанных секунд. Но никаких секунд товарищ Дементьев предоставлять правительственным войскам намерен не был.

Немедленно совместив примитивный визир из двух зеленых ниточек с визуально наблюдаемым центром Железной Скалы, он

нажал на неподатливую спусковую скобу хронобластера⁵. Прежде чем разрушающее все шаблоны человеческого восприятия устройство сработало, под пусковой скобой последовательно сломались три пластмассовых предохранителя, а Ирина Бекасова успела машинально захватить боевым радаром дюжину ближайших «Филинов», волнами расходящихся от Железной Скалы.

Зарядом хронобластера являлись два килограмма неквантуемого вещества, помещенного в самарий-кобальтовую колбу и насыщенного хрононами. Таких технологий у Объединенного Человечества не было. А вот у экстремистов из «Армии пробуждения» – были.

Плотный пучок хрононов ударил вперед по курсу «Наутилуса», последовательно проходя через пять особых странжелетовых экранов, внешне похожих на двухметровые лотосы из горного хрусталя.

При помощи этой системы были отсеяны все хрононы, имеющие положительный знак. И таким образом в конусе, распространяющемся от «Наутилуса» к Железной Скале, начался процесс «вычитания» из временного потока.

Еще секунда – и время остановилось. Остановилось для всех объектов, попавших в «поток вычитания».

Но поскольку и сам «Наутилус», и его экипаж на этот момент находились вне «потока вычитания» и дополнительно экранировались положительными хрононами, удержанными двухметровыми лотосами из странжелетовых монокристаллов, время для них продолжало течь, как и прежде.

Погруженное в нуль-время, замерло все.

Замерла исполинская железная пирамида киберкрепости генерала Белова.

Замерли грозные волны корветов, еще несколько секунд назад стремившиеся навстречу врагу.

---

⁵ Хронобластер – в данном случае машина времени направленного радиуса действия

Замерли рои ракет класса «космос-космос», которыми «Беллона» рассчитывала досыта накормить и громаду «Пилигрима», и верткую мошку «Наутилуса».

Замерли офицеры у мониторов, замерли наводчики у визиоров и экранов радаров, замерли канониры и кибер-пилоты, замерли электроны в цепях управления и радиоволны в эфире, даже мысли – и те замерли в головах, поэтому подумать о том, что случилось, было некому...

«Наутилус», направленный твердой рукой Ирины Бекасовой, молниеносно сблизился с Железной Скалой и, беспардонно пробив золоченые ворота адмиральского шлюза с гигантским гербом Объединенного Человечества, лихо раздавил разъездную VIP-авиетку.

Из раскрывшихся створок штурмового лацпорта горохом посыпались молодцы товарища Дельты, закованные в экзоброню. Их возглавлял лично товарищ Дементьев.

Термобарические подрывные заряды выдавили сорок квадратных метров стены. В открывшуюся брешь, используя реактивные ранцы, влетели двенадцать штурмовиков «Армии пробуждения».

Еще взрыв, еще взрыв и еще...

Не тратя время на блуждания в запутанных лабиринтах Железной Скалы, десантники товарища Дельты взрывами прорубали дорогу к заветной цели. За ними широко шагал товарищ Дементьев.

Вскрыв стену машинного зала главного компьютера Железной Скалы, штурмовики почтительно остановились у пролома. Товарищ Дельта доложил о выполнении задания. Товарищ Дементьев кивнул, прошел вперед и извлек из поясного контейнера загадочную вещицу, похожую на блестящий черный брелок – это был исин последнего поколения, который он лично окрестил Смотрящим.

Свинтив с брелока крышечку, товарищ Дементьев поднес его к ближайшему процессору и резко сдавил пальцами железной

перчатки своего экзоскелета. В тот же миг струйка невесомой золотистой пыли устремилась к электронным мозгам Железной Скалы и впиталась в них!

Удостоверившись в том, что все прошло как нужно, Дементьев позволил себе... улыбнуться, чем несказанно поразил видавших виды спецназовцев товарища Дельты. И сразу же вызвал Ирину Бекасову.

– «Наутилус» слушает! – отозвалась та, любовно поглаживая своего счастливого плюшевого медведя – она всегда брала его с собой в вылеты.

– Прогревай движки своей колымаги, сестричка, – приказал товарищ Дементьев. – Мы возвращаемся.

– Неужели получилось? – не поверила та.

– У меня всегда все получается, – уверенно сказал товарищ Дементьев. – Всегда.

Железная Скала была спроектирована как база и командный пункт для трехсот шестидесяти беспилотных корветов типа «Филин». К апрелю 2469 года, несмотря на всю спешку, полностью укомплектовать Железную Скалу не успели. К моменту нападения «Армии пробуждения» на ней находились двести семьдесят пять технически исправных и готовых к бою машин.

Каждый корвет типа «Филин» имел собственный исин, способный самостоятельно принимать любые решения, необходимые как для индивидуального боя, так и для действий в группе.

В то же время, существовал так называемый «параллельный алгоритм». Железная Скала располагала возможностями прямого радиокомандного управления любым «Филином». Это требовалось как в случае повреждения бортового иси́на корвета в бою, так и для использования сотен корветов в качестве единого боевого организма. Тут уже исин Железной Скалы, опираясь на информацию от десятков радаров, транслируемую с борта корветов, начинал выстраивать собственную ин-

тегральную картину боя, а потому переводил все исины корветов на положение простых исполнителей приказов.

Из-за того, что Дементьев ввел Смотрящего в сеть Железной Скалы, «параллельный алгоритм» начал работать против своих создателей. Это произошло, когда нуль-время сменилось обычным темпоральным потоком.

Волны корветов, застывших в лунном небе, «размерзлись». Ожила и Железная Скала. Вот только теперь она полностью подчинялась Смотрящему.

Множество разнокалиберных помех, поставленных в ходе боя обеими сторонами, помешали исины «Армии пробуждения» докричаться примерно до семидесяти самых дальних корветов. Те «Филины» остались под управлением собственных исинов и набросились на лишенный вихревой защиты «Пилигрим».

Зато две сотни остальных корветов начали во всем слушаться Смотрящего. Шестнадцать ближайших кораблей взяли под эскорт отступающий от Железной Скалы «Наутилус», защищая Бекасову, Дементьева и бойцов ООД. Еще сотня «Филинов» бросилась вдогонку за своими братьями, курочащими «Пилигрим».

Наконец, остальные, разделившись на две флотилии, занялись подтягивающимися к месту боя крейсерами и орбитальными крепостями правительственных войск.

Дементьев понимал, что две сотни «Филинов» не смогут совладать со всеми объектами противокосмической обороны Луны. Рано или поздно их перебьют, пусть и с огромными потерями.

Ему было важнее другое: там, где раньше несокрушимой твердыней возвышалась Железная Скала, теперь зияет брешь. И в эту брешь наконец-то можно ввести корабли, которые, пройдя над крупнейшими городами Луны, высадят свой невиданный десант.

ЭПИЗОД 18

В бункере господина Оберпротектора

Луна, окрестности Лунограда, апрель 2469 года

Планируя операцию, Максим с Дементьевым определили три возможных сборных точки для диверсантов. В глубине души Максим был уверен, что пробиться ни к одной из них после подрыва «Австралии» не удастся. Просто потому, что десятки коптеров и сотни вооруженных бойцов «Беллоны» не дадут им выйти на окраину Лунограда.

Да, коптеров в небесах было немало. Но взрыв «Австралии» и ряд отвлекающих терактов, устроенных пробужденными «кротами» на объектах Лунограда, дезорганизовали «Беллону» и полицию.

По крайней мере ровно в той степени, чтобы Максим и пятеро его спутников – сестра Зебра, брат Пепел, брат Хилер, брат Алмаз и сестра Пантера – проделав большую часть пути на глубине в несколько метров (гидроциклы были специально рассчитаны на такой режим) смогли достичь берега в плановой точке сбора номер три.

Это был покрытый мелкой, гладкой галькой пляж дорогой гостиницы «Интерселеника». Гостиница с февраля находилась на реконструкции. Дементьев с Максимом учли это обстоятельство при составлении планов.

– Ф-фух... Даже я подустала, – сказала сестра Пантера, повалившись на полосатый лежак, сиротливо стоящий у кромки прибоя. Видать, кто-то из строителей не смог отказать себе в соблазне позагорать после смены.

– А я просто еле жива, – сестра Зебра, которой лежака не досталось, рухнула рядом прямо на гальку.

Максим и остальные диверсанты тоже позволили себе сесть и отдышаться. Но не успели они переброситься и парой слов, как их накрыли.

Одновременно заработали не менее пяти станкачей.

Пальмы вспыхнули спичками.

Брызнула размолотая в раскаленную шрапнель галька. Море покрылось фонтанчиками от пуль.

Определенно, работавшему по ним из засады взводу спецназа «Беллоны» не было приказа брать диверсантов живыми. Полтора десятка автоматов прошли пространство над пляжем, отрезав группе Максима все пути к отступлению.

Брат Алмаз был смертельно ранен в первую же секунду боя. Сестре Зебре посекло ногу осколками разрывной крупнокалиберной пули.

Максим, чьи рефлексy опередили разум, обнаружил себя уже в сорока метрах от эпицентра огневого мешка, вжавшимся в мокрую траву под стойкой пляжного бара.

«Неужели конец?» – с печальным недоумением подумал он.

Это и был бы конец, если бы в левобортовом реакторе затонувшего дредноута «Австралия» не лопнул в тот миг тепловой контур. В течение нескольких миллисекунд это привело к детонации всего боезапаса уже упокоившегося на грунте корабля.

Взрыв был такой силы, что затмил бы восходящее солнце, не произойди он в глубинах залива Безмятежности. На месте гибели «Австралии» вспухла водяная гора, изрыгнувшая в небеса султан перегретого пара. Обгоняя грохот взрыва, к берегу устремилась гигантская волна.

В километре от пляжа ее еще не было видно. Но с каждым метром водяной горб вздымался все выше и выше, распускал тысячи пенных щупальцев, пылил соленой взвесью, поднимал тонны гальки и донного мусора, пока не обрушился с каким-то

космическим облегчением на берег – сметая прибрежные кафе, взрывая километры набережных, ломая пальмы и кипарисы.

Как именно он провел следующие две минуты своей жизни, Максим так никогда и не узнал – его закрутило и уволокло тысячетонное водяное колесо. Но когда к нему вернулась способность осмыслять происходящее, он обнаружил себя вдали от пляжа – за приморским шоссе.

Он лежал, широко раскинув руки, на парковке, неподалеку от чудом уцелевшего передвижного киоска с напитками и чипсами. Парковка была завалена грудami остро пахнущих морских водорослей и залита буро-зеленым илом.

«Здесь было море, – лениво подумал Максим. – Как хорошо лежать. И какая тишина... Настоящая, одушевленная тишина... А не та склепная глушь, которую приходилось слушать на Уране... Кто бы мог подумать, что бывают разные сорта тишины?.. И одни из них значительно милее других!»

Размышляя так, Максим осторожно пошевелил пальцами на ногах – а вдруг он уже умер, раз его занимают такие неожиданные вопросы? Пальцы работали. Работала и шея, а равно спина и колени.

Он был жив! Он был цел! Значит, борьба продолжается и пора действовать.

Но едва поднявшись на ноги, Максим вынужден был снова броситься в раскисшую жижу обочины – тишину, только что бывшую полной и совершенной, разрубил на куски вибрирующий свист.

Серо-голубой тенью мелькнула над истерзанными кронами уцелевших деревьев планирующая бомба. Хлопок вышибного заряда – и на землю просыпался крупный металлический град. Среди градин на аккуратных парашютиках приземлились четыре энергоячейки. Их задачей было снабдить питанием всю эту удивительную микроармию вторжения.

«Наши, – понял Максим, вставая. – Наноботы. Значит, все идет по плану».

Явление планирующей бомбы с наноботами означало, что где-то высоко за облаками к Лунограду шел крейсер «Вольный».

Потому что он прорвался. Потому что у них все получилось!

«Вольный» начал бомбардировку. Сейчас он прикрыл десантом наноботов точку сбора диверсантов. Но основной груз – десятки аналогичных бомб, выполняющих функции десантных планеров для наноботов – будет применен против военных объектов Лунограда. И если все и дальше пойдет по плану, основные наземные элементы вражеской обороны будут выведены из строя уже в ближайший час!

Между тем наноботы, десантированные неподалеку от Максима, действовали со стремительностью, превосходящей всякие ожидания.

Активизировавшись, они первым делом разъяли на атомы жестяную тушу киоска с минералкой – Максим и глазом не успел моргнуть. Причем сделали они это почти бесшумно – процедуру уничтожения киоска сопровождал разве что легкий лиственный шелест.

Бутылки, бумажные коробки и упаковки со всякими хрустящими вкусняшками, которыми был набит киоск, для наноботов интереса не представляли – не металл. Теперь они валялись осиротелые на земле и ожидали, пока ими не побрезгуют какие-нибудь беженцы...

«Ну и что этот нанолегион намерен делать здесь, на далекой окраине Лунограда?» – спрашивал себя Максим, ошарашено глядя на беснование живой металлической орды, обладающей, ко всему прочему, собственным искусственным интеллектом, то есть исином.

Максим совершенно позабыл, что имеет возможность задать этот вопрос исину роя наноботов самостоятельно.

Для тактического взаимодействия с железными ордами каждому диверсанту был выдан специальный коммуникатор в

виде легкого браслета. Из-за контузии Максим совершенно о нем позабыл.

Но, как оказалось, об этом прекрасно помнили сами наноботы! Они засекли опорную сигнатуру «свой-чужой», которую генерировал браслет-коммуникатор Максима. Затем опознали его как товарища Альфу. И, возрадовавшись где-то в глубине своих крошечных наномозгов, принялись азартно отыгрывать программу, заложенную их отцом – Мамонтом.

Максим и глазом не успел моргнуть, как этот железный самодвигающийся конструктор обсел его спину и плечи. Рой оформился в примитивную, но надежную радиостанцию. При этом сотни железных жучков сформировали микрофон, наушники, а тысячи – цепь электропитания, протянувшуюся к ближайшей энергоячейке возле распотрошенного киоска.

– Товарищ Дементьев слушает! – гаркнули наушники Максима. Да так громко, что он едва не присел.

– Это я! Товарищ Альфа!

– Великий Космос! Ты жив! – в голосе Дементьева звучала искренняя радость. – А мы уж не знали что и думать! Остальные как?

– Не имею никакого понятия... Тут такое творится... Впрочем, долго объяснять. Ты мне главное скажи: вычислили уже бункер Оберпротектора?

– Да, Макс. Хотя это было невероятно трудно... За эту информацию отдали жизнь почти две дюжины наших людей, – Дементьев сделал многозначительную паузу.

– Мы всегда будем помнить своих героев, – с благородной значительностью изрек Максим. – Но это будет потом. А сейчас надо сделать все, чтобы их жертва не оказалась напрасной. И чтобы информация о бункере спасла жизни тысячам, а возможно, и сотням тысяч людей! – Максим сам не понял, как и когда он научился говорить вот так – почти как товарищ Альфа. Как вождь. Однако же, черт возьми, научился!

– Я того же мнения, Макс, – сухо согласился Дементьев.

– И где же бункер? – возвращаясь на деловую ноту, спросил Максим.

– Совсем недалеко от тебя. Три километра к северу, за холмами. Он находится на строящемся объекте «Голубая искра». Это батарея транспортно-орбитальных пушек невиданной мощности и грузоподъемности, стройплощадка там гигантская. Наш клиент обретается на минус восьмом ярусе, в помещениях якобы трансформаторной подстанции!

– Умеют позаботиться о себе олигархи! – хохотнул Максим. – А охрана большая?

– А вот этого мы выяснить не успели, – вздохнул Дементьев.

У Максима было еще много вопросов к своему заместителю товарищу Бете. И он непременно задал бы их, но в недрах его импровизированной радиостанции началось подозрительное брожение, шевеление, перестроение и в конце концов... бегство!

Первым смылся микрофон. Затем уползли наушники, за которыми, очень даже в темпе, последовали передатчик и кабель питания.

– Куда?! – взревел Максим, вытаращив глаза. – Без приказа! Стоять!

Но наноботы его не слушали.

А спустя пару секунд Максим понял, что имел дело вовсе не с саботажем, но с высшей формой сознательности. Потому что на приморском шоссе... появились танки!

Их было не больше взвода – пять или шесть. Плоские матово-серые машины, плывущие в полтора метра над землей. Скорострельные пушки, повинувшись приказам обшаривающих окрестности радаров, водили тупыми рыльцами в поисках цели.

Они шли на полной скорости из Лунограда – то ли на грузовой космодром, который располагался на мысе Нарвал, то ли

непосредственно по его, Максима, душу (даром, что ли, он теперь товарищ Альфа?).

Это были скоростные танки «Уйгур» – новейшая разработка Лунного Новомосковского танкового завода. Благодаря сочетанию воздушной подушки с пропульсивными движителями, ни болота, ни реки, ни даже скальные гряды не были для них непреодолимой преградой. А мощное вооружение «Уйгуров» делало их грозным противником даже для штурмовых коптеров.

Именно эти танки, сведенные в четыре механизированные бригады, служили костяком наземной обороны Луны и именно из-за них любая попытка оккупировать эту голубую жемчужину человеческой цивилизации была до самого последнего времени обречена на провал...

Максиму – который, конечно же, немедленно залег – вдруг стало до чертиков страшно.

Так страшно, как было в последний раз на Умбриэле. Хотелось бежать без оглядки. Бежать! Но после того, как он сосредоточил свой мысленный взор на фигурке Льва, костяная рука страха отпустила его заledenевшее сердце и он смог вновь рассуждать логически.

«Бежать нельзя. Бегущий человек – мишень. «Уйгуры» уничтожат меня в мгновение ока. Значит – что? Прятаться. Куда?.. Похоже, без вариантов!»

И Максим по-пластунски пополз к руинам киоска. К грудам пластиковых бутылок с газировкой, в развалы пакетов с чипсами и вялеными кальмарами.

Дополз.

Затаился.

Средств удаленного наблюдения у Максима не было. Поэтому самое интересное – как его наноботы атаковали головной «Уйгур» – он пропустил.

А меж тем выглядело это достаточно страшно, особенно для танкистов: одновременный бросок четырех стальных кобр на огромную стальную черепаху.

Причем, поскольку наноботам никогда ранее не доводилось иметь дело с полностью боееспособным «Уйгуром» и их соответствующие подпрограммы были ориентированы на танки предыдущего поколения, отважные железные жуки сразу попали под огонь системы периметральной активной защиты «Спираль».

Плазменные мечи перерубили три змеи из четырех, лишив их большей части ударной силы. Но четвертая железная кобра, бывшая танку строго в макушку, все же достигла цели.

Она впиалась в обтекатель лидара. Прогрызла его. Добралась до оптоволоконного канала. Это позволило железным крошкам поодиночке просочиться за броню, в боевое отделение танка.

И началось...

К счастью, экипаж в составе двух человек уже успел наслушаться панических донесений со всех рубежей обороны Лунограда о «смертоносных блестящих муравьях». Так что когда их машина столкнулась с этими «муравьями», командир с механиком-водителем в едином порыве нажали кнопки катапультирования. В башне «Уйгура» открылись аварийные люки и капсулы с танкистами подбросило на стометровую высоту. Когда наноботы доедали кожух борткомпьютера, оба они были уже далеко...

Экипажи еще двух «Уйгуров» последовали примеру своего лидера – бросили танки и разбежались. Остальные, взревев турбинами, энергично развернулись и на максимальной скорости устремились обратно к Лунограду. Именно скорость спасла их. Одна из нанокобр попробовала было метнуться вслед беглецам, но быстро отчаялась. При всей своей ловкости, перемещаться быстро сколько-нибудь продолжительное время наноботы не могли – их создавали не для гонок по шоссе.

Как только угроза со стороны танков исчезла, Максим поднес к губам браслет-коммуникатор и, стараясь выговаривать слова предельно отчетливо, отдал команду коллективному иси ну наноботов.

– Внимание, рой! Внимание, рой! Говорит Альфа! Команда: собраться к Альфе!

Приказ был услышан. Через минуту хорошо пообедавший рой расположился вокруг Максима морской звездой, всем своим видом показывая, что ожидает приказаний.

«Да он послушней выдрессированной немецкой овчарки! – впечатлился он. – Но что я теперь должен приказать? Чтобы наноботы собрались в трагер, а я на этот трагер вскочил и отправился к бункеру господина Оберпротектора Колоний?»

Ответ на этот вопрос дала сама жизнь – Максим заметил несущийся в его сторону летательный аппарат... очень странный летательный аппарат... совершенно неизвестной конструкции... что-то вроде примитивного дельтаплана с узкими крыльями...

Или точнее сказать, что это был какой-то летающий ящер? Рамфоринх? Молодой птеранодон? Из зоопарка, что ли, сбежал?

Максим прищурился, чтобы получше его разглядеть...

–Змей! – зачем-то вслух воскликнул он и радостно подпрыгнул на месте – как школьник, которому сказали, что экзамены отменяются.

Да, это был брат Змей. Он с трудом совладал с капризным антигравом и приземлился рядом с Максимом. Комбинезон диверсанта обгорел, лицо было в ссадинах и кровоподтеках. Но на губах его играла самоуверенная улыбка победителя.

– Товарищ Альфа! Живой!

– Как видишь!

С этими словами брат Змей и Максим тепло обнялись.

– Докладываю: мною проведены две успешные диверсии... – начал брат Змей.

– Потом. Потом отчитаешься, – жестом остановил его Максим. – Где остальные? И что с антигравом? На сколько хватит заряда батарей?

Брат Змей нахмурился и молча полоснул себя ребром ладони по горлу. Его красноречивый жест касался и товарищей, и антиграва. Максим вздохнул, опустил глаза, но тут же взял себя в руки:

– Надо спешить. Нас ждет бункер Оберпротектора!

Брат Змей замешкался – как видно, думал над тем, кто такой Оберпротектор. А может, вспоминал, что такое бункер. Он был идеальной машиной убийства. Но соображал всегда неважно.

Управлять танком не умели ни Максим, ни брат Змей.

А вот рой наноботов с новейшей машиной справился прекрасно – видимо, сказывалось родство механических душ.

«Уйгур», летящий, как заправский коптер, на высоте трехэтажного дома и на всякий случай хаотично рыскающий из стороны в сторону, чтобы сбить прицел у возможного противника, перевалил через терриконы строящегося горнолыжного комплекса и стремительно ухнул вниз, повинуясь голосовой команде Максима.

Они находились на границе грандиозной стройплощадки, представлявшей собой гигантскую воронку котлована, плотно заполненную различной строительной техникой.

Сели очень неряшливо – искорежили сложенный подъемный кран, потеряв из-за этого левую турбину. Но Максиму было все равно. Дальнейшая судьба «Уйгура» его не волновала, судьба крана – подавно. И вообще: лес рубят, щепки летят!

Громадный котлован уходил вглубь лунной тверди на сотни метров. По его стенкам вилась спиральная дорога, на которой были разбросаны в беспорядке грузовики, экскаваторы, бетономешалки; внизу краснели бытовки для строительных рабочих.

Частично стены котлована были забетонированы, частично – только забраны сетью железной арматуры. Над огромными восьмиосными самосвалами фирмы ЛАЗ, Лунный Автомобиль-

ный Завод, возвышались пять шагающих роторных экскаваторов, рядом с которыми тысячетонные ЛАЗы смотрелись букашками.

Брат Змей, который благоговел перед всяким исполинским механизмом, радостно воскликнул:

– Вот это супер!

– Что супер? – раздраженно спросил Максим. – Где бункер?

– Экскаваторы – супер! – ответил брат Змей с убийственным простодушием матерого спецназовца. – А бункер – там! – киборг сделал неопределенный жест рукой.

– Почему там?

– Ну... здесь же его нет!

Чтобы подтвердить или опровергнуть справедливость этих слов, Максим припал к инфровизору танка. Он надеялся, что вход в бункер выдаст себя тепловым пятном. Также Максим отдал приказ наноботам, чтобы те запеленговали все ближайшие коротковолновые каналы связи.

Однако ни пеленгации, ни теплового пятна Максим не дождался. И если бы не внезапное появление сестры Пантеры, одному Богу известно, какими средствами он искал бы Оберпротектора.

Сестра Пантера возникла на противоположном краю котлована и замахала Максиму руками, после чего вышла на связь:

– Братя, я знаю, где вход в бункер! Я услышала голос Оберпротектора! И узнала его!

«Нас она тоже, видать, услышала... Потому что на танке не написано: «У меня внутри сидят брат Змей и товарищ Альфа». Да здравствуют инженеры «Танцоров вечности»», – обрадовано подумал Максим. Сестру Пантеру в душе он считал самой нормальной из всей великолепной семерки суперубийц.

Через пять минут диверсионная группа уже сидела в просторной кабине роторного экскаватора. Место за рычагами занял главный почитатель гигантских машин – брат Змей.

Повинуясь его воле, запустились двигатели. От рева у Максима заложило уши. Если поблизости находилось какое-либо подразделение «Беллоны», лучшего сигнала для привлечения их внимания было трудно придумать.

Но Максим и его диверсанты пошли ва-банк. «С проблемами нужно разбираться по мере их появления», – сказал себе Максим, наблюдая, как исполинская машина повернулась на сорок пять градусов.

Брат Змей примерился, и экскаватор, рокоча, как целый танковый батальон, вгрызся в свежий бетон, покрывающий восточную стену котлована.

Сражаясь с калеными прутьями арматуры, один за другим теряли пудовые зубья его многочисленные ковши. Летели во все стороны серые бетонные глыбы. Фонтаны искр были видны, наверное, с орбиты.

Но вот железобетонные препоны поддались и рухнули, обнажив нутро выстланного красной с золотом ковровой дорожкой коридора. Коридор был экранирован грубыми свинцовыми плитами.

– Дошли! – резюмировал Максим с усталым вздохом.

Охраны не было.

Вообще.

Не стреляли из бойниц бронеколпаков спецназовцы, не били хитроумно запрятанные в толще стен мотор-пушки, не выпрыгивали из тайников мины-лягушки. Однако стоило диверсантам преодолеть первые двадцать метров коридора, и напоенный горькой бетонной пылью воздух расчертили лучи охранных лазеров.

Одна густая лазерная сеть.

Другая.

Третья.

Всего шесть.

– Это препятствие непроходимо, товарищ Альфа, – упавшим голосом сказала сестра Пантера.

– Не верю. Неужели ничего нельзя сделать? К примеру, найти источники питания лазеров. И взорвать их, – сказал Максим.

– Можно попробовать докопаться до лазерного барьера роторным экскаватором, – предложил брат Змей.

– Кто о чем, а вшивый о бане... В смысле, о бо-о-ольших машинках, – съязвила сестра Пантера. – И сколько это, по-твоему, займет времени?

– Ну... Я бы сказал... Часа полтора!

Сестра Пантера обреченно вздохнула. Она открыла было рот, чтобы пригвоздить брата Змея очередным замечанием, когда Максима осенило. Он поднес к губам браслет-коммуникатор и сказал:

– Внимание, рой! Говорит Альфа! Команда: помочь Альфе преодолеть лазерный барьер!

Максим ожидал чего угодно, но не этого.

Вместо того, чтобы устремиться вперед несколькими разобщенными змеями и, например, попытаться один за другим вырубить лазерные эмиттеры, весь рой до последней железной крохи собрался у его ног.

Не успел Максим и глазом моргнуть, как его ступни обулись в ботинки, собранные из тысяч наноботов. Еще секунда, и ботинки превратились в сапоги. Сапоги – в ботфорты. Ботфорты – в брюки.

Вот уже на груди образовался жилет, расплзшийся в рубашку. Рукава удлинились, завершились перчатками. Вот у рубашки образовался ворот, как у водолазки, который с противоестественной прытью все рос и рос вверх, пока не затянул все лицо железной маской, вот нанокостюм приобрел что-то вроде шлема, который обтек уши и затылок...

– Гребаный протуберанец! – забористо выругался восхищенный брат Змей.

– Отменный кутюр! – улыбнулась сестра Пантера. – В таком и под лазеры можно, как я смотрю.

Однако, по мнению исины наноботов, «под лазеры» было еще рановато.

Максим вдруг заметил, что на его обеих новообразовавшихся перчатках зародились два странных узора, похожих на несимметричные снежинки.

Он вспомнил – именно так начинались «замыкания», с которыми он боролся этой зимой, будучи монтажником в Оазисе, на строительстве «Справедливого».

Фрактальная структура быстро распространилась по наноботам от темени до пяток Максима и... весь рой, пропустив через себя высокое напряжение, покончил жизнь самоубийством!

Со стороны это выглядело как череда крошечных сварочных вспышек, стремительно пробежавшая по фигуре Максима. Так рой превратился в прочную, неразъемную, но по-прежнему эластичную металлическую кольчугу.

– Что это было? – спросил брат Змей.

– Думаю, наши мозговитые таракашки отдали жизнь за своего хозяина, – предположила сестра Пантера.

– А не рановато ли? Выглядит как-то глупо...

Но Максим, который уже разобрался в замысле исины роя, не видел в этой затее ничего глупого. Он счел необходимым пояснить:

– Большинство наноботов все равно погибло бы под лучами лазеров... Но лазерный барьер выбивал бы их непредсказуемым образом. Исин роя понял, что он не сможет удержаться на мне, что он распадется быстрее, чем я пройду последний, шестой барьер...

– Умно, – вздохнул брат Змей. – Выходит, теперь ты сможешь пройти?

– Ни пройти, ни даже пробежать мне не хватит скорости. Единственный метод – использовать вашу с Пантерой нечеловеческую силу... Вы должны зашвырнуть меня туда, как будто я – резиновый мяч!

– Выполним, – сказала сестра Пантера.
Она всегда была умницей.

Из оружия при Максиме были только бластер «Вихрь» и внушительный десантный нож, одолженный ему братом Змеем.

Более габаритные вооружения – будь то автоматы, гранатометы или пулеметы – со всей неизбежностью пали бы жертвой частой лазерной сетки. Но даже и бластер «Вихрь» после преодоления шестого защитного барьера являл собой незавидное зрелище.

Щечки рукояти в нижней части были рассечены черными шрамами-пропалинами и дымились, переключатель режимов огня вплавился в ствольную коробку, а энергетическую катушку заклинило в гнезде, что сужало огневые возможности Максима ровно до восьми выстрелов.

Что уж говорить о железном комбинезоне из наноботов! Прореха зияла на прорехе. Спина так и вовсе являла собой одну большую дыру. Тело Максима было изъязвлено двумя десятками серьезных ожогов. И если бы не способность к регенерации, обретенная им вместе с голубой кровью, от этих ожогов он наверняка и скончался бы, не дожив до экстренной госпитализации...

А так – все тело чесалось и саднило, ныли кости, болела голова, слегка лихорадило... Но ведь от этого не умирают!

Максим шел по бункеру, не особенно таясь. Он понимал: остаться незамеченным здесь абсолютно невозможно. Любой неленивый офицер «Беллоны» без труда нафарширует его пулями вне зависимости от того, прижимается ли он к стенам, ползет по-пластунски или скачет козлом.

Но по всему чувствовалось, что дееспособных офицеров «Беллоны» в бункере больше нет.

Турникеты внутренних КПП были распахнуты.

Кабинки караульных – пусты.

В одну из них Максим не поленился заглянуть – чай в стакане возле пульта был еще теплым. Не горячим, не холодным, а именно теплым. Еще полчаса назад за этим пультом сидел боец личной охраны Оберпротектора...

Большинство бронедверей по обеим сторонам коридора было заперто. Максим игнорировал их. Что бы там, за ними, ни скрывалось, он не станет тратить по два-три драгоценных заряда бластера на попытки взлома. Тем более, что интуиция подсказывала ему: если в бункере вообще осталось что-то достойное внимания, оно находится в самом дальнем конце коридора – там, где тревожно мерцают неугомонные проблесковые маячки и где краснеет на полу двойная черта, ограничивающая святая святых бункера.

Побаиваясь автоматики, которая еще могла работать, Максим не поленился расстрелять несколько угрюмых серых коробок под потолком за красной чертой. Каждая из них могла скрывать в себе автоматическую лазерную пушку или какой-нибудь хитроумный пулемет.

Под истеричный звон сработавшей пожарной сигнализации Максим пересек красную черту, широким шагом уверенного в себе человека дошел до конца коридора и переступил высокий порог двухтонной противоатомной двери. К счастью, дверь была распахнута настежь. Будь она заперта, шансов проникнуть внутрь помещения у Максима не было бы никаких, ведь ядерного фугаса он с собой не захватил...

Он находился в щедро залитой белым «живым» светом биоламп комнате с высоким потолком. Вдоль стен громоздились типовые консоли модулей мобильного комплекса управления «Иерихон». Максим точно знал это, хотя никак не мог вспомнить, где он видел комплекс «Иерихон» и откуда помнит его название.

Все консоли были пронумерованы крупными белыми цифрами от 1 до 24 и оснащены четырьмя мониторами, клавиатурой,

шлемами нейросканинга, а также самыми обычными микрофонами и наушниками. На консоль с номером 14 кто-то косо наклеил картонку, украшенную второпях сделанной маркером надписью «РАДИОВЕЩАНИЕ».

Консоль номер 5 тоже была «именной»: «ГЛАВКОМ».

Осмотр комнаты занял у Максима не более секунды времени. Затем его вниманием завладела одинокая человеческая фигура в дорогом серебристо-сером костюме.

Человек сидел посреди комнаты, откинувшись на спинку высокого кресла. Светлые волосы, модная «розовая» кожа. Руки лежат на столе. Пальцы левой сомкнуты на стакане с какой-то орехово-коричневой жидкостью, похожей на виски, в пальцах правой – незажженная сигара.

Максим вскинул «Вихрь» – у него осталось два заряда – и шагнул вперед. Лицо человека было безмятежным, как у спящего. Глаза скрывали очки-хамелеоны. Из уголка рта спускалась тонкая ниточка слюны.

– Здравствуйте, – машинально сказал Максим, приближаясь.

– Прррри-вет! Прррри-вет! – вдруг ответил ему откуда-то сбоку резкий голос.

Максим вздрогнул. Человек в солнцезащитных очках по-прежнему оставался недвижим.

– Пррри-вет! Гррри-ша умная птичка! Гррри-ша! Пррри-вет!

Максим обернулся на звук.

На консоли номер 11 стояла клетка... с ручным археоптериксом! Реликтовые птицы вошли в моду пару десятилетий назад, хотя возможность восстанавливать из ДНК вымершие доисторические виды ящеров, зверей и птиц появилась у человечества давным-давно.

Археоптерикс был крупным, шумным и дружелюбным. На полу плохо убранной клетки стояла миска с сухим кормом. Было видно, что птичка соскучилась и была рада неожиданному визиту.

– И тебе тоже привет! Большой такой, мезозойский! – Максим, хоть и был, что называется «при исполнении», все же нашел в себе силы улыбнуться и помахать брошенному любимцу рукой.

Человек в кресле оставался все так же бесстрастен.

Максим подошел вплотную и присмотрелся. Да, ошибки быть не могло – перед ним сидел Гай Маркович Руднев, господин Оберпротектор Колоний. Лицо из телевизора. Олигарх номер один.

– Я пришел, чтобы убить вас, – сказал Максим с идиотским смешком. Если физически он был полностью в норме, то в эмоциональном плане балансировал на грани истерики. От одной мысли, что в этот исторический момент он разговаривал с археоптериксом, у него начинал дергаться глаз.

Оберпротектор не шевелился. Надо было что-то делать. Максим перегнулся через стол и снял с его лица очки. Равнодушные глаза Руднева неотрывно смотрели куда-то в потолок, констатируя несомненность недавней смерти. Белки глаз имели характерно нарциссово-желтый цвет.

«Яд. Кажется, он называется «Поцелуй феи»... Продается во всех аптеках Луны согласно закону о добровольности эвтанизии... Оберпротектор принял его, размешав с виски... Вот так... Жил императором, а умер как свихнувшаяся домохозяйка».

Максим вернул солнцезащитные очки на переносицу Оберпротектору. С ними его лицо казалось... ну почти живым, еще нецелованным феей.

«Вопрос, конечно, сам отравился или все-таки помогли. Но этим пусть отдел Дементьева занимается.»

– Гррри-ша хочет каш-шки! Гррри-ша птич-ка! Каш-шки! Здррррр-австуйте! – заорал археоптерикс, широко разевая зубастую пасть.

– И тебе тоже не болеть, чучело реликтовое, – бросил Максим.

Стоило ему сказать это, как оцепенение отступило и перед его мысленным взором возникла точная последовательность дальнейших действий.

Он подошел к консоли, помеченной надписью «ГЛАВКОМ», нацепил наушники. Эфир самого главного военного канала Объединенного Человечества был заполнен нервным, если не сказать паническим, радиообменом:

– Здесь «Москит-два»! Здесь «Москит-два»! Наблюдаю на военном космодроме Королева сильный пожар!.. Боже мой! Горит крейсер «Петр Первый»!

– Говорит крепость «Великая Стена»! Ведем бой с десятками «Филинов»! Почему они нас атакуют?! Отзовите их!

– Здесь полковник инженерно-технической службы Копарь. Спешу сообщить, что «Филины» перепрограммированы противником! Повторяю: «Филины» теперь работают против нас! Мы должны это учитывать!

– Какое, к дьяволу, «учитывать»? Сейчас некому будет учитывать!

– Внимание всем боеспособным кораблям! Через девятнадцатый взлетный коридор с правительственного космодрома Новой Москвы взлетает яхта «Счастливый случай». На борту яхты находится губернатор Луны и административный аппарат Оберпротектора. Прошу обеспечить отход яхты на межпланетную параболическую орбиту код ВВ-3!

– Кто говорит? Назовите себя!

– Я – адъютант генерала Белова, майор Фазанов. Генерал Белов тяжело ранен. Связи со штабом не имею. Прошу выполнять мои приказания по обеспечению безопасности яхты «Счастливый случай» и губернатора Луны лично!

Максим злорадно ухмыльнулся. По всему было видно, что их план удался. Произошло то, что на сухом военном языке называется «утратой централизованного управления». Проще говоря, в рядах противника царит хаос. А это самое главное!

Максим снял наушники и перешел к консоли номер 14, «РАДИОВЕЩАНИЕ».

Тумблер «Кодирование» он перебросил в положение «Открытое вещание». Все рычаги мощности выкрутил на максимум.

Вертушку выбора канала установил в положение «Все». Затем он нажал на кнопку «Тест». Из внешних динамиков полились бравурные позывные.

– Похоже, работает, – пробормотал Максим.

Затем он поднес к губам позолоченный микрофон на изящно изогнутой ножке, утопил кнопку «Эфир», сжал в руке ледяного Льва и, переждав привычный короткий обморок, произнес:

– Приветствую вас, граждане Объединенного Человечества! Межпланетная революция победила! Оберпротектор Гай Руднев мертв. К вам обращается Максим Верховцев, глава Временного правительства...

Не успел Максим закончить свою краткую импровизированную речь, как в бункер вкатился металлический мяч. Да-да, мяч. Раза в три больше футбольного и раз в тысячу тяжелее.

Мяч замер в двух метрах от стола, за которым по-прежнему наслаждался своим отравленным виски мертвый господин Оберпротектор, и вдруг распался на дольки, как апельсин.

– Прррри-вет! Гррри-ша говорррит прррривет! – обрадовано заголосил археоптерикс.

Сестра Пантера и брат Змей, после отключения Максимом охранной системы бункера взявшие на себя функции стражи, вскинули на всякий случай оружие.

Максим рассеянно рассмотрел пришельца. Это был типичный, хотя и очень большой, рой наноботов, собравшихся вместе для выполнения некой загадочной миссии, о которой, судя по всему, Максиму предстояло сейчас узнать.

– Товарищ Альфа! – зазвенел исин роя. – Начальник Отдела Особых Действий товарищ Дементьев поздравляет вас с успешным выполнением миссии и докладывает о полном захвате Лунограда! Он ждет вас на первом заседании Временного правительства.

– Подожди, – Максим потер пальцами виски. – А где оно состоится, это заседание? Я что-то пропустил?

– Оно состоится в кают-компании крейсера «Вольный», – ответил рой. – И я должен вас туда немедленно доставить.

– А разве я не должен для начала...

– Нет, – прервал его умный рой и тут же трансформировался в шагающий трагер.

Максим поморщился – он знал, как тяжело путешествовать на трагере. Тряско, валко и неудобно. Но безопасно, особенно в условиях отсутствия дорожного покрытия.

И все же – разве не мог товарищ Дементьев прислать что-нибудь покомфортнее! Например, управляемый хоть тем же роем наноботов экзоскелет типа «Триумф». Он бы прекрасно доставил его до места посадки авиетки с «Вольного»! И уж наверняка это было бы гораздо безопаснее!

А то как знать? Может, кто-то из служащих бункера все же сохранил верность покойному Рудневу и решил остаться в засаде...

– Товарищ Альфа! Мы готовы, – сказала сестра Пантера. Брат Змей встал у нее за спиной.

– Нет. Вы остаетесь здесь для охраны тела Оберпротектора и контроля систем связи, – отрезал Максим.

– Гррр-иша! Прррр-ивет!! – заверещал археоптерикс.

– Прощай, мезозойский, – вздохнув, сказал Максим. И, заняв неудобное, похожее на велосипедное, седло, легонько ударил трагер каблуками по бокам – точно пришпорил лошадь.

ЭПИЗОД 19

Пленник крейсера «Вольный»

Район Луны, крейсер «Вольный», апрель 2469 года

Крейсер «Вольный» оказался куда ближе, чем думал Максим. Его украшенная шрамами от попаданий ракет туша нависала прямо над котлованом объекта «Голубая искра». Казалось, протяни руку – и коснешься гондолы нижней пары двигателей! «Товарищ Дементьев сегодня все же необычайно любезен... Подогнал такси прямо к крыльцу!» – усмехнулся Максим.

Вторая его радостным мыслям, из распахнувшегося в брюхе крейсера порта на тросах выскользнула люлька, которая позволяла забирать с земли людей, находящихся на расстоянии порядка сотни метров – то есть на таком, какое бессмысленно преодолевать с помощью коптера.

Через минуту Максим, сопровождаемый роем, который из трагера преобразовался обратно в шар, ступил на палубу крейсера «Вольный».

– Не слышу музыки! Прибыл сам глава Временного правительства! – шутейно-серьезно воскликнул Максим, когда за его спиной с шипением съехались створки шлюза. – Почему никто не встречает важную шишку?

Его действительно никто не встречал. Вообще.

Не было почетного караула. Не докладывал капитан. Не махали руками соратники. Не улыбались во весь рот юнги. И ни один самый допотопный пищевой автомат не выплюнул для него, сокрушителя дредноута «Австралия», покорителя бункера Оберпротектора, чашечки кофе!

Вместо всего этого трюмная палуба наполнилась роями наноботов самых разных конфигураций.

Были и сравнительно привычные змеи, и готовые к трансформации шары, и диковатые железные человечки с круглыми головами без глаз, с руками без пальцев.

– Да есть ли тут вообще кто живой?! – удивленно воскликнул Максим.

Ему ответил стоящий совсем рядом человечек из наноботов:

– Из-за больших потерь капитан приказал мобилизовать все рои, освободившиеся после штурма Лунограда!

– А сам капитан где?

– Он ждет вас в кают-компании.

«Врет, – почему-то подумал Максим. – Что значит «ждет в кают-компании»? Капитан обязан доложить о положении дел на борту!»

Но тут же одернул себя: «Как может врать робот? Ведь робот – не человек! Он всегда говорит правду! Возможно, капитан ранен и не может встать...»

В кают-компании было свежо, прохладно и вдобавок неубрано – на столах стояли чашки с остывшим кофе, тарелки с раскрошенными пирожными и пепельницы с прогоревшими до фильтров окурками. Совершенно не верилось, что здесь кто-то всерьез готовился к каким-то заседаниям. Тем более, к заседаниям Временного правительства.

– Ты уверен, что нам надо было в кают-компанию? – спросил Максим у своего провожатого, антропоморфного роя наноботов.

– Совершенно уверен, – ровным голосом ответил тот. – Капитан сказал, чтобы вы сели сюда, – наночеловечек указал беспалой рукой на комфортное, бежевое, словно бы переставленное из санитарного блока, кресло.

– Хочет сделать мне сюрприз? – улыбнулся Максим.

Максим, конечно, знал, что сюрпризы – отнюдь не специализация капитана. Зато товарищ Дементьев сюрпризы любит! «И наверняка он сейчас...»

Без лишних препирательств Максим сел в кресло и с удовольствием погрузил свои усталые руки в подогреваемые ложбины подлокотников, которые тут же приступили к вибромассажу.

Но стоило его затылку коснуться подголовника, как шею обвило ласковое, но сильное и непреклонное щупальце. Еще два щупальца стиснули его запястья и локти, не давая им пошевелиться. Вот широкий подвижный язык обхватил талию! А другие обездвижили стопы и колени!

– Эй! Эй! Что такое?! – заорал Максим.

Энергия Льва ударила в голову, тело прошла ледяная молния. «Ловушка! Ну ничего, сейчас мы посмотрим, кто кого! Сейчас мы...», – Максим рванулся раз, другой и вдруг ощутил себя совершенно беспомощным.

Теряя самообладание, он буквально завизжал, едва ли не на ультразвуке:

– Где Дементьев?! Измена!! Товарищи, ко мне!!

Максим еще с минуту метался и кричал, пока с потолка не спустился широкий экран. Экран оставался темным, но из динамиков уже полился приятный женский голос, показавшийся Максиму смутно знакомым:

– Господин старший лейтенант Гумилев! Докладываю, что расследование по делу 118-В «Исчезновение Петровской Анны Ивановны» завершено! Установлено, что Петровская была похищена группой диверсантов Отдела Особых Действий (в дальнейшем ООД) преступной экстремистской группировки «Армия пробуждения», формальным членом и даже руководителем которой ты, кстати, в настоящее время являешься. Похищение было произведено 25 июля 2468 года с борта курьерского планетолета «Юрий Речников». После похищения Петров-

скую трижды пытались подвергнуть принудительной ментописи, однако в силу неуставленных особенностей строения коры ее головного мозга она была признана непригодной для подсадки к ней суррогатной личности и перенаправлена для дальнейших опытов на борт крейсера «Заря Свободы». Если верить архивам ООД, нейропласты «Зари Свободы» уже почти подобрали ключ к нестандартной коре мозга Петровской, когда она совершила дерзкий побег с борта крейсера на спасательной шлюпке. Это произошло 10 ноября 2468 года в районе Ио, спутника Юпитера. В архивах молодежной спелеологической станции «Путь к мечте» я разыскала запаролённые записи ее одиночной зимовки на указанной станции. Для справки: станция «Путь к мечте» находится на девятом километре официально законсервированной шахты «Амирани-Ост» в толще Ио. 16 ноября 2468 года в этом районе, считавшемся сейсмоустойчивым, произошло сильное землетрясение, а также извержение вулканов Амирани и Мауи. В результате ствол шахты «Амирани-Ост» частично разрушился и Петровская оказалась заживо погребена.

Максим был в шоке.

Что за сумасшедший дом? Почему эта невидимая женщина называет его «Гумилев»? Какой он, к черту, старший лейтенант? Ведь офицерские звания существуют только в «Беллоне» и Космофлоте, а у них в «Армии пробуждения» никаких званий, понятно, нет...

И что за Петровская? Неужели какая-то родственница губернатора Марса, этого кровавого палача, взяточника и патологического лжеца, из-за которого погиб Людвиг?

Максим буквально кипел от возмущения. Сейчас он нужен своим соратникам, нужен «Армии пробуждения», всему человечеству, наконец! Но вместо того, чтобы руководить революционным Временным правительством, он, товарищ Альфа, вынужден сидеть в дурацком кресле и слушать весь этот бред.

Лишь мысленно вызвав в памяти образ серебряного Льва, Максим сумел успокоиться. Фигурка дарила отвагу, но это чувство необходимо не только в бою. Иногда нужно немало мужества, чтобы сохранить самообладание. А женщина тем временем продолжала:

– Дальнейшая судьба Петровской складывалась так: через три месяца пребывания без радиосвязи в подземных пещерах Ио ей все-таки удалось выбраться на поверхность и связаться со старательским планетолетом «Шанхай». Именно с борта «Шанхая» Петровскую эвакуировал на Марс конвой ЮМ-29. Первый же запрос, который сделала Петровская с борта крейсера «Лакшми», касался тебя. Из «Беллоны» ей сообщили, что ты погиб 28 октября 2468 года на Градусе Забвения. Горе от этого известия помutilo ее разум. Последующие месяцы Петровская провела в психиатрической клинике «Волшебная гора» в окрестностях Четвертого Рима. Там она пребывала до того дня, пока не увидела тебя и твоего товарища Людвиг ван Астена по телевизору, когда лидер группировки «Армия пробуждения» обратился к народу Марса с рассказом о роли «Армии пробуждения» в уничтожении опасной кометы Шпитц-11. По-видимому, именно с того момента Петровская начала непрерывно отслеживать судьбу вожаков «Армии пробуждения». В день вашей казни Петровская, воспользовавшись служебными полномочиями своего отца, украла полицейский коптер, чтобы спасти вас. Однако, к ее огромному огорчению, ты не смог узнать ее и вспомнить о вашей любви и взаимных обязательствах. Поэтому, поддавшись эмоциям, она была вынуждена катапультировать тебя с борта коптера в долине реки Амфитрита...

Сердце Максима громко стучало.

Он уже понял: Анна, что спасла его от Казни Пяти Стихий – и есть та самая Петровская, о которой говорит приятный женский голос. Но что он, этот голос, имеет в виду, когда говорит

об их «взаимных обязательствах»? Он чувствовал: какая-то жуткая правда стоит за всем этим. Но ее, эту правду, Максим пока совершенно не мог принять...

Наконец он отважился задать кое-какие вопросы.

– Кто ты такая? И почему ты обращаешься ко мне «Гумилев»?

– Раньше ты называл меня Исинкой, – ответил голос. – Я – фамильный искусственный интеллект рода Гумилевых. На протяжении четырехсот семидесяти лет твои предки совершенствовали меня, дополняя мои алгоритмы, оттачивая схемы принятия решений. Я, так сказать, твой ангел-хранитель...

– Но я Максим! Максим Верховцев! Никакой не Гумилев! У меня нет ни одного родственника с такой фамилией! – лицо Максима стало красным, по щекам катились непрошеные слезы.

– Назови хотя бы одного своего родственника, – попросила Исинка спокойным голосом.

– Ну, вот Василий... Мой брат... Впрочем, он погиб прошлым летом.

– Еще!

– Еще мой отец, монтажник-наладчик.

– Ты давно видел его?

– Кажется, года три назад... Или четыре... Не могу вспомнить точно... Он тоже погиб... Кажется, погиб.

– А мать?

– Она была красивая... С черной косой...

Некоторое время Исинка не отвечала. А затем заговорила с задушевностью, мало ассоциировавшейся у Максима с понятием «искусственный интеллект».

– Как тебе кажется, почему у тебя проблемы с памятью?

– Ну... Я был ранен... Контужен... Наверное, поэтому?

Будь Исинка человеком, она наверняка рассыпалась бы саркастическим смехом. Но Исинка все же была искусственным

созданием, пусть и с оцифрованной бездной чисто женского такта внутри. Поэтому она ответила:

– Твой мозг подвергся нескольким процедурам ментописи, которая не то чтобы стерла, а закрыла доступ твоей новой личности к воспоминаниям старой личности. На твое представление о себе наброшена оболочка, которая называется «Максим Верховцев». А под оболочкой лежит сама твоя личность – нетронутая, но как бы спящая. Ядро твоей личности, то есть настоящий ты, носит имя «Матвей Гумилев»...

– Докажи, – процедил сквозь зубы Максим.

– Постараюсь, – ответила Исинка.

На экране, который по-прежнему висел перед Максимом, появилось изображение. Его вниманию предстал небольшой фильм, нарезка кадров от нескольких камер видеонаблюдения.

Вот он сам, с букетом левитирующих сине-черных и перламутрово-розовых лунных орхидей, стоит на фешенебельном крыльце еще более фешенебельного особняка. Рядом с ним красиво одетая молодая девушка. Ее орехово-русые волосы заплетены в две толстых косы, которые привольно спускаются по плечам на спину. Он сам тоже одет с иголочки, чисто выбрит, на его лице – радостно-напряженное выражение.

Следующий кадр – он, Максим, девушка с косами, в которой он уже узнал ту самую спасительницу-Анну, мужчина лет шестидесяти с державным брюшком и сединой, похожий на губернатора Марса без мундира и грима... Какая-то милая женщина, похожая лицом на Анну, как видно, ее мать...

Далее: на красивой фарфоровой тарелке перед ним – золотисто-медвяный клин яблочно-лимонного пирога с корицей. Он, Максим, ломает его серебряной ложечкой с удлиненной ручкой...

К горлу Максима подступила какая-то странная обида. На судьбу? На себя? Непонятно на кого.

Ощущать обиду ему было неприятно. В конце концов, это отвратительно, когда кто-то, пусть даже искусственный интеллект, знает о тебе нечто такое, чего не знаешь ты сам! И он поспешил прервать видеоизлияния Исинки:

– Ну и что с того? Что это доказывает?

– Это была сцена твоего сватовства к Анне Петровской. В тот день ты просил руки Анны у ее отца, губернатора Марса.

– Надеюсь, мне отказали? – осведомился со всей возможной язвительностью Максим.

– Нет, ты получил согласие. Вы с Анной по-прежнему обручены, а значит, вы жених и невеста... И с юридической точки зрения тоже, – сказала Исинка, как показалось Максиму, с нотками печали в голосе.

Вдруг спасительная догадка пришла в голову Максиму. Как можно в двадцать пятом веке верить каким-то видеозаписям?!

– Да откуда ты вообще взяла их? Почему я должен этому верить? – спросил он. – Может, это вот сейчас ты... вы пытаетесь меня... как это... перепрограммировать, одним словом?

– Все кадры взяты из видеоархива загородного поместья Петровских. Их сделал «умный дом». Если тебе это действительно интересно, можешь сопоставить точное время съемки с астрономическими таблицами и метеоархивом, проанализировать тени, интенсивность освещения, посмотреть уникальные сигнатуры камер и сравнить их с базами данных сигнатур «умных домов» Марса... Да и вообще, какой смысл мне тебя обманывать?

Игнорируя возражения Максима, Исинка все же смогла заставить его отсмотреть еще несколько видеозаписей.

Среди них была запись вручения дипломов в Академии Космофлота имени В.Чкалова. На Максиме была красивая синяя форма, его окружали жизнерадостные и немного испуганные выпускники. Камера зафиксировала даже, как товарищ Макси-

ма, рыжий и вихрастый здоровяк, втайне налил ему коньяка из крошечной фляжки.

Следующий кадр – духовой оркестр, играющий неслышимую, но несомненно бравурную музыку. В руках Максима – красная книжечка с эмблемой вооруженных сил Объединенного Человечества. На книжечке золотыми буквами написано: «Диплом офицера».

А потом была проклятая «Беллона»... Генерал Белов хлопал по плечу нового пилота корвета...

Эти кадры вызвали в душе Максима настоящую бурю. Он одновременно и ненавидел генерала Белова, и... любил его сыновней любовью! Как это возможно – Максим не знал.

– Я не хочу больше ничего видеть! Я не хочу больше ничего знать! Товарищи!! Где все?! – заорал Максим и вновь рванулся прочь из кресла. Тщетно. Щупальца держали очень крепко.

– Моя задача – дать тебе полную информацию, – голос Исинки был равнодушным. – А твои нынешние коллеги на борту «Вольного» отсутствуют.

– А где они? – ошарашено пробормотал Максим.

– Судя по всему, добивают остатки сопротивляющихся частей «Беллоны» на поверхности Луны и орбите.

– Ну и что теперь?! Что?! – Максим опять поддался эмоциям. – Если верить тебе, я предал все что мог: свою невесту, свою присягу, своих близких... Как мне с этим жить теперь, скажи? Как вообще с этим можно жить? Может быть, теперь ты меня перепрограммируешь?! Перезапишешь мне мозги?! И я опять стану предателем, только предам уже тех, с кем вместе сражался за дело звездных борцов?

– К сожалению, это невозможно. Но ты можешь перепрограммировать себя сам!

– Сам?

– Да, сам. Опираясь на ту информацию, которую предоставляю я.

– Лучше бы ты мне стакан воды предоставила, – зло сказал Максим. – Я, если хочешь знать, не пил целую вечность. А не ел – страшно сказать сколько. Но куда тебе, всезнайке, такой ерундой интересоваться, когда ты в архивах марсианских усадеб копаешься!

Как ни странно, Исинка восприняла этот саркастический упрек по-человечески серьезно.

– Да будет тебе известно, я внимательно следила за твоими похождениями под личиной Максима Верховцева с той самой минуты, как проникла на этот крейсер.

– С той самой минуты? – брови Максима взлетели на лоб. – Ты о чем?

– Я нахожусь на борту крейсера «Вольный» с 28 октября 2468 года. В тот день ты отправил меня в компьютерную сеть пиратского форта «Мститель» искать Анну Петровскую. Но сам этот форт, как ты знаешь, был составлен из пяти замаскированных крейсеров. Одним из которых и был «Вольный». Внедрившись в информационную сеть «Вольного», я затаилась. Здесь стояли на страже слишком сильные исины-хранители, чтобы я могла сразиться с ними в открытую. Мне пришлось стать свидетельницей того, как тебя подняли на борт, реанимировали и перезаписали личность. А твою боевую подругу Ираиду Бек – которую ты знаешь как Ирину Бекасову – так и вовсе восстановили клонированием, а уже затем подсадили к ней суррогатную личность.

– Что?! Ты о чем вообще?!

– Ты, Матвей Гумилев, служил в одном дивизионе с пилотом по имени Ираида Бек. В бою у форта «Мститель» вы находились на борту одного корвета. И оба погибли. Причем от тела Ираиды Бек осталось совсем немного, горсть праха. Но тело лейтенанта Бек экстремисты восстановили по молекулам ДНК, которые извлекли из волоса, оказавшегося на случайно подобранном в космосе ее любимом плюшевом медведе...

– Это невозможно!

– Возможно. Реактивная и комбинаторная биоинженерия были одними из ключевых технологий «Танцоров вечности». Большая часть их группировки была укомплектована воскрешенными пилотами с суррогатной личностью. Воскрешенными в том числе и посредством клонирования. Частью своих биоинженерных технологий «танцоры» поделились в прошлом году с «Армией пробуждения» в обмен на ресурсы с Урана и его спутников. Твой товарищ и друг Людвиг ван Астен некоторое время колебался, но потом разрешил ряд экспериментальных «дублирующих воскрешений». Результатом одного из них стала женщина-пилот, которую ты знаешь как Ирину Бекасову.

Максиму вдруг вспомнилось видение на Умбриэле. «Ложное воспоминание», как он назвал его. Бекасова в форме пилота «Беллоны», с именем «Ирайда Бек» на груди.

– Хорошо, – кивнул Максим с тяжелым вздохом. – Хорошо, допустим. И все-таки, как ты завладела крейсером «Вольный»?

– Захват я начала готовить еще с 28 октября прошлого года. Я хотела поскорее освободить тебя – и физически, и, так сказать, ментально... Но это длинная история. Я расскажу ее когда-нибудь потом. Скажу лишь, что все оказалось куда сложнее, чем мне бы хотелось. Удобный момент выдался лишь сегодня. Час назад я мобилизовала все наноботы, попавшие в радиус действия каналов управления «Вольного». Именно их конгломерации – антропоморфные, серпентные, сферические – стали теми солдатами, при помощи которых свершилась моя воля...

– У искусственных интеллектов есть воля? – иронично скривившись, осведомился Максим. Ему очень не хотелось спрашивать, что стало с товарищем Дементьевым и остальными.

– У меня – есть.

– И поэтому... поэтому что? Куда вообще сейчас мчится «Вольный»?! Ведь я чувствую – мы куда-то летим, и притом на

полной тяге! Кстати, зачем ты меня спеленала? Куда я денусь с боевого крейсера в безвоздушном пространстве?

– У тебя есть предмет. Лев. Он делает тебя непредсказуемым и опасным. Поэтому для твоего же блага я зафиксировала тебя.

– Сволочь!

– Я этого не слышала. Потом ты скажешь мне спасибо.

– Сомневаюсь.

Помолчав минуту, Максим буркнул:

– Ты не сказала, куда мы летим.

– Мы держим путь на Венеру, – торжественно провозгласила Исинка.

– На Венеру? Зачем?

– Там ждет тебя один человек. Он очень заинтересован во встрече с тобой.

– Эта самая Анна? – Максим поморщился. Отчего-то мысли об «этой Анне» вызывали у него настоящую душевную боль.

– Нет. Твой отец, Степан Николаевич Гумилев. Президент корпорации «Кольцо».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Юрий Бурносов

Армагеддон

Книга первая

КРУШЕНИЕ АМЕРИКИ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

*«Всякий раз, когда я вспоминаю о том,
что Господь справедлив,
я дрожу за свою страну»
Томас Джефферсон,
третий президент США,
автор Декларации Независимости*

ПРОЛОГ

Город Высоких Сейб

Юкатан, Мексика, 829 год н.э.

Вырывать сердца – нелегкая работа.

Это только в молодости кажется, что нет ничего проще, чем стоять на вершине пирамиды, облаченным в одеяние из перьев, и под крики толпы поднимать высоко над головой бьющееся, еще живое сердце жертвы. Алые капли благодатью богов падают тебе на лицо, ноги омывает восторг и ужас собравшихся внизу людей. Крестьян, купцов, воинов, знатных господ – тебе все равно. В этот момент для тебя даже сам правитель города – не более, чем прах под сандалией. Ты – больше чем человек, ты – рука богов. В молодости это чувство завораживает, наполняет ощущением всевластия, придает сил, необходимых, чтобы выдерживать длинную, многочасовую церемонию под палящим солнцем...

В старости все не так.

Болят руки, которые приходится долго держать над головой. Болезнь, которую лекари называют «костяной червь», поселилась в суставах, и потихоньку грызет их. Пальцы, скрюченные и плохо гнущиеся, могут не удержать сердце жертвы, а это ясный знак немилости богов.

Два Тростника очень боится выронить сердце из рук.

Два Тростника стар. Он живет на этом свете так долго, что помнит дни, когда в Городе Высоких Сейб правил свирепый Господин Пакаль, каждый год снаряжавший походы на земли соседей и приводивший в город тысячи пленных. Два Тростника учился тогда в жреческой школе, и мог только завидовать тем, кто вырывал сердца этим пленникам. Подумать только, какую милость богов можно заслужить, принеся в жертву тысячу человек зараз!

Боги и правда были благосклонны к Господину Пакалю и Городу Высоких Сейб, но сейчас Два Тростника понимает, что его зависть была глупа. Приносить жертвы – тяжелая работа, ничем не легче, чем ломать камень в карьерах или прокладывать дороги в джунглях.

Особенно когда жертв так много.

Сегодня их тысяча семьсот.

Тысяча семьсот сильных мужчин, покрытых шрамами и татуировками. Нет среди них вопящих женщин и несмышленных детей. Только мужчины, достойные предстать перед Великим Владыкой Севера, жестоким Болон Окте.

Пятьдесят лет назад Два Тростника гордился бы тем, что ему выпала такая честь – отправить к Владыке Севера целую армию. Но сейчас он стар, и думает только о боли в суставах и о том, чтобы не подвели изъеденные костяным червем пальцы.

Тысяча семьсот жертв – это тысяча семьсот ударов ножом. Любой мясник свалится с ног после первой тысячи. Но он, Два Тростника, Говорящий с Богами, не имеет права даже на один неточный удар.

Да, младшие жрецы раскладывают жертву на Кровавом Столе и держат за руки и за ноги так, чтобы кожа на груди натянулась, как барабан. Да, обсидиановые ножи острее любых других, они легко перерезают подброшенный в воздух волос. Да, Два Тростника упражнялся в своем искусстве всю жизнь, и никто не сравнится с ним в умении рассечь грудь жертвы так,

чтобы трепещущее сердце само выскочило из-за ребер в подставленную ладонь.

Но тысяча семьсот ударов!

А он уже старик. Достаточно дрогнуть руке, и обсидиановое лезвие сломается о твердую грудину. Или разрез будет нанесен на два пальца ниже или выше, и сердце придется выковыривать из скользкого клубка внутренностей. Церемония замедлится, а это может прогневить Владыку.

Два Тростника не смеет даже подумать о том, что произойдет, если Болон Окте разгневается.

Самый страшный из Четырех Близнецов, хранящих стороны света, Черный Владыка, Дуновение Смерти. Бог, которому когда-то посвятил себя Два Тростника. Бог, от которого зависит решение – стереть род людской с лица земли или же подождать еще один цикл.

Приближается срок, предсказанный мудрецами прошлого. Исполняются предначертания, и появляются великие знамения. В ночном небе багряной змеей сверкает комета, вода в источниках стала белой, как женское молоко, и горькой на вкус. Над южными горами блещут сполохи, будто на вершинах бьются закованные в золотую броню великаны.

Надвигается конец бактуна¹. Рассчитанный великими магами прошлого, он неизбежен, как неизбежна смерть. Прошлые циклы заканчивались наводнениями, сметающими с лица земли все живое, или пожарами, от которых трескались даже скалы. Какую кару изберет для людей Болон Окте на этот раз, Два

---

¹ Долгий Счет позволял индейцам заглядывать далеко в будущее. Он состоял из серии периодов, отсчитываемых по возрастанию, начиная с одного дня. Система была такая:

20 кин – 1 уйналь (20 дней)

18 уйналей – 1 тун (360 дней)

20 тунов – 1 катун (7200 дней или 19,7 года)

20 катунов – 1 бактун (144 000 дней или 394,3 года)

13 бактунов составляли Великий Цикл, или Солнце. 13 бактунов – это 1 872 000 дней или примерно 5130 лет. В мифологии майя насчитывалось Пять Великих Солнц. Эпоха каждого Солнца заканчивалась мировой катастрофой

Тростника не знает. Все, что он может сделать – это умолять Черного Владыку об отсрочке.

Поэтому он старается изо всех сил. Он уже сбился со счета, лица тех, кого кладут перед ним на Кровавый Стол, сливаются в одну искаженную криком маску. Рука с обсидиановым ножом поднимается и падает, поднимается и падает. Два Тростника торжествующе вскидывает над головой очередное трепещущее сердце, и слышит восторженный рев толпы у подножия великой пирамиды.

Горячие капли падают ему на лицо, и он чувствует, как где-то в невообразимой дали жадно облизывается ненасытный Болон Окте.

Может быть, сегодня он смилостивится, думает Два Тростника. Если у меня хватит сил довести дело до конца... если я не допущу ошибки, и если не сломается нож. Впрочем, Черному Владыке неизвестна жалость и снисхождение. Нет, я напою своего господина кровью сильных мужчин, и он опьянеет и махнет рукой на жалкий человеческий род. Не будет же пьяница разбивать о стену кувшин, в котором осталось еще немного хмельного?

Что за мысли, одергивает себя Два Тростника. Думать о Владыке Севера, как о жалком пьянице – какая дерзость! А что, если он заглянет ко мне в душу?

Но в следующий миг он понимает, что Болону Окте совсем неинтересно, что происходит в человеческой душе. Также, как ему самому не приходит мысль заглянуть в душу муравья, перебегающего лесную дорогу. Раздавить сандалией – пожалуйста. Придумать изощренную казнь для всего муравейника – легко. Но вот интересоваться тем, что там себе думает жалкий муравей? Смешно.

И Два Тростника продолжает свою работу. Вздывается и опускается рука с зажатым в ней обсидиановым ножом. Брызжет теплая кровь.

Грохочут ритуальные барабаны.

Урчит от наслаждения Болон Окте.

Что бы сказал Великий Ураган, думает Два Тростника. Он не одобрял кровавых жертв, может быть, потому, что сам прошел через смерть и знал ей цену. Но правитель мертв, он лежит в мраморном ящике в потайной комнате в толще пирамиды, и не может высказать своему старому другу ни одобрения, ни порицания.

Перед глазами Два Тростника встают картины прошлого. Он видит лицо Правителя, прекрасное и мудрое, со скошенным назад лбом и большим благородным носом. Он вспоминает события, сотрясавшие его землю полвека тому назад...

Господину Пакалю наследовал его племянник, Правитель Ягуар. Несмотря на грозное имя, он был человеком миролюбивым и благодушным, и почти не вел завоевательных войн. В дни больших праздников к великой пирамиде сгоняли полсотни, в лучшем случае – сотню выловленных в лесу дикарей. Ясно, что такая скупость не могла понравиться богам, и они покарали Правителя Ягуара.

Правитель умер, поскользнувшись на ступенях своей купальни. Неудивительно, если учесть, что он был сильно пьян, а телохранители оказались нерасторопны. Их первыми и принесли в жертву – уже на следующее утро.

Городом стал править четырехлетний сын Ягуара, носивший имя Великий Ураган. Пока же Великий Ураган бегал по двору, запуская воздушных змеев, государственные дела взял в свои руки регентский совет, куда вошел и недавно ставший Говорящим с Богами Два Тростника.

В совете было пять человек, и все они были согласны с тем, что боги хотят новых жертв и новой крови. К несчастью, это было единственное, в чем регенты сходились – во всем остальном договориться им не удавалось.

Родственник покойного Ягуара, владетельный Семь Оленей настаивал на том, чтобы ввести новый налог – по ребенку с каждой крестьянской семьи, где насчитывается больше трех детей. Это, по мнению Семь Оленей, значительно увеличило бы количество приносимых в жертву и заодно вселило страх в простолюдинов, которые за последнее время слишком уж расплодились.

Старший Писец Белого Дворца возражал – городу, мол, нужны каждые рабочие руки, крестьян лучше использовать на государственных работах, а в жертву следует приносить лесных дикарей, как это делалось при предыдущем правителе, только в десять раз больше.

«Откуда же их взять в десять раз больше, если при Ягуаре последних выловили? – кричал, брызгая слюной, старый Дождевая Черепаха, один из дядьев Великого Урагана. – Надо идти воевать, захватывать пленников, как это делал Господин Пакаль! И прежде всего надо покончить с Городом Тысячи Попугаев, мерзостью перед лицом богов!»

Двадцать лет назад Дождевая Черепаха прибыл в Город Тысячи Попугаев свататься к дочери местного правителя, Зеленой Ящерке. Второй претендент на руку красавицы, молодой и богатый весельчак, зазвал Черепаху к себе во дворец, до бесчувствия напоил перебродившим соком агавы и велел своим слугам разрисовать тело соперника срамными рисунками, после чего Черепаху голым выгнали из дворца и отправили бродить по улицам города. Эту историю знали все, поэтому стремление Дождевой Черепахи выступить в поход против Города Тысячи Попугаев удивления ни у кого не вызвало.

Войну начинать надо, соглашался могучий и кряжистый военачальник по имени Три Топора. При мягкотелом Ягуаре воины забыли, какой сладкой музыкой звучат крики побежденных, и как приятен дым пылающих вражеских городов. Но Город Тысячи Попугаев – дешевая добыча, там нет ничего, кро-

ме смазливых девок да кактусового вина. Надо идти на восток, на великие города у священных колодцев, на Нефритовый Замок, на Семь Белых Башен! Там сокровища, там склады ломаются от бобов какао, а храмовые хранилища полны нефритовых пластинок и привезенных с далекого юга золотых украшений. Там изнеженные и слабые воины, что выходят на битву в перьях вместо доспехов. Там мы захватим тысячи и тысячи пленных, и ступени великой пирамиды вновь обогрятся жертвенной кровью!

И Три Топора, говоря это, выразительно постукивал по полу рукояткой своей боевой секиры.

Сам же Два Тростника благоразумно помалкивал. Он был тогда самым младшим в регентском совете, и предпочитал слушать, а не говорить.

Пока регенты препирались, на кого из соседей идти войной, война пришла к ним сама. С севера нахлынули орды варваров, жрущих собачатину, и смяли защитников города, как свирепый ветер сметает тростниковую хижину. Три Топора погиб на ступенях дворца, отбиваясь от визжащей толпы варваров. Семь Оленей пытался купить благосклонность завоевателей богатыми дарами, но был убит их вождем. В дверях хранилища свитков пронзили копьем Старшего Писца. Исчез куда-то Дождевая Черепаха. Но Два Тростника варвары тронуть не посмели – когда они поднялись на великую пирамиду, он стоял там, воздев руки к небу, и по лицу его стекали капли жертвенной крови. Перед ним лежало тело четырехлетнего мальчика в богатом платье. У мальчика было вырвано сердце.

Варвары поняли, что Два Тростника принес в жертву самого правителя города, Великого Урагана, и устрашились. Даже они знали, что за такую жертву боги исполнят любую просьбу жреца.

Поэтому вождь варваров не стал сжигать Город Высоких Сейб, и даже не увел его жителей в рабство. Он оставил в горо-

де своего наместника, огромного, пахнущего псиной длинноволосого пьяницу, которого все звали просто Нож, а с ним – две сотни воинов. И повернул на восток, покорять Нефритовый Замок и Семь Белых Башен.

А Два Тростника остался служить богам... и воспитывать юного принца, которого старый Дождевая Черепаха успел спрятать в подземельях великой пирамиды и переодеть. Принц упирался и плакал, когда с него срывали богатые одежды правителя. А крестьянский мальчик, наоборот, радовался, когда его нарядили в прозрачные ткани и перья.

Но Великий Ураган остался жив, а крестьянскому мальчику Два Тростника вырвал сердце.

Десять лет законный правитель города жил при храме как простой слуга. Два Тростника обучал его грамоте и письму, простому и долговому счету, посвящал в тайны календаря и объяснял, как толковать знаки звездного неба. Но когда юноше исполнилось четырнадцать, он попросил у своего наставника разрешения и ушел в лес искать себе новую судьбу.

Великий Ураган вернулся через два года, окрепший и возмужавший. Он носил шкуру ягуара, убитого им в лесу. Он стал славным охотником, а на руках его белели двенадцать шрамов – по одному за каждого убитого им врага.

В Городе Высоких Сейб по-прежнему правили варвары, и даже самый знатный вельможа должен был кланяться самому ничтожному пожирателю собачатины. Великий Ураган сказал своему наставнику, что хочет сбросить власть северян и восстановить прежнюю династию.

Два Тростника пытался убедить его в том, что это невозможно. Варвары сильны, а жители Города Высоких Сейб уже привыкли к их владычеству. В их сердцах нет отваги, и они не станут сражаться с теми, кто поработил их двенадцать лет назад.

Но Великий Ураган не послушал его. Он собрал отряд из двадцати отважных юношей, раскрыл им тайну своего происхожде-

ния и убедил выступить против варваров. Ночью заговорщики ворвались во дворец, в котором некогда родился Великий Ураган, и убили старого пьяницу Ножа.

Слух об этом распространился быстрее, чем пожар в сухом лесу, и Город Высоких Сейб восстал. Оружия у горожан не было, так что варваров убивали, чем придется – серпами, мотыгами, строительными молотками. Половина варваров разбежалась, а сотню захваченных в плен Два Тростника принес в жертву на вершине великой пирамиды.

Но прошел месяц, и вождь варваров привел свою орду к стенам Города Высоких Сейб. На этот раз никто даже не пытался сопротивляться. Горожане в страхе бежали, а тем, кто остался, варвары разможили головы своими длинными дубинками.

Великий Ураган плакал, глядя, как убивают его людей – людей, которыми он правил всего месяц. Когда стало ясно, что город пал, он со своим отрядом пробился сквозь толпу варваров, свирепый, как защищающая своих детенышей пума, и исчез в лесу.

Два Тростника уцелел и на этот раз, хотя его сильно избили и сбросили с великой пирамиды. Любой другой, скатившись вниз по крутым каменным ступеням, расстался бы с жизнью, но Два Тростника, как видно, хранил его господин, Владыка Севера. Он пришел в себя ночью, когда Болон Окте шагал в звездном небе, высоко подняв хрустальный щит, и стал молиться ему, прося сохранить жизнь Великому Урагану и покарать врагов.

Жрецу казалось, что Владыка ответил, но, возможно, это демоны болезни шептали ему в уши.

Два Тростника болел долго, и не было никого, кто помог бы ему в те дни.

Прошло еще три года, и Великий Ураган вернулся на руины своего города. Он повзрослел и преисполнился мудрости и жестокости. В черных, падавших на плечи волосах его сверкали

серебряные нити. С ним было трое уцелевших воинов его отряда и старуха, которую они несли на носилках, словно знатную госпожу.

Два Тростника был рад видеть своего воспитанника живым и невредимым, но старуха не понравилась ему с первого взгляда. Она была крючконосая и злобная, на одном глазу у нее было бельмо. И она не говорила на языках людей, а Два Тростника знал их много. Он понимал и язык Семи Белых Башен, и язык жителей южных гор, и даже лающее наречие варваров. Но язык, на котором говорила старуха, был ему неизвестен. В нем было много шипящих, отчего старуха напоминала рассерженную змею. Однако Великий Ураган обращался с ней уважительно, и делал почтительное лицо каждый раз, когда старухе приходило в голову его позвать.

Своему наставнику принц сказал, что старуха – великая колдунья из далекой страны на юге, что лежит за цепью высоких гор, непроходимыми лесами и полными чудовищ болотами. Там, посреди священного озера, стоит немыслимо древний храм, наполовину вросший в землю, и в нем живут три старые колдуньи, которых жители той страны называют Сестрами Смерти.

Два Тростника, служивший Владыке Смерти Болон Окте, услышал в этих словах ересь, но спорить с принцем не решился, только спросил, зачем он привел с собой одну из Сестер сюда, на развалины Города Высоких Сейб. И Великий Ураган ответил, что замыслил страшную месть пожирателям собак, которые разрушили его наследное владение и убили его подданных. И что теперь судьба варваров – в руках Сестры Смерти.

На этот раз Великий Ураган не спешил. Он посылал своих слуг в разные концы страны, собирая оставшихся в живых жителей Города Высоких Сейб. Всем им он приказывал вернуться туда, где когда-то возвышался его дворец. Прошло полгода, и в город вернулась тысяча человек – в тридцать раз меньше, чем когда-то жило в его стенах.

Едва вернулись последние, Великий Ураган пошел в подземелье, где обитала старуха, и провел там всю ночь. Когда наутро он вышел на дневной свет, в волосах его серебра было больше, чем угля. В руках он держал глиняный кувшинчик, изукрашенный неизвестными письменами. Два Тростника никогда в жизни не видел подобных знаков.

Когда принца спросили, что в кувшине, он ответил – смерть.

А потом велел привести к нему десять девственников. И это было исполнено.

И каждую девушку отводили в склеп, где стоял кувшинчик, и приказывали заглянуть внутрь. Но кроме девушек, никто не должен был видеть того, что хранилось в кувшине. Говорить же, что они видели, девушкам было запрещено.

А затем Великий Ураган отослал девушек в города, захваченные варварами, где они должны были ублажать пожирателей собачатины и спать с их вождями и командирами. Девушки ушли, и никто больше их не видел.

А сам Великий Ураган сидел в покоях своего разрушенного дворца и принимал своих подданных. Каждому, кто приходил к нему, он возлагал руку на голову и произносил какие-то слова на языке, в котором было много шипящих.

Пришел к нему и Два Тростника, преклонил колени и спросил, что делает его бывший ученик. И Великий Ураган сказал – спасаю свой народ.

И он возложил руку на затылок своему учителю, и Два Тростника почувствовал холод, словно от прикосновения металла. Он осмелился поднять глаза, и увидел между пальцами принца серебристый блеск.

Но больше на его вопросы Великий Ураган не отвечал, только прошептал что-то на чужом наречии. Два Тростника ушел от него, недоумевая. Той ночью он чувствовал себя так хорошо, будто помолодел на двадцать лет, но вскоре забыл об этом – такие страшные события сотрясли землю.

Сначала до его ушей стали доходить слухи – слухи о том, что варвары умирают от какой-то болезни, которую прозвали Веселая Смерть. В заболевших вселялись демоны, и они принимались убивать друг друга с такой охотой, словно это была веселая игра. Родители убивали детей, а дети – родителей. Воины хватались за оружие и начинали резать своих товарищей. Многих убивали ночью, во сне. Некоторые влезали на крыши домов и, хохоча, перерезали себе горло. Те немногие, кого миновала зараза, погибали от руки обезумевших.

Потом Два Тростника увидел это своими глазами. Толпы безумцев, жаждущих крови, выходили из леса и бросались на штурм городских стен. Их были сотни, а может, и тысячи, но маленькая армия Великого Урагана справлялась с ними без труда – пораженные Веселой Смертью ничего не помнили о дисциплине, и сражались каждый за себя. Какое-то время они пытались ворваться в город, а потом просто обходили его стороной и исчезали в лесу.

Были и те, кому посчастливилось уцелеть и сохранить рассудок. Таких Великий Ураган принимал охотно, но с условием – они преклоняли колени, а принц возлагал им руку на голову. Тех же, кто не соглашался, в город не пускали.

Так прошел год, а потом посланные Великим Ураганом разведчики донесли, что варвары исчезли, будто их никогда и не было. Захваченные ими города обезлюдели, лишь кое-где в лесу жили маленькие общины спасшихся от Веселой Смерти. Страна опустела, на многие дневные переходы вокруг лежали покинутые селения и брошенные города.

Жителей Города Высоких Сейб болезнь обошла стороной – ни один человек из тех, кто становился на колени перед Великим Ураганом, не заболел и не сошел с ума.

Тогда принц вновь спустился в подземелье, где жила старуха, но на этот раз пробыл там недолго. Вернувшись, он объявил,

что Сестра Смерти покинула их навсегда, и велел замуровать подземелье диким камнем. И Два Тростника украдкой вздохнул с облегчением.

С тех пор прошло много лет.

Великому Урагану удалось вновь отстроить Город Высоких Сейб. Он собрал под свою руку общины выживших, и восстановил Семь Белых Башен и Нефритовый Замок. Он поставил наместниками этих городов своих верных воинов, бывших с ним с самого начала, с той ночи, когда заговорщики убили старого пьяницу Ножа.

Он правил долго и справедливо, и самые искусные камнерезы соревновались в мастерстве, покрывая гимнами в его честь стелы из розового и зеленого камня.

А Два Тростника всегда оставался при нем самым доверенным лицом и Говорящим с Богами. Став правителем, бывший ученик жреца не забыл, кому он обязан жизнью.

Но закончилось время, отмерянное богами, и Великий Ураган умер.

Два Тростника омыл его лицо своими слезами и велел лучшим мастерам изготовить большой ящик из зеленого мрамора. На крышке ящика по его приказу вырезали Мировую Сейбу – дерево, пронизывающее собой все три мира. Под ветвями Мировой Сейбы полулежал Великий Ураган, вкушая сладкое звездное молоко.

Почти пять лет мастера трудились над ящиком, и Два Тростника боялся, что не доживет до конца работы.

Но он все жил и жил, словно Болон Окте в насмешку наградил его бессмертием. Под присмотром Два Тростника рабы уложили истлевшие останки правителя в ящик и задвинули тяжелую крышку, после чего воины убили их и оставили в склепе рядом с саркофагом.

И Великий Ураган обрел покой под сводами великой пирамиды.

А потом пришел страшный год, последний год бактуна, год багряной кометы.

Два Тростника надеялся, что он не увидит конца цикла, но этой надежде не суждено было сбыться. И вот настал день, когда он, старый и слабый, вновь стоит на вершине пирамиды, чтобы отвратить от людей гнев своего господина, Болон Окте, Дуновения Смерти.

И нет никого во всем мире, кто мог бы сделать это вместо него.

У Кровавого Стола – какая-то заминка. Вместо того, чтобы растянуть на выпуклом камне очередную жертву, младшие жрецы падают на колени и ползут к ногам дрожащего от нечеловеческого напряжения Два Тростника. Они плачут и стучат головами о гранитные плиты.

С некоторым запозданием Два Тростника понимает, что он только что вырвал сердце последней жертве.

Их было тысяча семьсот, повторяет он себе, не веря. Тысяча семьсот! Я не мог сделать это сам, наверное, мне кто-то помогал...

И тут он понимает, кто ему помогал, и чувствует холод, поднимающийся вверх по позвоночнику. Его тело выгибается и замирает, как натянутая тетива.

А потом он слышит голос Владыки Севера, похожий на рокот грома в ночном небе. Его не могут заглушить ритуальные барабаны.

Болон Окте говорит, но никто, кроме Два Тростника, не слышит ничего – только далекие грозовые раскаты.

Но все видят, что Говорящий с Богами внемлет своему господину, и боятся, и прячут лица. Жрецы отползают от застывшей в трансе фигуры, тихонько подвывая и расцарапывая себе ногтями щеки.

Проходит много времени, может быть, час, и Два Тростника падает, как подкошенный. Болон Окте вышел из него, и теперь

он снова человек. Его поднимают и осторожно подводят к краю площадки.

Два Тростника воздевает над головой липкие от крови руки.

– Возрадуйтесь, люди! – кричит он. – Ибо бог простил нас! Владыка Севера доволен принесенной жертвой и не станет карать людей сейчас. Он дал нам время – еще три бактуна! Целых три бактуна вы можете жить, рожать детей и возделывать землю! И только по истечении этого срока гнев Болон Окте падет на головы наших правнуков.

Площадь внизу отвечает радостным гулом голосов.

– Но если вы забудете свои обязанности, кара может настичь вас раньше, – сурово предупреждает Два Тростника. – Вы не должны прекращать приносить богам жертвы, ибо кровь им по вкусу!

Толпа согласно воет.

– Я говорю это, потому что мой срок пришел, – продолжает Два Тростника. – Болон Окте требует меня к себе, и вам придется искать другого Говорящего с Богами. Не забывайте же, что я заповедовал, и гнев богов обойдет вас стороной!

Внизу слышны громкие крики разочарования. Два Тростника знает, что людям будет страшно без него, заступника перед Дуновением Смерти, но воля Болон Окте священна. Такова цена за спасение рода человеческого, и, хотя Два Тростника не понимает, почему Владыка Севера бросил на одну чашу весов его ничтожную жизнь, а на другую – жизнь всех прочих людей, послушаться он не смеет.

К тому же перед смертью ему предстоит исполнить еще один приказ Болон Окте.

Этой же ночью он велит разобрать замурованный диким камнем склеп страшной старухи, которую Великий Ураган привез когда-то из далеких южных земель.

Когда кладку разбирают, двое рабов, первыми перешагнувшие порог, падают замертво, вдохнув смрадный воздух подземелья.

Два Тростника прикладывает к ноздрям тонкую, пропитанную благовониями повязку и, держа в руке факел, спускается вниз.

На последних ступенях лестницы, скорчившись, лежит старуха. Седые космы ее отросли почти до пят, ногти на руках длиною с початки маиса.

Два Тростника понимает, что Великий Ураган приказал замуровать ее в подземелье живьем.

На низком каменном столе стоит простой с виду глиняный кувшинчик. Сверху на нем лежит серебристая фигурка жука с изогнутыми передними лапами.

Два Тростника перешагивает через высохший труп старухи и осторожно берет в руки кувшин и фигурку. Скрюченные болезнью пальцы болят неимоверно, но он держит свою ношу крепко. Он знает, что если уронит ее, мир погибнет гораздо раньше отпущенного ему богами срока.

Прижимая к груди кувшинчик и жука, Два Тростника, хрипя от боли в суставах, взбирается обратно по лестнице. Когда он выходит из склепа, жрецы бросаются помочь ему, но он отгоняет их гневным движением руки.

Никто не должен прикасаться к нему.

Дальше все происходит, словно во сне. Взяв с собой двух самых сильных воинов, Два Тростника спускается в подземный лабиринт под великой пирамидой. В этих коридорах можно плутать бесконечно, но Два Тростника сам начертил на стенах тайные знаки, и без труда находит дорогу. В конце концов он оказывается у каменной двери, закрывающей вход в гробницу правителя.

Воины открывают двери и зажигают факелы на стенах, украшенных фресками. Их отблески играют на зеленой мраморной крышке, на которой изображен Великий Ураган, вкушающий звездное молоко.

Два Тростника приказывает отодвинуть крышку.

От Великого Урагана остались одни кости, завернутые в дорогие ткани. Пожелтевший череп скалится приветливой улыбкой.

Теперь приходит черед самого главного. Того, о чем говорил ему Болон Окте.

Два Тростника забирает у одного из воинов факел, и, недовольно ворча, растапливает на его огне шар пчелиного воска. Воск капает на кувшинчик, покрывая его неровным желтым слоем. Два Тростника достает золотую палочку и пишет на воске один-единственный иероглиф. Потом он погружает в мягкий еще воск серебристую фигурку жука. Теперь кувшинчик надежно запечатан.

Когда придет срок, отпущенный Владыкой Севера, печать будет сорвана, и смерть, таящаяся в кувшине, вырвется наружу.

Но это будет еще не скоро, спустя три бактуна.

Дело сделано, и Два Тростника чувствует себя опустошенным и легким. Он велит воинам вернуть крышку на место, стать на колени и закрыть глаза.

Воины догадываются, что их ждет, но не смеют послушаться Говорящего с Богами.

Уколы обсидианового ножа точны и милосердны. Густая кровь обагрывает плиты подземной усыпальницы.

Совершив это последнее в своей жизни жертвоприношение, Два Тростника ложится рядом с саркофагом, подтягивает ноги к животу и закрывает глаза.

Его господин, Болон Окте, ждет своего верного слугу в небесных чертогах.

Содержание

ЭПИЗОД 1	7
Явление черных исполинов	
<i>Группа астероидов Троянцы Юпитера, крейсер «Вольный», ноябрь 2468 года</i>	
ЭПИЗОД 2	19
Право сильного	
<i>Группа астероидов Троянцы Юпитера, крейсер «Вольный», ноябрь 2468 года</i>	
ЭПИЗОД 3	30
По направлению к дому	
<i>Район Урана, крейсер «Вольный», декабрь 2468 года</i>	
ЭПИЗОД 4	42
Оазис среди ледяной пустыни	
<i>Гляциосфера Урана, база организации «Армия пробуждения» Оазис, декабрь 2468 года</i>	
ЭПИЗОД 5	58
Личный пилот товарища Альфы	
<i>Гляциосфера Урана, база организации «Армия пробуждения» Оазис, декабрь 2468 года</i>	
ЭПИЗОД 6	79
Умбриэль	
<i>Спутник Урана Умбриэль, авиетка «Колибри», январь 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 7	92
Ледяные кошки, железные мышки	
<i>Район Сатурна, крейсер «Справедливый», февраль 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 8	117
Преследуя Аэрополис	
<i>Орбита Сатурна, корвет «Барракуда», февраль 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 9	124
Дипломатия без галстуков	
<i>Тропосфера Сатурна, летающий город Аэрополис, февраль 2469 года</i>	

ЭПИЗОД 10	136
Судный день летающего города	
<i>Тропосфера Сатурна, летающий город Аэрополис, февраль 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 11	150
Комета	
<i>Район Марса, крейсер «Справедливый», март 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 12	165
Шоу Пяти Стихий	
<i>Планета Марс, кратер Закона, март 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 13	176
Незнакомка по имени Аня	
<i>Планета Марс, окрестности горы Павлин, март 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 14	184
Орбитальный лифт на горе Павлин	
<i>Планета Марс, окрестности горы Павлин, март 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 15	191
Два спецназа	
<i>Планета Марс, орбитальный лифт, март 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 16	203
Происшествие с дредноутом «Австралия»	
<i>Район Луны, авиетка «Колибри», апрель 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 17	219
Железная Скала	
<i>Орбита Луны, крейсер «Пилигрим», апрель 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 18	227
В бункере господина Оберпротектора	
<i>Луна, окрестности Лунограда, апрель 2469 года</i>	
ЭПИЗОД 19	248
Пленник крейсера «Вольный»	
<i>Район Луны, крейсер «Вольный», апрель 2469 года</i>	

СЕРИАЛ «ЭТНОГЕНЕЗ»

ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ

<http://vkontakte.ru/club9307841>

Э Т Н О Г Е Н Е З

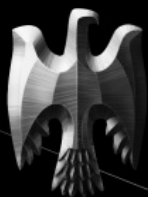
Сомнамбула

Имя	Матвей
Отчество	Степанович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2468 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Луна, Новая Москва
Локация	Орбита Марса. Градус Забвения
Предмет	Отсутствует
Дар	Отвага
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Блокада²

Имя	Екатерина
Отчество	Владимировна
Фамилия	Серебрякова
Время действия	1942 год н.э.
Возраст	19 лет
Адрес	Военная база С-212 «Синица»
Локация	Подмосковье
Предмет	Отсутствует
Дар	Исцеление
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Чингисхан²

Титул	Чингисхан
Имя	Темуджин
Фамилия	Борджигин
Время действия	1184 год н.э.
Возраст	23 года
Адрес	Гора Бурхан-халдун
Локация	Центральная Монголия
Предмет	Волк
Дар	Страх
Сайт	www.ethnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Дракон

Имя	Константин
Отчество	Петрович
Фамилия	Чижииков
Время действия	2009 год н.э.
Возраст	32 года
Адрес	Санкт-Петербург, Моховая, дом 18
Локация	Санкт-Петербург
Предмет	Дракон
Дар	Всеведение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Армагеддон

Имя
Отчество
Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Ростислав
Кириллович

Шибанов

2012 год н.э.

22 года

Поместье Неверлэнд

Калифорния, Соединенные Штаты Америки

Скорпион

Удача

www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Правая», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Правый Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Александр Зорич

СОМНАМБУЛА 2

Книга вторая

Другая сторона Луны

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 30.07.10 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32